ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Владимир (Зеэв) Ханин

ПРОБЛЕМА РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ В СВЕТЕ ПРЕДПОСЫЛОК И ИТОГОВ ВЫБОРОВ В КНЕССЕТ XX СОЗЫВА

Москва 2016

Научное издание

Издание осуществлено при поддержке фонда СТМЭГИ

Владимир (Зеэв) Ханин
ПРОБЛЕМА РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ В СВЕТЕ ПРЕДПОСЫЛОК И ИТОГОВ ВЫБОРОВ В КНЕССЕТ XX СОЗЫВА
М., 2016. 192 с.

ISBN 978-5-89394-274-3

ISBN 978-5-89394-274-3

© Институт Ближнего Востока, 2016
© Владимир (Зеэв) Ханин, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе 4
Введение 6
1. Введение в избирательную кампанию в Кнессет XX созыва 11
1.1. Факторы кризиса правящего кабинета 11
1.2. Распад правящего блока: факторы и последствия 20
1.3. В поисках альтернативы 25
2. Стратегии и противоречия реформы политической системы Израиля 29
2.1. Историческая ретроспектива 29
2.2. "Надпартийные центры" как альтернатива: общие тенденции и опыт правого лагеря 39
2.3. Квазиинтеграционные процессы в левом лагере и проблема "доминантного центра силы" 48
3. Партии как субъект электорального процесса: лидеры, списки и их послания избирателям 58
3.1. Партийные модели 58
3.2. Темы выборов в зеркале левых списков 61
3.3. Ситуация в правом лагере 65
4. "Палестинская тема" в партийных платформах как фактор динамики политической системы 71
4.1. Регионально-политический контекст 72
4.2. Платформы партийных лидеров 80
4.3. "План Либермана" 90
4.4. Промежуточные выводы 95
5. Выборы в Кнессет XX созыва и "русская улица" 97
5.1. "Электоральный потенциал "русской улицы" на выборах 17 марта 2015 года 98
5.2. Политическая эволюция "русской улицы" Израиля 100
5.3. Политический расклад в русскоязычной общине между выборами 107
5.4. "Коррупционный скандал" как фактор поведения избирателей 112
5.5. Распределение голосов русскоязычных избирателей 118
5.6. Причины низкой избирательной активности на "русской улице" 124
Заключение: после выборный процесс как индикатор системных политических трансформаций 132

ОБ АВТОРЕ

Д-р Владимир (Зеэв) Ханин в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам взаимоотношений политических партий с неформальными структурами власти в странах Востока (Институт Африки АН СССР, в Москве). В 1991 г. проходил научную стажировку (пост-докторат) в Институте исследований России и СССР Оксфордского университета, Великобритания. После репатриации в Израиль в 1992 г., где ему была присвоена степень доктора философии (политические науки), З. Ханин работал преподавателем и научным сотрудником Отделения истории Ближнего Востока и Африки и Центра российских и восточноевропейских исследований им. Каммингса Тель-Авивского университета, а также сотрудничал в ряде других учебных и исследовательских учреждений. С 1998 г. З. Ханин преподает политические науки в Университете Бар-Илан и с 2009 года (с 2013 года – в качестве профессора) на отделении политологии и изучения Ближнего Востока Университета Ариэль в Самарии, где ведет курсы, посвященные политологии, политической истории и социологии израильского общества, восточноевропейской политике и общественно-политической роли выходцев из СССР и СНГ в Израиле.

В настоящий момент – Главный ученый (ответственный за ведомственную науку) Министерства алии и абсорбции Израиля.

В качестве приглашенного лектора Зеэв Ханин читал курсы и серии лекций в Университетах Оксфорда и Северного Лондона (Великобритания), Институте стран Азии и Африки при МГУ, а также университетах Киева,

Санкт-Петербурга, Минска, Харькова, Баку и Риги, а также участвовал в десятках научных конференций в Израиле и за рубежом. До перехода на госслужбу, он также являлся постоянным политическим комментатором радио "Голос Израиля", Девятого телеканала ИТВ, Радио Свобода и BBC Russian Service, с которыми продолжает сотрудничество и сегодня. Его статьи и интервью об общественно-политической ситуации в Израиле и ближневосточном регионе и взаимоотношениях Израиля со странами СНГ и Балтии регулярно публикуются многочисленными израильскими, российскими, американскими и европейскими электронными и печатными СМИ. Зеэв Ханин – автор семи книг, соавтор и редактор восьми коллективных монографий и автор десятков статей в академических изданиях по социально-политическим проблемам Израиля, Африки, Восточной Европы и современных еврейских общин.

ВВЕДЕНИЕ

Состоявшиеся 17 марта 2015 года "очередные внеочередные" выборы в израильский парламент – Кнессет отличались целым рядом особенностей, показательных для нынешнего этапа эволюции местной модели либеральной демократии.

Помимо беспрецедентной по интенсивности "войны компроматов", ставшей характерной чертой прошедшей кампании, электоральные баталии фокусировались на трех основных сюжетах. Первым были вопросы внешней политики и безопасности, причем на этот раз доминировала уже не столько тема "палестино-израильского мирного процесса", явно ушедшая на периферию общественной повестки дня, сколько традиционные и новые вызовы, диктуемые нынешней проблематикой региональной безопасности. Вторым сюжетом стала концепция экономической политики правительства, от которой большинство израильтян ждет исправления перекосов, накопившихся в ходе динамичного развития израильского народного хозяйства за последнее десятилетие. И прежде всего ликвидации заметного несоответствия между внушительными темпами экономического роста, низкой безработицей и инфляцией, расширением внутреннего и внешнего рынка и стабильно высокой привлекательностью Израиля для зарубежных вкладчиков, с одной стороны, и ростом стоимости жизни, особенно жилья, продуктов питания и услуг, с другой.

Эти два сюжета во многом были продолжением традиционной общественно-политической полемики, уже несколько лет занимавшей израильское общество и его политический класс, в том числе, и во время предыдущих выборов в Кнессет, состоявшихся в январе 2013 года, и

которым события, имевшие место за прошедшие с тех пор два года, лишь придали новые акценты. В отличие от них, третья тема прошлых выборов – разрешение встроенных противоречий политической системы Израиля, из-за которых каденции Кнессета становятся все короче, а досрочные выборы – все чаще, длительное время считалась если не второстепенной, то, по крайней мере, не требующей немедленного рассмотрения.

На первый взгляд, ничто не предвещало, что вопрос о путях реформы политической системы страны выдвинется в первые строчки общественных приоритетов и на этот раз. Ибо при всем своем внешнем динамизме израильское общество является достаточно консервативным политическим социумом. Этот социум десятилетиями строит модели своего электорального поведения вокруг более-менее одного устоявшегося набора расколов и противоречий: отношение к путям решения арабо-израильского конфликта, светско-религиозное противостояние, взаимоотношения секторальных (национальных и общинно-культурных) групп, а также вопросы экономической политики. Потому факторы, повлиявшие на подобный, не вполне стандартный для израильской ситуации перенос акцентов электоральной повестки дня и сопутствующий им общеполитический контекст, несомненно, достойны специального рассмотрения, что, собственно, и является предметом данной работы.

Понятно, что предпосылки к тому, что обозначенные проблемы рано или поздно получат заметный общественный резонанс (что, собственно, и произошло на последних по времени парламентских выборах), просматривались еще накануне и в ходе выборов в предыдущий Кнессет (январь 2013 г.). Эти сюжеты были довольно подробно разобраны в нашей предыдущей книге, вышедшей в издательстве Института Ближнего Востока в 2014 году.[1]

---

[1] Владимир (Зеэв) Ханин. *Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века*. – М.: ИБВ, 2014.

Потому предлагаемый вниманию читателей текст в каком-то смысле является продолжением и дополнением той публикации.

Среди вопросов, на которые мы попытались в свете заданной проблематики ответить в этой работе, были следующие. Почему системный кризис представительских институтов в рамках нынешнего, третьего этапа израильского парламентаризма, который, разумеется, возник не сегодня, именно на рубеже 2014 и 2015 годов стал темой, обсуждение которой израильский избиратель оказался более не готов, вопреки обычной практике, отложить до "более спокойных времен"? Какую роль в переводе данного сюжета из латентного состояния в оперативную плоскость сыграли общие тенденции эволюции израильской парламентской демократии, и какую – стратегический курс и политическая тактика, избранные третьим правительством Биньямина Нетаньяху? И, наконец, можно ли сделать вывод, что выборы в Кнессет XX созыва, во многом призванные снять накопившиеся противоречия и дисбаланс в политической системе страны, сумели хотя бы частично стать решением этой проблемы?

Очевидно, что ответы на эти вопросы следует искать не только в сложившемся на момент выборов соотношении политических сил, но и во все более заметном влиянии долгосрочных процессов развития политической системы страны. Той системы, которая находится в постоянном поиске оптимальной модели адаптации к новым культурно-политическим вызовам принципов и структур, которые были заложены в нее задолго до провозглашения в 1948 году Государства Израиль. То есть в период становления еврейского национального движения (сионизма) в конце XIX – начале XX века и возрождения политически организованной еврейской общины в Эрец Исраэль ("Земле Израиля")/Палестине в первой половине прошлого века.

Взаимовлияние этих процессов и их важность в контексте набирающей силу общественной полемики о пер-

спективах реформы системы власти в Израиле много значат и в контексте теоретической дискуссии о судьбах парламентаризма и либерально-демократических режимов в странах, находящихся в зонах "цивилизационного сшива" (тема явно актуальная и для "ново-старых демократий" стран Восточной Европы). Понятен и интерес академического сообщества к тенденциям развития партийно-политической системы современного Израиля, с одной стороны, и влиянию эволюции коллективной идентичности израильской нации на функционирование местных институтов представительской демократии, с другой.[2] Однако научное сообщество, по сути, лишь приступило к осмыслению данного комплекса проблем в их оперативной взаимосвязи.

Настоящая монография является попыткой внести, на примере анализа объективных и субъективных факторов развития партийно-политической системы и электорального процесса в Израиле второго десятилетия XXI века (сюжета, который, насколько нам известно, пока находит минимальное отражение в научной литературе), вклад в разработку этой темы.

* * *

Представленный вниманию читателей текст написан как на базе оригинальных материалов, так и дополненных и переработанных (в свете новейших событий и процессов) публикаций, впервые появившихся на сайте и в сборниках

---

[2] Из многочисленных работ на эти темы последних лет см.: Gershon Shafir, Yoav Peled. *Being Israeli: The Dynamics of Multiple Citizenship.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2002; **Avi Bareli**. *Authority and Participation in a New Democracy: Political Struggles in Mapai, Israel's Ruling Party, 1948–1953.* – Academic Studies Press, 2014; Brent E. Sasley, Harold M. Waller. *Politics in Israel: Governing a Complex Society.* – Oxford University Press, 2016; Gregory S. Mahler. *Politics and Government in Israel: The Maturation of a Modern State.* – Rowman and Littlefield, 2016.

московского Института Ближнего Востока в конце 2014 и первой половине 2015 годов. Автор выражает свою искреннюю признательность президенту ИБВ Е.Я. Сатановскому и директору Института Е.Л. Жигуну за их инициативы и поддержку, итогом которых и стала данная монография. Также автор передает сердечную благодарность главному редактору информационного сайта NewRu Israel Евгению Финкелю за его приглашение принять участие в разработке концепции и инструментария инициированных его агентством исследований электоральных предпочтений израильтян, проведенных в 2014 и 2015 годах, и любезное разрешение на использование автором результатов этих исследований. Разумеется, ответственность за приведенные в данной работе факты и оценки целиком лежит на совести автора.

1. ВВЕДЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ В КНЕССЕТ XX СОЗЫВА

1.1. Факторы кризиса правящего кабинета

Третье правительство Премьер-министра Биньямина (Биби) Нетаньяху было сформировано по итогам прошедших в январе 2013 года выборов в XIX Кнессет. Ядром правящей коалиции тогда стали две правоцентристские партии: возглавляемый самим Нетаньяху правящий Ликуд и "Наш дом – Израиль" (НДИ) главы МИДа Авигдора Либермана, большинство избирателей которой традиционно составляют выходцы из бывшего СССР. Пойдя на выборы единым списком, эти партии вместе завоевали 31 мандат.

Правый фланг коалиции занял религиозно-сионистский блок "Еврейский дом" (ЕД), а ее противоположный фланг – две созданные незадолго до выборов 2013 года левоцентристские партии, в основном "выкроенные" из развалившегося электората основанной в 2005 году Ариэлем Шароном и правящей в 2006–2008 годах, некогда центристской, но затем сильно "полевевшей" партии Кадима. Это набравшая 6 мандатов партия "Ха-Тнуа" ("Движение") во главе с перешедшей вслед за Шароном из Ликуда в Кадиму, а затем возглавившей эту партию Ципи Ливни. И созданная известным публицистом и "телезвездой" Яиром Лапидом партия "Еш атид" ("Есть будущее", ЕА).

Последняя, позиционируя себя в качестве очередной "партии центра", сумела привлечь не только традиционных избирателей центристских партий. То есть часть из тех "старых мапайников" (членов семей, поколениями

связанных с партией Авода и ее предшественницей, умеренно-социалистической партией МАПАЙ), которые уже давно по разным причинам не голосуют за свою "домашнюю" партию, и их голоса "плавают" между правым и левым лагерем. Но и оторвать от блока Ликуд-НДИ ("Ликуд Бейтейну") 3–5 их потенциальных умеренно-правых мандатов. (В массе своей из числа тех избирателей, которых Ариэль Шарон, расколов в 2005 году Ликуд, увел с собой в Кадиму, но которые стали возвращаться в Ликуд, а также уходить в НДИ и партию сефардов-традиционалистов ШАС 2–3 года спустя). В сумме это принесло ЕА 19 мест в Кнессете, а ее основателю и лидеру Яиру Лапиду – пост министра финансов, считающийся наряду с постом Премьер-министра и главами Министерства обороны и МИДа одним из четырех "тяжелых" портфелей и ступенькой к посту главы правительства.

Нетрудно заметить, что в составе этого правительства Биньямина Нетаньяху, который уже занимал пост Премьер-министра Израиля в 1996–1999 и 2009–2013 годах, отсутствовали две группы партий. А именно, левые партии, с их уже исчерпавшей себя, по мнению многих в Израиле, программой палестино-израильского "мирного" (ныне именуемого "политическим") процесса в стиле идей, которыми руководствовались инициаторы "соглашений Осло". А также ультрарелигиозные фракции, постоянно критикуемые немалой частью израильской общественности как за "вымогательство средств из госбюджета" в пользу структур, обслуживающих партикулярные интересы традиционного электората этих партий, так и за их нежелание поддержать необходимые гражданские реформы.

Именно поэтому немало обозревателей полагали, что как раз такой состав коалиционного правительства может стать оптимальным ответом на главные темы избирательной кампании 2012–2013 годов. Речь идет о пропорциональном участии граждан в формировании доходной части бюджета, снижении стоимости жизни, справедливом распределении гражданского бремени (включая все-

общий призыв в ЦАХАЛ, от которого освобождены евреи-ультраортодоксы, а также израильские арабы) и исправлении накопившихся перекосов во взаимоотношениях религии и государства. Кроме того, в общественной дискуссии в тот момент уже присутствовала и тема реформы политической системы страны, хотя и все еще имела там минорное звучание. Все эти сюжеты впервые за много лет отодвинули ранее доминантную тему политического урегулирования между Израилем и палестинскими арабами на периферию общественной повестки дня.

Единственной коалиционной партией, "знаменем" которой на выборах 2013 года было продолжение дипломатического процесса с палестинскими арабами, была "Ха-Тнуа" ("Движение"), чья глава Ципи Ливни в дополнение к посту министра юстиции была ответственной за продвижение переговоров с Палестинской национальной администрацией. Впрочем, отказ председателя ПНА Махмуда Аббаса (Абу-Мазена) снизить свои иррационально завышенные требования к Израилю, неприемлемые для любого руководства еврейского государства, делал и этот процесс все менее осмысленным занятием. С таким выводом, периодически позволяя себе разной степени жесткости критику в адрес "правых ястребов" – Нетаньяху, Либермана и лидера ЕД Нафтали Беннета, – были, в принципе, согласны и Ципи Ливни, и Яир Лапид.

Эти обстоятельства позволяли оптимистам надеяться на то, что третье правительство Биньямина Нетаньяху успешно преодолеет неизбежные малые и большие кризисы и сможет если не отбыть всю полную четырехлетнюю каденцию, то, по крайней мере, просуществовать до конца 2016 года. То есть до момента, когда коалиционные партии смогут "с легкой душой" сменить "политику возможного" на ужесточение своих платформ в ходе обсуждения "предвыборного" бюджета на 2017 год. Однако предвыборным оказался не он, а так и непринятый бюджет 2015 года, о который и "сломалась" тогдашняя коалиция, подтвердив тем самым утверждения пессимистов,

призывавших учесть негативный опыт аналогичного по структуре правительства Ариэля Шарона 2003–2005 гг., и потому не торопиться с прогнозами.

Предпосылки более быстрого, чем предполагали многие, развала третьего правительства Нетаньяху проистекали из двух источников. Первым стало возвращение в верхние строчки правительственных приоритетов темы внешней политики и безопасности, традиционно являющейся главным водоразделом израильской политики. Эта тема ненадолго ушла в тень на фоне прокатившихся по стране летом и осенью 2011 года протестов против дороговизны жизни (особенно жилья для молодых пар) и "непропорционального распределения финансового и гражданского бремени". А также в связи с временным ослаблением давления на Израиль со стороны администрации США Барака Обамы, обусловленным фактическим провалом изначального плана Белого дома, направленного на "ускоренное решение" палестино-израильского конфликта в контексте "перезагрузки" отношений США с арабским миром. Было, однако, понятно, что как только команда избранного в 2012 году на второй срок Обамы найдет более эффективную, с их точки зрения, альтернативу этому плану, она возобновит давление на Израиль, побуждая его пойти навстречу требованиям Рамаллы. Что, собственно, и случилось к весне 2013 года.

Ожидаемое возвращение темы внешней политики и безопасности в центр общенациональной повестки дня в Израиле имело и региональный контекст. Последний был задан забуксовавшими к тому времени "ядерными" переговорами стран Запада и Ирана, усилением фактора "Исламского государства", кризисом режима "Братьев-мусульман" в Египте и необходимостью пересмотра механизма сдерживания их филиалов в Газе и в самом Израиле, углублением кризиса в Сирии и т.д. Все это неизбежно нарушало схемы изначальных пониманий и договорённостей между коалиционными партиями страны.

Второй фундаментальной предпосылкой кризиса сформированного в марте 2013 года правительства было то, что сам Нетаньяху отнюдь не считал его состав для себя лучшим из возможных, а был вынужден смириться со сложившимся в тот момент балансом сил и интересов. Известно, что премьер-министр не желал видеть в коалиции блок "Еврейский дом" (ЕД), и дело было далеко не только в том, что с лидером этого блока Нафтали Беннетом, бывшим главой личной канцелярии Нетаньяху, последнего связывали непростые персональные отношения. Выступая в ходе избирательной кампании 2012–2013 гг. с акцентированно-правых позиций, ЕД сумел оторвать от Ликуда многие десятки тысяч голосов его традиционных избирателей из числа религиозных сионистов, что внесло свой вклад в тот факт, что объединенный список Ликуда и НДИ ("Ликуд Бейтейну") получил 31 мандат вместо 42, которые эти партии в сумме имели в Кнессете в 2009–2013 годах, баллотируясь на выборах 2009 года отдельно. Что было все же намного больше, чем у любой другой прошедшей в Кнессет партии, и не помешало Нетаньяху в третий раз занять пост Премьер-министра, но, тем не менее, существенно сузило его свободу маневра при формировании коалиции и выстраивании стратегии правительства.

Понятно, что Нетаньяху без особого восторга относился к перспективе передачи такому коалиционному партнеру ключевых правительственных ведомств, в том числе полученного самим Нафтали Беннетом Министерства экономики (то есть промышленности, торговли и занятости), с его возможностями перенаправлять более чем солидные бюджеты на проекты, интересующие целевые группы блока Беннета. И, соответственно, укреплять его электоральный потенциал за счет партнеров-соперников внутри правого лагеря. Кроме того, присутствие в ЕД партии религиозных поселенцев "Ткума" (лидер которой Ури Ариэль возглавил другое, весьма социально и экономически значимое ведомство – Министерство строительства) серьезно усиливало "правый крен" этого блока. Что,

по предположениям Нетаньяху, постоянно вынуждало бы Беннета требовать от главы правительства соответствующих шагов и заявлений, создавая сложности в реализации избранной им "прагматической" внешне- и внутриполитической стратегии. И это, как показала практика, иногда действительно имело место.

Потому вместо ЕД Нетаньяху предпочел бы видеть в коалиции других "естественных партнеров" Ликуда по "широкому правому лагерю" – ультрарелигиозный ашкеназский блок "Яхадут ха-Тора" ("Еврейство Торы", ЕТ) и возглавляемую сефардскими ультраортодоксами религиозно-популистское движение ШАС. Эти партии, как правило, удобны в любой коалиции уже хотя бы тем, что они обладают весьма ограниченным набором ультимативных внешнеполитических приоритетов. И потому, несмотря на правый, в целом, "крен" их электората, нередко готовы на компромисс в данных вопросах, в обмен на обильные бюджетные вливания в социальные и экономические сферы, интересующие их избирателей. Но реализовать этот план Биби так и не сумел, ибо неожиданно для себя столкнулся с формированием своего рода параллельной коалиции: технического блока двух партий "угнетенного среднего класса": светских либералов из "Еш атид" во главе с Лапидом и религиозных либераловрыночников из того же "Еврейского дома". В условиях отмеченного выше ухода темы палестино-израильского "мирного процесса", по которой две эти партии придерживались радикально разных позиций, на периферию общественного внимания и выхода в его центр темы изменения социально-экономических приоритетов, по поводу которой у Лапида и Беннета почти не было разногласий, обе партии сформировали после выборов "джентльменский союз". Они заявили о своей готовности вместе либо войти в коалицию, либо остаться в оппозиции. А без этих партий, даже вместе с ультраортодоксами, "Движением" Ципи Ливни и остатками партии Кадима, которая во главе со своим новым лидером Шаулем Мофазом все же

сумела перейти электоральный барьер и получить в XIX Кнессете два мандата, у Нетаньяху не хватало голосов для формирования парламентского большинства для своего правительства.

Нетаньяху, у которого истекал отпущенный законом для формирования правительства 45-дневный срок, вынужден был искать креативный выход из этой ситуации. Его первым порывом было желание оставить ЕД и ЕА в оппозиции, пригласив в коалицию Партию труда и пообещав ее лидеру Шели Яхимович пост министра финансов и право в этом качестве реализовывать выдвинутую ее партией на выборах социально-экономическую платформу, которую она продвигала, параллельно "активно заметая под ковер" неудобные для израильских левых темы регионального "дипломатического процесса". Яхимович какое-то время взвешивала это предложение, но потом отвергла его, что, как и "ошибочная платформа" избирательной кампании партии, впоследствии было поставлено ей частью однопартийцев в вину и, среди прочего, стоило ей проигрыша Ицхаку (Бужи) Герцогу на очередных выборах главы партии Авода.

Как бы то ни было, в тот момент Яхимович предпочла стать лидером оппозиции и уже в этом качестве вступить в неформальный союз с другой крупнейшей оппозиционной фракцией – упомянутой партии ШАС. Этот могло бы показаться странным в свете того, что партия Авода, которая в основном опирается на светское "белое" население благополучных городов центра страны, и ШАС, электоратом которой являются преимущественно сефарды-традиционалисты географической и социальной периферии, также придерживаются разных взглядов на пути разрешения палестино-израильского конфликта. Но в условиях ухода "палестинской темы" из центра общественной повестки дня, такой союз не выглядел чем-то немыслимым. Выдвижение на первый план социально-экономической проблематики теоретически делало "социал-демократическую" Аводу и социально-популистский

ШАС "естественными союзниками" в борьбе против "радикально-рыночного", как кажется его критикам, курса второго и третьего правительства Нетаньяху.

Свою роль сыграл и политический конфликт ультраортодоксов с религиозными сионистами из блока "Еврейский дом", что подвигло некоторых лидеров ШАС на немыслимые ранее угрозы "поддержать замораживание строительства и финансирования еврейских поселений в Иудее и Самарии и снос поселенческих форпостов". Потому комментаторы тогда не исключали, что именно эти право-настроенные религиозные ультраортодоксы могут стать последней надеждой Партии труда когда-либо вернуться к власти, а она, в свою очередь, может обеспечить ШАС и ЕТ наиболее комфортные условия пребывания в правительственной коалиции.

В этих условиях у Нетаньяху оставалось только две альтернативы. Либо вернуть президенту страны его поручение на формирование коалиции, дав ему возможность, как предусматривает Основной закон о правительстве, предложить это сделать другому депутату Кнессета, и в случае отсутствия такой кандидатуры (что было более чем очевидно), идти на новые выборы. Либо пойти на условия Лапида и Беннета, пригласив их в коалицию и оставив за ее рамками ЕТ и ШАС.

Нетаньяху предпочел именно эту опцию, но, судя по информации из источников, близких к канцелярии главы правительства, исключительно как временное решение, до изменения внутри- и внешнеполитического контекста. Данный процесс, по его оценкам, должен был завершиться в течение 10–12 месяцев после формирования правительства, дав его главе возможность переформировать правящий кабинет без досрочных выборов, уже в действующей каденции XIX Кнессета.

Указанный контекст действительно изменился, но существенно более радикально, чем представлялось премьер-министру. Помимо ожидаемого возвращения (в связи с обострением региональной ситуации) в центр обще-

ственного внимания темы внешней политики и безопасности, за указанный период имели место и другие события. Среди них – серьезные разногласия в обществе и политической элите по поводу итогов антитеррористической операции ЦАХАЛа в Газе "Несокрушимая скала", неудача ряда экономических экспериментов лидера ЕА Яира Лапида на посту министра финансов и появление в гражданской проблематике нового фокуса общественной дискуссии – темы еврейской идентичности государства. А также смена власти в Аводе и раскол в правящей верхушке партии ШАС после ухода из жизни раввина Овадии Йосефа – духовного лидера и залога единства движения. Все это действительно привело к распаду союзов, сложившихся после выборов: прекращению сближения нерелигиозных социалистов из Партии труда и "религиозных социал-популистов" из ультрарелигиозных партий, а также накоплению разногласий между ЕД и ЕА и распаду "братского союза" их лидеров Н. Беннета и Я. Лапида.

Новый расклад вполне мог устроить Нетаньяху, который к весне 2014 г. более-менее нашел общий язык с лидером ЕД Беннетом, в то время как отношения с премьер-министром у министра финансов и лидера ЕА Яира Лапида и министра юстиции и лидера "Движения" Ципи Ливни портились чем дальше, тем больше. На протяжении 2014 года лидеры ЕА и "Ха-Тнуа" все заметнее переходили от безобидного фрондирования к все более активным атакам на главу правительства, обвиняя его в "нежелании возобновить мирный процесс с палестинскими арабами" тоном, очень близким к высказываниям оппозиционных партий Аводы и ультралевой МЕРЕЦ. В силу чего премьер-министр был однозначно заинтересован заменить обе левоцентристские партии на ультрарелигиозные ШАС и ЕТ, проявляя, по утверждениям прессы, готовность обсудить смягчение или отмену принятого в начале каденции закона, распространяющего на ультраортодоксов порядок обязательного призыва в ЦАХАЛ и поощряющего их выход на рынок труда.

1.2. Распад правящего блока: факторы и последствия

По имеющимся данным, основная причина, по которой Нетаньяху так и не смог реализовать подобный сценарий, заключалась в том, что он был заблокирован главой МИД Авигдором Либерманом, партия которого "Наш дом – Израиль", как было сказано, пришла в Кнессет XIX созыва в составе единого списка с правящим движением Ликуд. Этот союз многим виделся своего рода восстановлением предшественника Ликуда – блока ГаХаЛ (объединение консервативного движения сионистов-ревизионистов Херут и Либеральной партии). В "новом ГаХаЛ" – объединенном списке "Ликуд-Бейтейну", согласно логике Либермана, в роли Херута уже выступал истинный наследник идеологии ревизионистов «социально-рыночный» НДИ, а либералов – политически сдвинувшийся за эти годы к центру и усвоивший либерально-рыночную доктрину Ликуд. Но уже к концу 2013 года стало ясно, что объединенный блок этих двух правоцентристских партий долго не протянет.

И дело было не только в идеологических разногласиях по поводу Закона о призыве в армию ультраортодоксов – темы, которая наряду с ослаблением монополии религиозных общин в гражданских вопросах и формализации статуса внутри еврейского коллектива членов семей репатриантов нееврейского и смешанного происхождения была своего рода "знаменем" гражданской платформы НДИ. Первые серьезные трещины во взаимоотношениях двух ключевых коалиционных партнеров проявились в тот момент, когда Либерману стало очевидно, что Нетаньяху не намерен реализовывать их стратегические взаимопонимания. То есть, что он не хочет или не может противостоять сопротивлению большинства ликудовского истеблишмента идее слияния Ликуда и НДИ и "возвращению" Либер-

мана на позицию "номера 2" в партии, с которой еще со студенческой юности была связана его политическая и профессиональная карьера. Имея в виду перспективу замены Нетаньяху Либерманом, который никогда не скрывал своих амбиций на каком-то этапе стать премьер-министром страны (что, как известно, возможно лишь на позиции легитимного лидера одного из двух "широких" лагерей политического спектра страны – в данном случае правого), на посту лидера объединённого движения и премьер-министра через одну-две каденции.

Очевидно, что глав влиятельных внутрипартийных кланов, в том числе т.н. "ликудовских принцев" – представителей второго поколения лидеров-основателей ядра Ликуда – движения Херут, из-за конфликта с которыми Либерман в свое время покинул и партию, и пост гендиректора Министерства (руководителя администрации) главы правительства, подобная перспектива решительно не устраивала. Прекращение или продолжение партнерства между двумя партиями стало темой конференции Центра партии Ликуд в начале декабря 2013 года. По данным СМИ, за внесение этого вопроса в повестку дня высказались высокопоставленные члены партии, в том числе несколько министров, которые считали, что данный политический союз нанес ущерб обеим сторонам. И потому требовали дать ход "инициативам по предотвращению захвата Либерманом власти в Ликуде... вне зависимости от того, хочет или нет сам председатель партии Нетаньяху положить конец этому союзу". И хотя за несколько часов до начала конференции внутренний суд партии внял просьбе Биньямина Нетаньяху о снятии с голосования предложения Дани Данона о роспуске блока Ликуда и НДИ, было очевидно, что вопрос на том отнюдь не исчерпан.

Либерману стало окончательно ясно, что предвыборные договоренности с лидерами Ликуда (наличие которых, впрочем, в окружении Нетаньяху отрицали) не будут соблюдаться в ходе муниципальной кампании в октябре 2013 года, которая стала своего рода "послесловием"

выборов в Кнессет.[3] К тому времени в руководстве обеих партий нарастало убеждение в том, что эксперимент с объединением оказался не слишком удачным, а казавшийся многим неизбежным накануне выборов в Кнессет курс на конвергенцию в единую партию, по крайней мере, на этом этапе – бесперспективным. В итоге, если в ряде городов Ликуд и НДИ по-прежнему шли на выборы едиными списками, то во многих других местах они уже весьма жестко конкурировали друг с другом. Так, НДИ и Ликуд нигде не выставили единого кандидата на пост мэра; более того, в целом ряде городов именно кандидаты от этих партий являлись главными соперниками в борьбе за этот пост. Единственным исключением, на первый взгляд, был Иерусалим, где Моше Леон, главный соперник действующего мэра Нира Барката, являлся официальным и единственным кандидатом от блока "Ликуд – Бейтейну".

Но именно выборы в Иерусалиме привели к тому, что первоначально не казавшиеся непреодолимыми расхождения Нетаньяху и Либермана переросли в убеждение, что союз двух политиков и их партий себя исчерпал. Нельзя не заметить, что если руководство НДИ активно продвигало Моше Леона, Нетаньяху де-факто "самоустранился" от муниципальной кампании в столице, выражая готовность работать с любым мэром, кто бы ни победил на выборах. То есть в тогдашних политических условиях он фактически поддержал действующего мэра, подтвердив тем самым утверждения прессы о том, что соперничество Барката и Леона на самом деле является противостоянием Нетаньяху и Либермана. Даже если эти утверждения и были на тот момент, по словам авторитет-

---

[3] Подробнее см.: Владимир (Зеэв) Ханин. Израиль: муниципальное послесловие парламентских выборов. М.: *ИБВ*, 2013; он же. Израиль: «новые» политические игроки и их оппоненты в свете итогов муниципальных выборов. М.: *ИБВ*, 2013.

ных источников в окружении обоих лидеров, сильно преувеличенными, дальнейшие события пошли именно по этому сценарию.

Несомненно, что победа в Иерусалиме протеже Либермана Моше Леона (с помощью которого Либерман, занимая пост генерального директора Ликуда, в свое время смог в течение года решить проблемы финансовых долгов партии и оптимизировать ее структуры) однозначно укрепила бы персональный политический лагерь лидера НДИ. Победа в столице, где находилось большинство групп сторонников Либермана в Ликуде, которых он, даже уйдя из этой партии, сумел сохранить, в свою очередь, стала бы предпосылкой его выдвижения на роль лидера всего правого сегмента политического спектра Израиля – на платформе Ликуда, вместе с Ликудом, или вместо него. Именно поэтому на борьбу в столице была брошена львиная доля ресурсов НДИ, которая практически "оголила", по мнению некоторых наблюдателей, свою муниципальную кампанию во многих других местах. Потому не вызывает удивления, что "негативный нейтрализм" Нетаньяху, внесший, среди других факторов, ультимативный вклад в победу, хотя и с минимальным отрывом, действующего мэра Нира Барката над единым кандидатом Ликуда и НДИ, был воспринят Либерманом как личный политический выпад, ставящий под угрозу всю его политическую стратегию.

Тем не менее в последующие месяцы, несмотря на то, что вопрос о "цивилизованном разводе" НДИ и Ликуда витал в воздухе, оба лидера продолжали демонстрировать business as usual, утверждая в прессе, что тема объединения их партий еще не снята с повестки дня. Точку в этом процессе поставили проходившие в мае 2014 года выборы президента Израиля. Притом, что президент в Израиле является непартийной фигурой и выполняет сугубо представительские функции, моральный авторитет главы государства, его роль, "главного рупора страны" и идущий в последние десятилетия процесс по-

литизации института президентства заставляют крупнейшие партии страны прилагать усилия к тому, чтобы этот пост был занят их представителем. Естественно было ожидать, что фигуры кандидатов, которые могут сменить на посту главы государства уходящего в отставку 91-летнего Шимона Переса, будут предметом договоренностей лидеров двух партий, входящих в правящий блок. По данным СМИ, эти консультации действительно состоялись, причем, по тем же данным, предполагалось, что в списке этих желаемых для двух лидеров кандидатов не будет одного из фаворитов президентской гонки – бывшего председателя Кнессета и видного "ликудника" Реувена Ривлина.

Нетаньяху и Ривлин находились в состоянии острого конфликта с того момента, как первый после избрания Девятнадцатого Кнессета в январе 2013 года отказался вновь выдвинуть Ривлина на пост председателя парламента, отдав эту должность своему близкому политическому партнеру Юлию Эдельштейну. В результате чего Ривлин стал одной из ключевых фигур оппозиции Нетаньяху внутри Ликуда и вне его. А Либерман не раз подчеркивал, что между его партией и Ривлиным существуют "глубокие политические расхождения", благодаря которым Ривлин на посту спикера Кнессета "тормозил" многие инициативы НДИ. Тем не менее в мае 2014 года премьер-министр Биньямин Нетаньяху и на этот раз удивил и друзей, и соперников, объявив, без согласования этого шага с Авигдором Либерманом, на завершающем этапе президентской кампании о поддержке Реувена Ривлина, который благодаря этому и стал Президентом Израиля.

В последующий месяц достоянием гласности стали разногласия между Либерманом и Нетаньяху по целому ряду других ключевых вопросов, включая должный израильский ответ на непрекращающиеся ракетные обстрелы из сектора Газа. Соответственно, мало кто удивился, когда 7 июля 2014 года на специально созванной в Иерусалиме пресс-конференции министр иностранных дел Ави-

гдор Либерман объявил о роспуске союза его партии с Ликудом, сообщив накануне о своем решении Биньямину Нетаньяху.

1.3. В поисках альтернативы

Впрочем, распад правящего блока "Ликуд-Бейтейну" еще не означал распад правительственной коалиции. Исчезновение союзов, которые были положены в основу формирования правящего кабинета и оппозиции после выборов – формального (Ликуд-НДИ), полуформального (ЕА и ЕД) и неформального (Авода и ШАС), на первых порах лишь привело к изменению управленческих схем и новым моделям "конкурентного сотрудничества" коалиционных и оппозиционных партий. Главной из них стала, назовем ее, модель "решения проблем по мере поступления" (Ad Hoc resolution of Government issues), построенная на заключении разовых межпартийных союзов внутри коалиции и за ее пределами под проведение конкретных законодательных инициатив. Так, Ликуд, НДИ и ЕД объединили усилия для внесения правительственного законопроекта о национальном характере Государства Израиль, против которого выступили обе левоцентристские партии, "Еш атид" и "Ха-Тнуа", а также президент Израиля Реувен Ривлин. НДИ, "Еш атид", "Авода" и "Ха-Тнуа", вопреки сопротивлению Ликуда, "Еврейского дома" и ультрарелигиозных партий, провели через законодательную комиссию Кнессета закон, предполагающий структурные изменения в раввинских судах, отвечающих за процедуру гиюра (перехода в иудаизм). Биньямин Нетаньяху в обмен на поддержку министром финансов и лидером ЕА Яиром Лапидом актуальных для Ликуда статей бюджета согласился на начало процедуры по проведению закона, который партия "Еш атид" провозгласила одним из краеугольных камней свей социальной программы – отказ от взимания НДС с граждан, приобрета-

ющих свою первую квартиру. Этот же законопроект, выразив обоснованные сомнения в том, что его внедрение приведёт к обещанному падению цен на жилье, поддержала и партия НДИ, взамен добившись снятия Минфином основных возражений против требования партии о выделении дополнительных бюджетов на строительство социального жилья для репатриантов. Эти примеры можно продолжить.

При всем при этом фракция НДИ с ее 11 мандатами продолжала оставаться ключевым партнером Нетаньяху и Ликуда. Тем более, что продолжал работать порядок замещения освободившихся парламентских позиций в соответствии с очередностью в списках, зарегистрированных для выборов в Кнессет, вне зависимости от того, что с этими списками происходило уже после выборов. В итоге вместо Кармеля Шама-ХаКоэна, который должен был заменить во фракции Ликуда Реувена Ривлина, но предпочел стать послом Израиля в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Кнессет вошел следующий по очереди в уже не существующем объединенном предвыборном списке – член НДИ Алекс Миллер. А еще через несколько недель вместо уволившегося из правительства и Кнессета министра внутренних дел "ликудника" Гидона Саара в парламент вошел еще один (так же как и Миллер, русскоязычный) член НДИ Леон Литинецкий. В результате фракция НДИ увеличилась до 13 мандатов, а Ликуда уменьшилась до 18 – на мандат меньше, чем у партии "Еш атид", что резко сокращало возможности маневра премьер-министра и повышало, на первый взгляд, его заинтересованность в партнерстве с Либерманом.

Однако к тому времени потенциал доверия между двумя лидерами был уже во многом исчерпан, что наряду с иными обстоятельствами создавало у Нетаньяху ощущение, что ситуация может выйти из-под контроля. Это чувство у него явно усилилось под влиянием двух обстоятельств. Во-первых, в связи с принятием Кнессетом, во-

преки массированному давлению премьер-министра и депутатов от Ликуда, закона, запрещающего якобы ради "честной конкуренции" бесплатную раздачу ежедневных газет. Этот закон, разработанный оппозицией и поддержанный всеми коалиционными партиями, кроме Ликуда, по сути, был направлен против одной газеты – "Исраэль Хайом" ("Израиль сегодня"). Это наиболее тиражное в стране издание, по общему мнению, является "рупором" команды премьер-министра и издается на деньги его близкого друга, американского еврейского миллиардера Шелдона Эдельсона.

Во-вторых, благодаря появлению в политических кругах и СМИ идеи о возможности смещения Нетаньяху с поста главы правительства путем создания альтернативной левоцентристской коалиции во главе с Лапидом как лидером самой крупной фракции в Кнессете. Согласно авторам этой идеи, в такую коалицию, помимо всех левых партий, могла бы войти и НДИ, доведя ее численность до минимально необходимого большинства в 61 мандат, за что Авигдору Либерману, согласно тем же источникам, инициаторы "альтернативной коалиции" были готовы предложить любой "тяжелый" министерский портфель и/или пост первого вице-премьера. А когда эта чисто умозрительная идея была дезавуирована самим Либерманом, заявившим, что "даже за пост президента Земного шара" он не готов сидеть в одной коалиции с ультралевым МЕРЕЦ, в тех же кругах стала циркулировать идея другой "альтернативной коалиции": без НДИ, но с ультрарелигиозными партиями, вступление которых в коалицию Нетаньяху продолжал блокировать тот же Либерман.

В итоге перед Нетаньяху оставалась все та же дилемма: либо пойти на уступки Лапиду и Ливни, заметно ужесточившим свои требования к премьер-министру как в сфере внешней политики, так и на социально-экономическом поле, где ЕА и "Ха-Тнуа" отказывались поддержать предлагаемую Ликудом и согласованную с НДИ и ЕД версию Закона о хозяйственном регулирова-

нии, принимаемого вместе с бюджетом и регулирующего исполнение его основных статей. Либо уволить из правительства министров от обеих левоцентристских партий и идти на новые досрочные выборы в надежде получить в результате опять пост главы правительства и более управляемую коалицию.

Яир Лапид, видимо, осознав, что зашел слишком далеко в своем противостоянии с Нетаньяху, постарался снизить накал конфликта, опровергая в интервью различным СМИ информацию о том, что он угрожал выйти из правительства и что все противоречия есть не более чем "обычный процесс принятия бюджета, который всегда проходит нелегко". Тем не менее Нетаньяху все же предпочел второй вариант. Поворотным пунктом его рассуждений был, по мнению обозревателей, "Закон «Исраэль Хайом»", убедивший премьер-министра, что баланса интересов, положенного в основу коалиции, более не существует. Биби явно решил не повторять неудачный опыт 2012 года, когда он сначала объявил, а через несколько дней отменил досрочные выборы, договорившись с лидером оппозиционной партии Кадима Шаулем Мофазом о переформировании коалиции, но уже очень скоро был вынужден распустить и ее, и идти на выборы в худших для себя условиях.

Поэтому 2 декабря 2014 года Нетаньяху уволил из правительства министров от "Еш атид" и "Ха-Тнуа", а 8 декабря Кнессет принял закон о самороспуске, дав старт избирательной кампании в Кнессет XX созыва.

2. СТРАТЕГИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ

На первый взгляд, причиной распада правящей коалиции и сверхкороткой каденции Кнессета XIX созыва был конкретный политический расклад, включая нарастание персональных и идеологических конфликтов политиков и распад созданных ими временных лояльностей и блоков. Однако поставив эти события в более широкий историко-политический контекст, можно прийти к иному выводу. А именно, что события, описанные в предыдущей главе, были не первопричиной, а лишь внешним индикатором упомянутых перекосов и структурных противоречий, постепенно накапливающихся во властно-управленческой системе страны, а конкретные политические обстоятельства, в которых действовали партии правящей коалиции и оппозиции, лишь сообщили этим процессам дополнительную динамику.

2.1. Историческая ретроспектива

Начиная с электорального переворота 1977 г., покончившего с десятилетиями почти безраздельной власти в Израиле умеренно-социалистической партии МАПАЙ и ее наследницы Партии труда (Авода), основной вектор политической борьбы в Израиле определялся противостоянием двух сопоставимых по силе (до начала 2000-х гг.) широких партийно-политических лагерей. А именно, "левого" (куда формально входят и арабские партии) и "правого" (куда обычно относят и еврейские ультрарелигиозные партии), принадлежность к которым определялась готов-

ностью этих партий принять подход к кардинальному вопросу израильской политики – путям решения арабо-израильского конфликта, соответственно, по модели "мир в обмен на территории" и "мир в обмен на мир". Притом что по другим основным политическим сечениям израильского общества – социально-экономическая политика, гражданские вопросы и противоречия между различными национально-этническими и общинно-религиозными секторами израильского общества – как, впрочем, и по поводу стратегии в сфере внешней политики и безопасности, между входящими в один и тот же лагерь партиями могут быть немалые разногласия.

В итоге доминирующие в этих "широких" блоках и конкурирующие между собой за статус "партий власти" левоцентристская партия Авода и "официальный наследник" движения сионистов-ревизионистов правоцентристский Ликуд на протяжении всего этого времени были вынуждены решать, в сущности, одну и ту же дилемму. С одной стороны, быть привлекательными для израильского среднего класса, составляющего ядро "умеренного" по своим политическим взглядам электората страны (по разным оценкам, порядка 50–70% всего корпуса избирателей), что постепенно приводило к сближению, хотя и с некоторым акцентом "вправо" или "влево", их платформ по большинству сечений политических конфликтов. В этом смысле им приходилось соперничать друг с другом за то относительно небольшое число голосов, "плавающих" между двумя флангами политической карты страны и способных изменить баланс в ту или иную сторону. И с другой стороны, не допустить оттока их собственного "коренного" и "привлеченного" электората к конкурентам Аводы и Ликуда внутри правого и левого лагерей. То есть к партиям с более очерченными социально-классовыми и политическими платформами и примыкающим к этим лагерям секторальным движениям – религиозным, этническим, общинным и т.д., равно как и к партиям центра, а также "тематическим" и протестным спискам.

Потому главной проблемой Аводы в последние годы стало не потерять или вернуть себе избирателей из своего "домашнего электората" – "старых мапайников", то есть приверженцев исторически связанной с Аводой и ее предшественницей партией МАПАЙ фракции "Первого Израиля" – жителей благополучных городских кварталов и ашкеназских коллективных поселений центра страны. Проблемой Ликуда того же рода была борьба за голоса "старых херутников-ревизионистов" (сторонников ядра Ликуда – правоконсервативной партии Херут) и членов исторически связанных с партией "секторальных лобби" – "сефардского" (выходцы из стран Востока и их потомки), религиозных сионистов, репатриантов из стран Восточной Европы последних десятилетий и некоторых других.

В свою очередь, союзники-конкуренты Аводы и Ликуда делали все возможное, чтобы убедить своих "коренных" и потенциальных избирателей, что только наличие у этих партий максимально широкого представительства в Кнессете позволит их лидерам претендовать на оптимальный набор министерских портфелей. И тем самым обеспечить удовлетворение общенациональных и специфических интересов стоящих за ними общественных групп. И что не менее важно, сделает эти партии, как альтернативные Аводе или Ликуду сильные центры политического влияния в соответствующих лагерях, "первым адресом" для обращения потенциального премьер-министра, минимизировав искушение поискать идеологически более "удобных" и "дешевых" (в смысле министерских и бюджетных требований) партнеров в противоположном политическом лагере.

Именно с этими тенденциями был связан процесс кризиса института "больших партий", которые доминируя в своих "широких" партийно-политических лагерях, изначально имели суммарный потенциал более половины состава Кнессета. Что, собственно, и позволяло им вести переговоры "с позиции силы" со своими потенциальными партнерами при формировании "правой" или "левой" коа-

лиции. И тем более, в случае формирования "правительства национального единства". Ситуация менялась по мере того, как число мандатов, которыми располагали фракции двух "больших" партий в Кнессете, сокращалось из каденции в каденцию, и напротив, возрастал совокупный потенциал их конкурентов за голоса "левых" и "правых" избирателей. В результате в последние 30 лет каждая из партий, претендующих на статус правящей, как правило, набирала менее четверти мандатов в Кнессете, что делало ее меньшинством в любой коалиции, а их лидеры переставали быть одним из двух бесспорных кандидатов на пост премьер-министра.

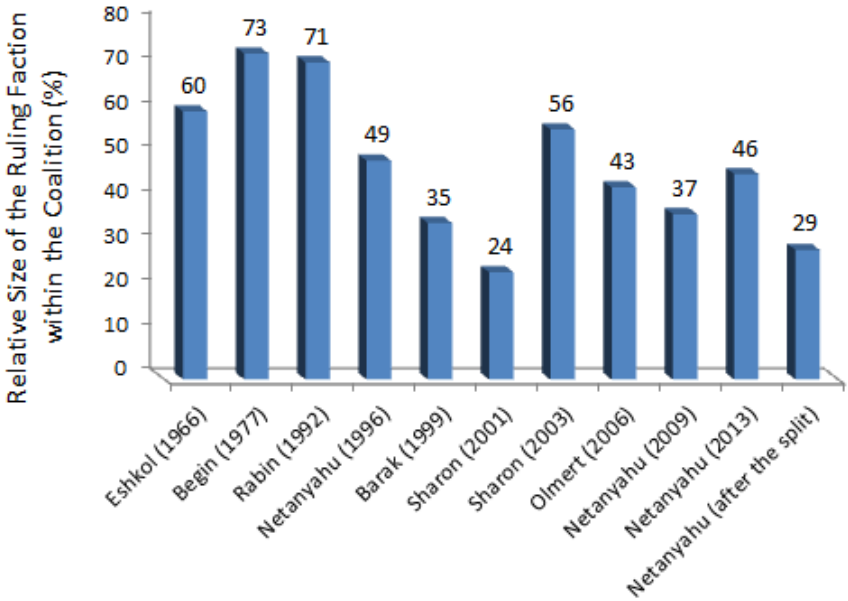
По этой причине росла и зависимость лидеров Аводы и Ликуда при формировании правящей коалиции от их "естественных союзников" внутри широких партийных лагерей. А также от "партий центра", которые помимо упомянутых "плавающих" голосов, часто небезуспешно пытаются собрать насколько можно большую часть собственно "правых" и "левых" избирателей под популярного лидера либо привлекательную идею – правда, не больше, чем на одну-две каденции. Все это, как нетрудно заметить, резко повышало "цену" каждого коалиционного партнера, повышало конфликтность правящего блока и понижало его устойчивость.

В последние два десятилетия израильскими законодателями было предпринято немало усилий по решению этой проблемы. Большая часть из них была связана с попытками создания в каждом из этих двух политических лагерей условий для формирования сильных центров власти. Судя по всему, именно с этой целью в начале 90-х годов XX века была принята система раздельного голосования за партийные списки и кандидата на пост премьер-министра страны, что, по идее, должно было освободить избранного всенародным голосованием главу правительства от "вымогательства" потенциальных партнеров и обеспечить ему управляемое правительство.

Однако результатом стала прямо противоположная ситуация: дальнейшее ослабление "больших" партий и усиление альтернативных им идеологических и секторальных групп. Не удивительно, что именно в 1996 году, когда была впервые задействована указанная система, правящая партия, которой стал Ликуд в результате победы ее лидера Биньямина Нетаньяху над лидером Аводы Шимоном Пересом на прямых выборах премьер-министра, впервые в израильской политической практике стала меньшинством в сформированной им правящей коалиции. И эта же ситуация, как видно из представленных ниже данных, за единственным исключением имела место и во все последующие годы. (Этим единственным исключением был все тот же Ликуд в правительстве Ариэля Шарона 2003 года, который, впрочем, уже в 2005 году раскололся на две фракции, одна из которых, сохранив этот брэнд, ушла в оппозицию, а вторая – основанная Шароном новая партия Кадима – удержалась до конца каденции в качестве правящего меньшинства коалиции). Причем отмена прямых выборов главы правительства и возвращение к прежней, ультимативно-парламентской модели так и не переломили эту тенденцию. Не исключением была и каденция Кнессета, избранного в январе 2013 года, в период которой предвыборный блок Ликуда с партией "Наш дом – Израиль" (НДИ) в качестве правящей фракции составлял 46%, а после распада этого блока – лишь 29% коалиции, на которое опиралось третье правительство Биньямина Нетаньяху.

Не случайно в политическом классе Израиля время от времени появляются идеи вообще отойти от двухблоковой модели организации партийно-политической системы страны и тем самым вообще снять тему коалиционной нестабильности. Попытку реализовать одну из таких идей в 2005 году предпринял тогдашний премьер-министр Ариэль Шарон, поставивший своей целью вернуть политическую систему Израиля к "полуконкурентному" состоянию 1948–1977 гг. – эпохе почти безраздельного

Доля партий, возглавляемых премьер-министрами, в правящих коалициях
(в %)[4]



доминирования партии МАПАЙ/Авода. На это раз данную роль должна была сыграть созданная Шароном "центристская партия власти" – Кадима, объединившая под своей крышей умеренные фракции сторонников Ликуда и Аводы, а также большую часть традиционного электората "классических" партий центра. Иными словами, электоральная заявка нового проекта Шарона была направлена на то, чтобы освоить политический центр, в самом широ-

---

[4] Assaf Shapiro. The Yisrael Beiteinu–Likud Split: Background and Consequences // *Israeli Democracy Institute*, July 13, 2014, http://en.idi.org.il/analysis/articles/the-yisrael-beiteinu-likud-split/

ком смысле этого слова – от умеренно-левого до умеренно-правого, большая часть которого считается сферой "естественного влияния" умеренно-левой Аводы и умеренно-правого Ликуда, которые, таким образом, должны были быть отодвинуты на периферию политической карты Израиля. Однако выполнить замысел своего основателя, драматически ушедшего с политической арены страны через три месяца после запуска его нового политического проекта, Кадима так и не смогла.

На выборах 2006 года эта партия, возглавляемая "официальным наследником" Ариэля Шарона, Эхудом Ольмертом, завоевала 29 мандатов – то есть, по-прежнему менее четверти состава Кнессета. И, соответственно, даже став правящей партией, Кадима была меньшинством в собственной коалиции, которую сопровождали большие и малые кризисы на протяжении практически всей ее каденции. Не говоря уже о том, что Вторая ливанская война лета 2006 года и последующие события сделали мало релевантной и идейную платформу Кадимы – шароновскую идею "одностороннего размежевания от палестинских арабов" (альтернативную как "левой" концепции "мир в обмен на территории", так и правой идее "мир в обмен на мир"). А также ее продолжение – "план свертывания" Эхуда Ольмерта. А все это уже лишало партию ее идейной базы и обессмысливало ее претензии на власть.

Потому на выборы 2009 года "полевевшая" Кадима во главе с Ципи Ливни, сменившей у руля партии Эхуда Ольмерта, шла уже не в качестве "новой партии центра", а как партия, претендующая на роль главной силы "широкого левого лагеря", постаравшись вытеснить из этой ниши Партию труда. Как можно заметить, это уже была игра по старым правилам, к которым сама Кадима имела косвенное отношение. Почти бесцветно просидев в оппозиции, несмотря на то, что ее фракция была крупнейшей в том Кнессете, всю свою вторую парламентскую каденцию, Кадима к ее концу фактически распалась на не-

сколько частей. Сохранившая это название фракция нового лидера Кадимы – Шауля Мофаза на выборах в январе 2013 года с трудом прошла электоральный барьер, подтвердив тем самым, что "партии центра" в Израиле, как было отмечено, даже такие безразмерно большие, как Кадима, являются проектами на одну-две каденции. (Это "железное правило", впрочем, не удерживает очередные группы политиков от искушения вновь и вновь заполнить соблазнительно-пустующую "центристскую" партийную нишу – с вполне предсказуемой перспективой.)

Вывод из всего сказанного, на наш взгляд, таков. Попытки стоящих за Кадимой и другими аналогичными проектами «неоцентристских элит» решительно перекроить политическую систему страны вне контекста принятых в Израиле правил политической игры эпохи либеральной демократии приводят к заметной "разбалансировке" устоявшихся в стране норм взаимоотношений правящей коалиции, оппозиции и гражданского общества. Поэтому естественной реакцией политической системы страны было как можно скорее преодолеть негативные последствия "шаронистского" и прочих подобных экспериментов и искать средства для исправления накопившихся в ней перекосов не за пределами, а внутри двублоковой модели.

В этом смысле речь, как правило, идет о четырех идеях, три из которых связаны с принятием соответствующих законодательных актов в рамках тех или иных проектов реформы политической системы Израиля, а четвертая – с различными партийно-электоральными стратегиями в рамках существующей системы.

Первая – это резкое укрепление исполнительной власти и, следовательно, стабильности правительства путем введения "исполнительного президентства" в одной из двух его моделей – американской, или европейской (парламентско-президентской). (Первый вариант, как известно, предполагает, что всенародно избранный президент сам формирует "правительство профессионалов", второй – правительство, состоящее из политиков, ответственных

также и перед Кнессетом). Эта концепция имеет в Израиле немало сторонников, полагающих, что президентская модель может способствовать оптимизации исполнительной власти. Но не меньше и тех, кто, признавая этот факт, высказывают небезосновательные опасения, что итогом перехода к президентской модели может стать чрезмерная концентрация власти в руках узкой группы лидеров и/или стоящих за ними элит, со всеми вытекающими издержками для израильской демократии. И примерно того же мнения, похоже, придерживается большинство израильтян, что делает реализацию этой идеи в ближайшем будущем маловероятной.

Вторая идея – это переход от исторически принятой в Израиле пропорциональной системы выборов (голосование за партийные списки) к мажоритарной системе (по избирательным округам). Благодаря чему, согласно оценкам экспертов, провести своих кандидатов в Кнессет смогут лишь две-три крупные партии, обладающие развитой инфраструктурой и базой в местных органах власти, и, возможно, одна-две секторальные партии, электорат которых компактно проживает в определенных районах (как например, евреи-ультраортодоксы и арабы).[5] Примерно те же последствия должна иметь реализация третьей идеи – резкого повышения электорального барьера (то есть минимальной доли голосов, которую должен получить избирательный список для того, чтобы участвовать в распределении парламентских мест).

Противники этого второго пакета идей по реформе политической системы предлагают обратить внимание на то, что в случае их принятия, новая избирательная система будет "выбрасывать в корзину" порядка 40% голосов избирателей. Что может снизить и так не слишком

---

[5] См., например: Ашер Ариан, Давид Нахмиас, Рут Амир. *Системы управления и исполнительная власть в Израиле*. – Иерусалим: Израильский Институт демократии, 2002. – С. 150–186 (на иврите).

высокий уровень доверия к политическим институтам и, что еще важнее, негативно повлиять на такой важный в израильских условиях ресурс национальной устойчивости, как коллективная солидарность израильских граждан. Не говоря уже о том, что лидеры секторальных элит и представляющих их в Кнессете партий, которые рискуют стать первыми жертвами предложенных реформ, не в восторге от подобных инициатив, и потому делали и делают все возможное, чтобы торпедировать соответствующие законы.

Но если идея перехода к окружной системе вряд ли будет реализована в ближайшей перспективе, то минорное повышение "электорального барьера" все же происходит. Случается это примерно раз в десять лет: в 1992 г. этот барьер был повышен с 1 до 1,5%, в 2003 г. – до 2%, после выборов 2013 года – сразу до 3,25%. (Последнее по времени повышение барьера произошло по настоянию лидера партии "Наш дом – Израиль" Авигдора Либермана, потребовавшего включить этот пункт в коалиционные соглашения). Таким образом, минимум численности списка, который сегодня способен попасть в израильский парламент, составляет четыре мандата, что предопределяет негативный электоральный результат для большинства соискателей парламентских мест. На выборах в Кнессет XX созыва этот порядок оставил за бортом дюжину списков. От секторальных (альтернативных ультрарелигиозных и арабских) и протестных (борцов за легализацию легких наркотиков, безбрежные либеральные свободы и "социально-романтические" идеи) до тематических (борцы за экологию, сторонники изменения системы выборов, радикальные атеисты, борцы с порнографией, дороговизной аренды жилья и т.д.). Причем в отношении этих списков такой итог оказался вполне ожидаем для всех. И не в меньшей степени – для инициаторов этих партий, которые, несмотря ни на что, все же участвуют в выборах, надеясь, что пропорциональная избирательная система, позволяющая партиям собирать голоса со всей страны,

сотворит чудо, либо полагают важным использовать электоральную трибуну для представления обществу своей повестки дня.

Сюрпризом стало другое. В новом Кнессете не оказалось депутатов от правого "ультраортодоксально-национального" блока "Яхад", который, исходя из числа поданных за него голосов, при сохранении барьера на прежнем уровне располагал бы вполне заметной по стандартам израильского парламентаризма 3-мандатной фракцией. А также то, что в том же положении едва не оказалась ультралевая партия МЕРЕЦ, которая вместе со своими предшественниками, была непременной частью политического пейзажа Израиля на протяжении почти всей его истории, но ее шансы пройти новый электоральный барьер почти всю избирательную кампанию были под большим вопросом.

Выходом из ситуации, по общему мнению, является объединение списков и создание широких предвыборных блоков, что, в сущности, и составляет суть четвертой модели снятия хронической неустойчивости правительственных коалиций и дает возможность избежать бесконечных досрочных выборов.

2.2. "Надпартийные центры" как альтернатива: общие тенденции и опыт правого лагеря

В принципе, создание таких блоков с перспективой их превращения в "надпартийные центры силы" было обычным явлением израильской политики, хотя и имело свои специфические для каждого этапа характеристики. Первоначально объединения такого рода создавались путем присоединения к "большим партиям" политически и идейно близких движений. Именно таковой была основа противостоящих друг другу в 60-е – 70-е годы прошлого века левого блока "Маарах" ("Блок единства рабочих Эрец-Исраэль") во главе с партией МАПАЙ/Авода и упомянутого союза двух крупных правых партий ГаХаЛ ("Блок [правой

ревизионистской партии] Херут и либералов"), ставшего основой блока, а затем партии Ликуд.

Третий этап израильского парламентаризма (часто именуемый "эпохой партийного полиморфизма", условной границей которого считается 1992 год) был свидетелем иного типа партийных союзов, задачей которых было уже не столько достижение политического доминирования в стране в целом, сколько обеспечение относительного перевеса над противниками из противоположного лагеря. А сами блоки выглядели как платформа "конкурентного сотрудничества" лидирующих (то есть "бывших больших") в каждом лагере партий с присоединяющимися к ним теми "секторальными" движениями, лидеры которых заинтересованы выйти за изначальные рамки своих общин на общеизраильскую арену. Включая возможность использовать механизм "больших" партий для собственного политического продвижения и интеграции в общенациональный истеблишмент их общинных элит.

Как отмечалось, накануне выборов 2013 года по такой схеме был создан единый список двух правоцентристских партий – "общенационального" Ликуда премьер-министра Биньямина Нетаньяху и "общенационально-секторальной" партии "Наш дом – Израиль" (НДИ) министра иностранных дел Израиля Авигдора Либермана, большинство избирателей которой, как уже упоминалось, составляют выходцы из бывшего СССР. Как было сказано выше, Либерман оценил этот союз двух партий как восстановление упомянутого блока ГаХаЛ и шаг на пути к созданию нового "большого Ликуда".

Все это можно было бы рассматривать как первое проявление тенденции к созданию внутри каждого лагеря искомого сильного центра власти, но практика оказалась иной. Объединение Ликуда и НДИ в один избирательный блок не сопровождалось аналогичным феноменом в левом лагере. В его левоцентристском сегменте за симпатии избирателей – в массе своей "старых мапайников" и бывших сторонников ее идеологических спутников, уже

несколько каденций по разным причинам не голосующих за свои "материнские" партии, – в 2013 году боролись целых четыре партии: сама Авода, остатки Кадимы, выкроенная из бывшего "твердого электората" Кадимы партия "Движение" Ципи Ливни и "социально-гражданский" список "Еш атид" ("Есть будущее") Яира Лапида (во многом «реинкарнация» антиклерикально-рыночной партии Шинуй его покойного отца Йосефа Лапида), который Лапид-младший позиционировал в качестве очередной "партии центра".

Да и сторонники Либермана и Нетаньяху уже вскоре после выборов 2013 года пришли к выводу, что объединение НДИ и Ликуда не было такой уж удачной идеей. Причем не только по причине усиления конфликтности во взаимоотношениях руководства двух партий, что было описано выше. Но и потому, что существенная часть избирателей этих партий не приняла их союз и на тех выборах либо осталась дома, либо поддержала альтернативно-протестные списки "угнетенного среднего класса" – упомянутый "Еш атид" и правый блок религиозных сионистов "Еврейский дом".

Нельзя, однако, не признать, что этот проект первоначально принес его инициаторам и немалые дивиденды, особенно Биньямину Нетаньяху. Действительно, число мест, полученных объединенным списком Ликуда и НДИ на выборах в Кнессет XIX созыва (31 мандат), было существенно меньше, чем сумма мандатов (42) которые эти партии, баллотируясь отдельно, завоевали на выборах 2009 года. Но это было все же намного больше, чем у любой другой фракции в прошлом Кнессете, что делало Нетаньяху бесспорным и практически единственным кандидатом на должность главы правительства.

Поэтому после "цивилизованного развода" с НДИ лидер Ликуда взвешивал возможность предложить аналогичную схему сотрудничества своему другому "партнеру-сопернику" по правому лагерю – блоку религиозных сионистов "Еврейский дом", в пользу которого Ликуд на выборах 2013 года потерял немало голосов из правого крыла своих

традиционных избирателей. Лидер ЕД Нафтали Беннет, по сведениям из его окружения, был отнюдь не склонен отвергнуть это предложение без обсуждения. Его соображения были понятны: Беннет, как и лидер НДИ Авигдор Либерман, не скрывает своих амбиций рано или поздно стать премьер-министром. И потому Беннет, как и в свое время Либерман, предпринял небезуспешную попытку выйти за рамки своей общины (в данном случае – религиозных сионистов из религиозных и смешанных коллективных поселений и городских районов по обе стороны "зеленой черты"). С этой целью Беннет предложил свою "романтично-правую" платформу (в отличие от "прагматично-правой" платформы НДИ) широким слоям израильтян, разочарованных негативными последствиями "процесса Осло". Соответственно, как и Либерман, Беннет вынужден решать все ту же стратегическую дилемму: стать лидером правых "вместе с Ликудом" или "вместо него".

Похоже, что именно история отношений Нетаньяху и Либермана (с которой Беннет как бывший глава личной канцелярии Нетаньяху был хорошо знаком) привела лидера ЕД к выводу, что рисковать накопленным потенциалом ради активов премьер-министра под обещанные им будущие дивиденды, по крайней мере, на этом этапе не стоит. Впрочем, озвученные Беннетом аргументы против союза с Ликудом носили акцентированно-идеологический характер. Так, в интервью радиостанции "Галей Исраэль" глава ЕД объяснил свою позицию: "Я не вижу такого союза, мы очень разные партии... Бейт ха-Иегуди [т.е., "Еврейский дом"] – единственная, которая выступает против создания палестинского государства, все остальные партии [в той или иной форме] готовы обсуждать эту тему; ... наши расхождения с Ликудом включают отношение к иудаизму, традициям, нашей связи с Эрец-Исраэль и национальной самоидентификацией".[6]

---

[6] Цит. по: *Israel Radio*, 23 January 2015.

Поэтому на прошлых выборах ЕД по-прежнему выступал в качестве главного конкурента Ликуда и НДИ (а также еще более правых партий и ШАС) за голоса "старых ревизионистов", "русских израильтян" и представителей социальной и географической периферии израильского общества. И, разумеется, умеренных фракций национально-религиозного сообщества страны, члены которого традиционно делят свои симпатии между "своей" секторальной партией МАФДАЛ (ядро нынешнего блока "Еврейский дом") и другими правыми и религиозными партиями. И все это вопреки тому, что повышение электорального барьера и поляризация политического спектра страны казалось бы, должны диктовать сплочение сил в рамках каждого политического лагеря.

Более того, список реальных или потенциальных расколов в правом лагере на этом не был исчерпан. Один из них имел место в самом блоке "Еврейский дом". Личные и политические разногласия Беннета с Ури Ариэлем, главой вошедшего в ЕД перед выборами 2013 года одного из компонентов распавшегося правого блока "Национальное единство" – партии религиозных поселенцев "Ткума", едва не привели к ее уходу из объединения. Лишь в самый последний момент Нафтали Беннет сумел предотвратить раскол, пойдя на удовлетворение почти всех требований лидера "Ткумы", касавшихся в первую очередь "бронирования" для членов его партии "проходных" мест в объединенном списке "Еврейского дома".

До того как этот кризис был преодолен, сторонники Ури Ариэля взвешивали возможность заключения союза с новой партией "Яхад", возникшей в результате откола от возглавляемой ультраортодоксами партии сефардов-традиционалистов ШАС группы сторонников бывшего главы этой партии Эли Ишая, что само по себе стало еще одним примером дезинтеграции, несмотря на повышение электорального барьера, в "широком"

правом лагере.[7] Уход фракции Эли Ишая был итогом его конфликта с "ново-старым" председателем ШАС Арье Дери – харизматичным вождем "угнетенных сефардов", который вернулся в политику менее чем за полгода до выборов в Кнессет XIX созыва, отодвинув от руководства занимавшего этот пост на протяжении всех 13 лет его отсутствия Ишая. Пока был жив раввин Овадия Йосеф, духовный лидер и символ единства ШАС, при поддержке которого и произошла эта рокировка, Эли Ишай и члены его персонального внутрипартийного клана были готовы, скрепя сердце, мириться с данной ситуацией. Уход из жизни раввина Овадии, равно как и неспособность Арье Дери повторить свой электоральный успех 13-летней давности на проходивших в 2013 году парламентских и местных выборах, снимал эти моральные и политические ограничения.

В декабре 2014 года Эли Ишай и его сторонники объявили о выходе из ШАС и своем желании идти на выборы во главе собственной партии, первоначально получившей название "Ам итану" ("Народ с нами"). Следует, однако, заметить, что за расколом ШАС стояло не только личное соперничество Арье Дери и Эли Ишая. Противостояние политиков отражало и "встроенный", хотя и до поры неявный конфликт между тремя исторически присутствующими в этой умеренно-правой партии лагерями (собственно ультраортодоксальным религиозным, социально-центристским и политическим правым), делавшими разные акценты в гражданских, социально-экономических и внешнеполитических аспектах партийной идеологии. В гражданских вопросах (в первую очередь, относительно властных полномочий религиозных общин, гражданских браков, облегчения гиюра и подтверждения еврейского

---

[7] Подробнее см. нашу статью "Еврейский ультраортодоксальный сектор Израиля накануне выборов в Кнессет 20-го созыва" на сайте Института Ближнего Востока, 23 февраля 2015 г.

статуса репатриантов, автономии религиозного образования и порядка призыва в ЦАХАЛ учащихся ультраортодоксальных ешив и т.д.) и Ишай, и Дери придерживаются сходных, вполне консервативных позиций. (Не случайно, что один из первых вариантов названия нового списка Элияху Ишая был "Маран", то есть "Наш учитель" – намек на то, что именно Ишай является истинным духовным наследником Овадии Йосефа, а отнюдь не Дери, который, по утверждениям его противников, практически манипулировал раввином в последний период его жизни).

В принципе, у двух политиков нет расхождений и по вопросу о приоритете лозунгов и практики массированной бюджетной поддержки малообеспеченных слоев населения периферии, в массе своей "сефардского" по происхождению. Главные разногласия между двумя политическими "звездами" общины "угнетенных сефардов-традиционалистов" были о том, где проходит граница компромисса между социально-экономическими интересами и правыми политико-идеологическими ценностями общинной повестки дня. Очевидно, что Дери, заявляющий о готовности своей партии примкнуть к любой коалиции – правой или левой, – демонстрирует и намного большую, чем Ишай, готовность проявить идеологическую гибкость "ради высокой цели защиты обиженных и угнетённых" в таких вопросах, как возобновление переговорного процесса с ПНА по модели "мир в обмен на территории", статус еврейских поселений за "Зеленой чертой" и т.п.

Именно эти разногласия стали "ценностным антуражем" раскола ШАС, большая часть "харедимного" и "социального" лагерей электората которого, судя по всему, осталась с Арье Дери, а большая часть "право-идеологического" сегмента склонялась к поддержке нового проекта Эли Ишая.

Опросы показывали, что в сумме обе партии могли набрать примерно столько же мандатов, сколько до раскола имел ШАС. То есть 11, из которых 6–7 приходится на долю партии Арье Дери, и 3–4 "стоила" на протяжении

большей части избирательной кампании, судя по этим же опросам, партия "Яхад". То есть новый проект балансировал на грани электорального барьера, в силу чего Ишай, вместо несостоявшегося союза с "Ткумой" заключил "технический блок" с праворадикальной партией "Оцма ехудит" («Еврейская мощь») во главе с Барухом Марзелем и Михаэлем Бен-Ари. На выборах 2013 года эта отколовшаяся от правого блока "Национальное единство" партия выступала под названием «Оцма ле-Исраэль» ("Сила Израиля") и приблизилась к тогдашнему 2%-ому электоральному барьеру, но не прошла его, отправив в корзину около двух "правых" мандатов. Тем меньше шансов было у этой партии в одиночку пройти повышенный до 3,25% барьер, что и обусловило готовность ее лидеров буквально в последний момент перед закрытием регистрации списков для выборов в Кнессет заключить союз с партией "Яхад". Как показали выборы, даже такое объединение не решило проблемы: общий список Ишая и Бен-Ари собрал голоса, эквивалентные более чем трем мандатам, и ему не хватило всего лишь около 20 000 голосов до получения четвертого места в Кнессете, что позволило бы блоку пройти электоральный барьер.

Хотя лидеры обеих партий (и в первую очередь "Оцмы") утверждали, что единый список призван помочь им попасть в Кнессет и не посягает на их организационную и идеологическую независимость после того, как это случится, этот союз представлял собой более интересный феномен. По сути, речь шла о первой после тридцатилетнего перерыва (блок "Мораша" – союз партий «Махане ционут датит» и «Поалей агудат Исраэль» на выборах в Кнессет 1984 года) попытке создать самостоятельное политическое объединение ультраортодоксально-национального лагеря (т.н. "Хардаль" – "хареди дати леуми"), который возник в последние десятилетия на стыке между сообществами религиозных сионистов (в просторечии – "вязаные кипы") и религиозных ультраортодоксов нового поколения. Этот лагерь состоит из тех

"вязаных кип", более консервативные гражданские и религиозные воззрения которых близки к позициям "харедим", и тех ультраортодоксов, которые стремятся выйти за социокультурные рамки своего «секторального гетто» и отойти от господствующего там неприятия статуса Израиля как еврейского демократического государства, а также солидаризируются с внешнеполитической платформой "религиозных сионистов".

Нетрудно заметить, что подобное сплочение ультрарелигиозных сионистов свидетельствовало скорее о тенденции дезинтеграции в религиозном сегменте правого лагеря, а не о тенденции присоединения этого сектора к некоему надпартийному центру силы. Тем более, что в любом случае речь шла именно о техническом блоке, который по первоначальному замыслу должен был прекратить свое существование, если он позволит обеим партиям преодолеть электоральный барьер, после чего они были намерены действовать в Кнессете в качестве самостоятельных фракций, что действительно едва не случилось.

Не стоит игнорировать и противоречия в блоке ультраортодоксов (называемых в Израиле "харедим") ашкеназского происхождения "Яхадут ха-Тора" ("Еврейство Торы"). Эти противоречия включают идейные и политические разногласия между входящими в него "хасидской" партией "Агудат Исраэль" ("Союз народа Израиля") и "литовской" "Дегель ха-Тора" ("Знамя Торы"), между "консервативным" и "умеренным" лагерями в каждой из них. А также наличия там т.н. "новых харедим", все менее уютно чувствующих себя в этом блоке и озабоченных поиском нового "политического дома". Дополнительным индикатором этих тенденций было появление на "политическом рынке" еще четырех альтернативных списков "харедим", наиболее интересным из которых была партия ультрарелигиозных феминисток "У бэ-схутан" ("Благодаря им"). Иными словами, повышение электорального барьера пока не привело к сплочению не только правого лагеря в целом, но и даже его секторального сегмента.

2.3. Квазиинтеграционные процессы в левом лагере и проблема "доминантного центра силы"

А вот в широком "левом лагере", в отличие от предыдущих выборов, такие тенденции, напротив, просматривались, причем как в "общенациональном", так и секторальном его сегментах. С фактическим прекращением деятельности левой религиозно-сионистской партии "Меймад" этот левый секторальный сегмент почти целиком заняли арабские партии. Три из них – коммунистическая ХАДАШ (которая, несмотря на декларируемый интернационализм, фактически является арабской националистической группировкой), исламистский блок РАМ-ТААЛ и радикально-антисионистское движение "палестинцев 1948 года" (как его лидеры называют израильских арабов) БАЛАД – обычно представлены в Кнессете 3–4-мандатными фракциями. Однако после повышения электорального барьера две из них, а по некоторым опросам – и все три имели неплохой шанс присоединиться к нескольким мелким арабским спискам, регулярно остающимся за бортом парламента страны. Поэтому разговоры об объединении арабских партий в один список начались сразу же после объявления избирательной кампании. Тем не менее политико-идеологические различия между арабскими партиями, а также конкуренция между арабскими общинно-клановыми и религиозными группами, политическим крылом которых, в сущности, и являются упомянутые партии, долгое время ставили знак вопроса на реальности такого союза.

Проведенные 10 января 2015 г. большие переговоры представителей БАЛАД, ХАДАШ и РАМ-ТААЛ и лидеров "Исламского движения" Израиля о возможном создании единого блока для участия в парламентской гонке закончились ничем: по сообщению участников, разногласия

преодолеть не удалось, и шансы на объединение списков были невелики. Однако перспектива полной потери арабскими элитами рычагов политического влияния и доступа к финансовым ресурсам вынудила их представителей пойти на компромисс. Свою роль сыграло и давление главы ПНА Махмуда Аббаса (Абу-Мазена), обеспокоенного возможностью исчезновения в Кнессете своего лобби, функцию которого в ущерб продвижению социальных, экономических и гражданских интересов арабоязычных израильтян выполняли лидеры арабских партий. Он обратился к лидерам ХАДАШ, РАМ-ТААЛ и БАЛАД с "настоятельной рекомендацией" объединиться в один блок и тем самым сохранить или даже увеличить свое представительство в Кнессете (что и случилось), а после выборов рекомендовать на пост премьер-министра представителя левого лагеря (что лидеры списка сделать отказались). Перспектива распада этого союза на составляющие, ориентирующиеся на разнородные интересы арабского сектора, по мнению комментаторов, тоже вполне вероятна. Но пока на политическом поле страны появился новый нестандартный игрок, который, впрочем, как и входящие в него партии, тут же занял нишу "несистемной оппозиции", в большинстве случаев не готовой соблюдать принятые в рамках израильской модели либеральной демократии правила политической игры.

Все же главным событием в левом лагере стало объединение двух левоцентристских списков – Аводы, вернувшей себе на выборах 2013 года формальный статус "главной" левой партии страны, и партии Ципи Ливни "Ха-Тнуа" ("Движение"). Эта партия сумела на тех же выборах оставить при себе часть левого фланга развалившейся партии Кадима под обещания продвинуть переговорный процесс с ПНА, за стагнацию которого Ливни, в свою бытность в 2009–2012 годах лидером оппозиции, активно критиковала премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Эта критика, впрочем, не помешала "Ха-Тнуа" стать первой партией, подписавшей после выборов 2013 года коа-

лиционное соглашение с блоком Ликуд-Бейтейну, а самой Ливни занять в правительстве все того же Нетаньяху пост министра юстиции и ответственной за переговоры с ПНА. Впрочем, успехи Ципи Ливни на этом поприще были весьма невелики. Причем не столько по вине самой Ливни или критикуемых ею за "нежелание пойти на уступки во имя мира с палестинскими арабами" лидеров правых коалиционных партий – Биньямина Нетаньяху, Авигдора Либермана и Нафтали Беннета, сколько из-за категорического отказа Абу-Мазена снизить свои иррационально завышенные требования к Израилю, неприемлемые для любого израильского руководства. В итоге "дипломатический процесс" Израиля и ПНА становился все менее осмысленным занятием, а это, в свою очередь, обессмысливало существование "Ха-Тнуа", сделавшей, как было сказано, продолжение этого процесса основой своей платформы.

Опросы, проведенные в течение 2014 года, показали, что "Ха-Тнуа" находится на грани прохождения повышенного до 3,25% электорального барьера и при сохранении этой тенденции может его не пройти. Во избежание такой перспективы Ливни уже с осени того же года была занята поиском идеологически близкой партии, гарантированно проходящей в следующий Кнессет, и готовой взять людей из "Ха-Тнуа" в качестве "прицепа". Первоначально естественным адресом для такого обращения казалась партия Яира Лапида "Еш атид" ("Есть будущее"). Эта партия взяла большую часть из завоеванных ею на выборах 2013 года 19 мандатов там же, где и "Ха-Тнуа", – из прежнего "твердого ядра" разваливающегося электората Кадимы, по происхождению в массе своей – все тех же "мапайников".

Сближению партий теоретически могла способствовать и ситуация, в которой оказались оба их лидера – министр юстиции Ципи Ливни и министр финансов Яир Лапид. Эти политики, постепенно ужесточая критику премьер-министра Биньямина Нетаньяху в сфере внешней и социально-экономической политики, к концу 2014 года,

как было показано, стали своего рода оппозицией внутри его правительства. Так, 22 октября того же года Ливни и Лапид объявили "о создании единого блока по продвижению мирного процесса", параллельно заблокировав ряд продвигаемых остальными партиями коалиции статей проекта бюджета на 2015 год. Потому просочившаяся в прессу информация о том, что Ц.Ливни и Я.Лапид в тот же день, когда Нетаньяху уволил обоих (и соответственно, остальных министров от их фракций) из правительства, дав неделю спустя старт досрочным выборам, вели переговоры об объединении партий, ни у кого не вызвала удивления. Но этот союз так и не сложился – вероятнее всего, потому, что Лапиду требования Ливни показались чрезмерными, а ей предложения Лапида – явно недостаточными.

При этом затребованную Ливни цену оказался готов уплатить новый лидер Аводы Ицхак Герцог. На состоявшейся 10 декабря 2014 года пресс-конференции было объявлено об объединении двух партий в единый список, вскоре получивший название "Ха-махане ха-Циони" ("Сионистский лагерь"), где первым номером стал Ицхак Герцог, а вторым номером – Ципи Ливни. Причем Герцог согласился на ротацию с главой "Движения" на посту премьер-министра в случае победы блока на выборах (первые два года – лидер Аводы, следующие два года – Ципи Ливни), и тот же тандем был в этом случае намерен составлять и реализовывать план работы правительства. Кроме того, Герцог согласился на предложенный Ливни порядок формирования объединенного списка – бронирование 3–4 "проходных" и 2–3 "полупроходных" мест, которые лидер "Ха-Тнуа" могла заполнить по своему усмотрению.

Столь массированные уступки, которые Герцог сделал лидеру партии, не имеющей гарантий самостоятельного продолжения своей политической карьеры, многим комментаторам показались чрезмерными и вызвали критику в партии Авода, но у Герцога на то были свои резоны. Во-первых, главной целью Аводы на протяжении десятилетий является вернуть себе тех "старых мапайников",

в массе своей – умеренно-левых представителей "старого ашкеназского среднего класса", которые по разным соображениям уже несколько каденций не голосуют за свою "материнскую партию", предпочитая другие левоцентристские проекты (в последние годы – Шинуй, Кадима и "Еш атид"). Присоединение "Ха-Тнуа" в этой ситуации могло символизировать начало столь страстно желаемого лидерами Аводы возвращения "домой" ее бывшего коренного электората.

Кроме того, Партия труда в общественном сознании израильтян четко идентифицируется с негативными, по мнению многих, последствиями инициированного ее лидерами "Ословского процесса" и спровоцированной им волны палестинского арабского террора 2000–2002 годов. В последующие годы лидеры Аводы неоднократно пытались "замести под ковер" эту невыигрышную для израильских левых тему, продвигая вместо нее социально-экономическую тематику (как это пыталась делать перед выборами 2013 года прежний лидер партии Шели Яхимович). Тем не менее партия Авода как политический бренд оказалась не в состоянии избавиться от этой проблематичной для нее коннотации. Потому блок с Ливни для Герцога являлся шансом представить избирателям "обновлённое лицо" Аводы и убедить их в том, что за названием "Сионистский лагерь" стоит не просто "смена вывески", а возвращение израильского "умеренно-левого центра" к политическому прагматизму "времен Бен-Гуриона" и системе "традиционных для этого лагеря национальных ценностей", оспорив у правых партий их едва ли не ультимативную монополию на эту тему.

Этой же цели – "сплочению под вывеской СЛ всех прагматично-левых и центристских сил" – должно было служить и педложение Герцога о присоединении к его списку остатков сократившейся в прошлом Кнессете до двух мандатов партии Кадима. Эта партия накануне выборов 2013 года, после "возвращения" в Аводу и ухода с Ливни в ее "Ха-Тнуа" и к Яиру Лапиду многих поддержи-

вавших в 2006 и 2009 гг. Кадиму (и побывавших перед этим в Шинуе и других партиях центра) "старых мапайников", вновь вернулась в центристскую нишу. Благодаря чему новый председатель Кадимы Шауль Мофаз, продвигая тему "ответственного подхода к национальной безопасности", сумел удержать еще имевшиеся в партии остатки некогда перешедших в нее вслед за Ариэлем Шароном и в массе своей уже вернувшихся "домой" умеренных ликудников. А также привлечь какую-то часть "классических бен-гурионистов" из числа тех, кто ушел в 2010 году из Аводы вместе с Эхудом Бараком в его новую "центристскую" партию "Ацмаут", сошедшую с дистанции накануне выборов в Кнессет 2013 года. Мофаз предложения не принял, предпочтя на этом этапе закончить свою политическую карьеру, но какая-то часть его потенциальных избирателей, не исключено, действительно поддержала СЛ.

Поскольку проведенные в ходе избирательной кампании опросы не обещали "Сионистскому лагерю" убедительной победы над главным соперником СЛ – правящей правоцентристской партией Ликуд, стратегией лидеров СЛ являлась схема, избранная Ципи Ливни, тогда возглавлявшей сдвинувшуюся под ее руководством сильно "влево" партию Кадима, на выборах 2009 года. Не ставя перед собой абсолютно нереалистичную в тех условиях цель победы всего левого лагеря над правым, политтехнологи Кадимы тогда видели своей задачей обеспечить хотя бы минимальный перевес в числе поданных голосов Кадимы над Ликудом. Что в условиях фактически "персонального" характера выборов давало бы Ливни формальное право объявить о своей победе и добиваться у президента страны мандата на формирование правительства. Кадима тогда действительно завоевала на один мандат больше, чем Ликуд, но общий перевес правого лагеря над левым сделал этот план нерелевантным, что отнюдь не останавливало Ливни и Герцога опробовать эту схему вновь, выдвинув идею, которая могла послужить общей платформой для всех "левых" избирателей.

В 2009 году команда политтехнологов Ливни сумела убедить многих левых избирателей, что только сплочение сил вокруг ее партии может остановить "ликудовских ястребов". В силу этого Авода тогда потеряла в пользу партии Ливни около трети своих избирателей. Ультралевый блок МЕРЕЦ с тремя (против пяти в предыдущем Кнессете) мандатами оказался на грани прохождения электорального барьера. А два также левоцентристских, по ориентации своего электората, списка (имевшая целых 7 мандатов "партия пенсионеров" ГИЛ и предполагавшийся "сюрприз" тех выборов – партия "зеленых") вообще не попали тогда в Кнессет.

На нечто подобное Герцог и Ливни явно рассчитывали и на этот раз, что, в свою очередь, ставило перед ними проблему выдвижения некой идеи, которая могла послужить общей платформой для всех "левых" избирателей. Позитивные лозунги из арсенала Аводы и "Движения", связанные с темой прошлой избирательной кампании – новые вызовы в сфере обеспечения безопасности страны и социально-экономическая политика будущего правительства – в 2015 году на роль этой единой платформы были явно не слишком пригодны. Традиционные для двух партий лозунги "продвижения забуксовавшего дипломатического процесса с ПНА" особым спросом на политическом рынке уже не пользовались. А приоритет в оперировании действительно важными для большинства израильтян вопросами экономического благосостояния населения с не меньшими шансами на успех оспаривали у СЛ и другие партии – как левые, так и правые.

Поэтому в качестве коллективной платформы для "левых" избирателей политтехнологи СЛ предложили не столько общий знаменатель "позитивных целей", сколько обещание не-реализации негативного для них сценария. То есть недопущение того, чтобы лидер Ликуда Биньямин Нетаньяху в четвертый раз стал премьер-министром, а лидеры других правых партий – Авигдор Либерман (НДИ) и Нафтали Беннет ("Еврейский дом") вновь получили влиятельные порт-

фели в его правительстве. Только такая операция, как полагали в команде Герцога и Ливни, как и за шесть лет до того, могла гарантировать радикальное перераспределение – тогда в пользу Кадимы, а на этот раз – в пользу СЛ, голосов внутри левого лагеря. Понятно, что главный лозунг прошедшей кампании – "или мы, или они" – как нельзя лучше вписывался в эту схему. И именно эту идею Герцог и Ливни "продавали" на выборах избирателям своих потенциальных партнеров-конкурентов за "левые" голоса.

Успех этой деятельности, как показали итоги выборов, оказался не слишком велик. "Сионистский лагерь" уже в силу своего названия, а также в свете радикализации арабских элит и образования единого арабского списка не смог привлечь заметного числа голосов израильских арабов, которые в лучшие для партии времена составляли около трети членов и от четверти до трети избирателей Аводы. (Показательно, что предвыборный визит лидеров "Сионистского лагеря", которые, напомним, выступают за решение конфликта Израиля с палестинскими арабами за счет массированных территориальных уступок ПНА, в израильские города "арабского треугольника" южной Галилеи был практически сорван арабской демонстрацией в Вади-Ара под палестинскими флагами и лозунгами "Сионистам здесь нет места!").

Примерно мандат-полтора СЛ отвоевал у ультралевого блока МЕРЕЦ, который, продвигая идеи урегулирования с палестинцами на условиях ПНА, переговоры "без предварительных условий" с исламистским ХАМАСом и радикально-социальные лозунги, сумел на выборах 2013 года "перехватить" у Аводы некоторую часть "левых" избирателей. Какое-то количество голосов призыв лидеров СЛ "только не Биби" принес проекту Герцога и Ливни за счет тех, кто взвешивал возможность поддержать вращающиеся в орбите левого лагеря "протестные", "тематические" и альтернативные социальные списки. Но главный потенциальный ресурс дополнительных голосов для СЛ находился в партии Яира Лапида "Есть будущее" ("Еш атид").

Перспективность этого ресурса была связана с тем, что электорат ЕА как нового субъекта на израильском поле целиком состоит из "горячих" мобильных голосов. В 2013 году эта партия с ходу взяла 19 мандатов, из которых примерно две трети составили "старые мапайники" из бывшего твердого электорального ядра Кадимы, ранее голосовавшие за Шинуй – левоцентристский проект отца Яира, Йосефа ("Томми") Лапида. Кроме того, позиционируя свой проект в качестве "партии центра", Яир Лапид сумел получить и 4–5 "правых мандатов", в массе своей из числа избирателей "центристского" крыла Ликуда, уведенных оттуда в 2005 г. Ариэлем Шароном в его новую партию Кадима. И которые с 2007 года стали массово возвращаться в Ликуд, а также в НДИ и в меньшей степени в ШАС. Кроме того, ЕА, который успешнее многих партий освоил лозунги прокатившегося по стране летом 2011 года движения социального протеста против дороговизны жилья и высокой цены базовых продуктов, сумел привлечь и немало "новых избирателей", прежде всего молодежь из центра страны.

Разочарование избирателей в итогах деятельности ЕА в правительстве Биньямина Нетаньяху, в котором Яир Лапид занимал пост министра финансов, а его соратники возглавляли важнейшие министерства социального блока, привело к сокращению электорального потенциала партии почти вдвое – до 11 мандатов по итогам выборов 2015 года. Первыми, судя по всему, партию покинули многие "умеренные шаронисты", которые после "цивилизованного развода" НДИ и Ликуда демонстрировали тенденцию возвращения в правый блок. Еще более проблематичным для ЕА был отток наиболее важной части ее электората – перешедших в партию из Кадимы бывших "старых мапайников", на которых, собственно, и был рассчитан посыл объединённого блока Авода/"Ха-Тнуа".

Впрочем, большинство из покидающих ЕА представителей этой группы "Сионистскому лагерю" увлечь так и не удалось. Многие из них предпочли очередную "партию центра", роль которой на прошлых выборах играл "соци-

альный" список "Кулану" ("Мы все"). Этот список был создан в декабре 2014 года Моше Кахлоном, бывшим министром связи от партии Ликуд. На своем прежнем посту Кахлон сумел радикально снизить цены на услуги сотовых компаний и обещал сделать то же самое с ценами на жилье, банковские услуги и товары первой необходимости – чем, собственно, платформа новой партии и исчерпывается. Актуальные для движений, претендующих на статус "партии власти", внешнеполитические сюжеты проект Кахлона, как и большинство его "центристских" предшественников, предпочитал "вынести за скобки". С тем, чтобы в стиле подобных ему партий, встать "над конфликтом" правых и левых, обратившись, помимо бывших избирателей Яира Лапида, также и к избирателям правоцентристских партий. Что действительно позволило "Кулану" закончить выборы с внушительным успехом (10 мандатов), став желаемым партнером в любой коалиции.

Понятно, что и лидеры Ликуда в период избирательной кампании делали все возможное, чтобы не допустить оттока или вернуть себе эти правые голоса. Но главным объектом их обращений стали избиратели основных "партнеров-соперников" Ликуда по правому лагерю – "общенационально-секторальные" партии "Наш дом – Израиль" и "Еврейский дом", большинство которых, соответственно, составляют выходцы из бывшего СССР и религиозные сионисты. Именно этих избирателей Нетаньяху пытался убедить (и как показали итоги выборов, в чем отчасти и преуспел), что простого перевеса "широкого правого" над "широким левым" лагерем для того, чтобы у руля государства вновь стало правое правительство, недостаточно. Критическим условием для достижения этой цели, по его мнению, являлся "радикальный отрыв" Ликуда по числу мандатов от СЛ, что вновь сделало бы главу этой партии бесспорным кандидатом на должность премьер-министра. Иными словами, команда Нетаньяху действовала примерно по той же схеме (правда, с большим успехом), что и лидеры "Сионистского лагеря".

3. ПАРТИИ КАК СУБЪЕКТ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ЛИДЕРЫ, СПИСКИ И ИХ ПОСЛАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯМ

Успехи и неудачи описанной выше деятельности политических партий в период избирательной кампании в Кнессет XX созыва по удержанию "коренного" и привлечению "плавающего" электората, насколько можно судить, были функцией избранной ими модели лидерства, корректности определения целевой аудитории и выдвижения соответствующих ожиданиям этой аудитории объявленных целей, представленных, в том числе, и составом предвыборных партийных списков.

3.1. Партийные модели

Отметим, что содержание и комбинация этих электоральных инструментов во многом были результатом принадлежности партий к одной из двух традиционных категорий политических движений в Израиле – назовем их "лидерскими" (в категории Макса Вебера, "харизматически-вождистские") и "агрегатными" (пользуясь применительно к данному случаю терминологией американского социолога Энтони Гидденса). К первым относятся партии, отношение к которым избирателя почти исключительно определяется личностью лидера и идеями, которые он символизирует, а остальные члены списка воспринимаются как его команда. Причем вне зависимости от того, как этот список формируется. То есть назначается ли он лично лидером (как в партиях "Еш атид" Яира Лапида или "Кулану" Моше Кахлона). Определяется ли "комиссиями

по назначениям" – большими (как в партии "Наш дом – Израиль" Авигдора Либермана) или малыми (как, например, Советы мудрецов Торы в секторальных ультрарелигиозных партиях – популистской сефардской ШАС и ашкеназском блоке "Яхадут ха-Тора"). Или же избирается на праймериз членами партийных конференций или всеми членами партии (как, например, в блоке Нафтали Беннета "Еврейский дом").

Ко второй категории относятся партии, где фигура лидера – это более-менее результат консенсуса вождей политических фракций: персональных внутрипартийных "кланов" и структур оформленных секторальных, территориальных, профессиональных и этно-конфессиональных интересов. Причем опять же вне зависимости от порядка формирования их списка – на праймериз, как в Ликуде, Аводе, МЕРЕЦ, или фактически назначаемых лидерами – как в многочисленных "осколках" правого блока "Национальное единство", которые шли на выборы либо в блоке с ЕД ("Ткума"), либо в блоке с партией "Яхад" Эли Ишая ("Оцма ехудит" Баруха Марзеля и Михаэля Бен-Ари).

Впрочем, на практике оба фактора (лидер и список) вполне дополняют друг друга. Как в "агрегатных" партиях личность лидера имеет большое значение для их электоральных успехов или неудач, так и в лидерских движениях, в которых формально не так уж важно, кто идет "прицепом" за вождем, состав списка представляет собой набор "посланий" избирателям. Причем не менее важных, чем официальная партийная платформа, особенно в условиях, когда большинство партий обращается не столько к специфическим социально-классовым группам, сколько к широкой общественности, и потому оперирует в ходе выборов уже не столько очерченными идеологиями, сколько набором востребованных электоральных символов.

Именно в рамках этих пониманий и был, например, выдержан состав двух главных кандидатов на роль партии власти – правоцентристского Ликуда премьер-министра Биньямина Нетаньяху и блока левоцентристских

партий "Сионистский лагерь" (Авода/"Ха-тнуа") Ицхака ("Бужи") Герцога и Ципи Ливни. И в Аводе (в список которой потом были кооптированы назначенные лично Ливни люди из "Движения"), и в Ликуде проводились общепартийные праймериз. Их персональные итоги стали комбинацией соотношения веса внутрипартийных кланов (личных групп поддержки политиков национального уровня и высшего звена партийной бюрократии) и различных секторальных лобби, стоящих за теми или иными кандидатами в список, с одной стороны, и с другой, – их принадлежностью к соответствующим политико-идеологическим платформам.

Так, в Ликуде, где на протяжении многих лет присутствуют три таких идейно-политических блока – собственно правый, правоцентристский (к которому относят себя большинство связанных с партией групп секторальных интересов) и умеренно-центристский, перевес оказался в пользу правых. В частности, первое место в списке избранных кандидатов (то есть второе после лидера) занял политик акцентированно-правых взглядов и одновременно близкий партнер Биньямина Нетаньяху, нынешний спикер Кнессета Юлий Эдельштейн. Еще три места в первой десятке списка заняли известные своими правыми взглядами депутаты – Мири Регев, Зеэв Элькин и Дани Данон, получившие после выборов министерские посты в четвертом правительстве Биньямина Нетаньяху.

Список Аводы, в свою очередь, оказался явно "перегружен" т.н. "новыми левыми" – сторонниками безоговорочного ухода Израиля со всех территорий за "Зеленой чертой" (Шели Яхимович, Амир Перец, Мейрав Михаэли) и идеологически примыкающими к ним бывшими активистами радикального крыла "социальных протестов" лета 2011 года (Став Шафир и Ицик Шмули). Все это дало основание некоторым комментаторам назвать партию Авода "клоном ультралевого блока МЕРЕЦ".

Как сказано выше, лидеры Ликуда и "Сионистского лагеря" были максимально заинтересованы в привлечении избирателей из умеренной части политического спектра

(которые, в сущности, и определяют личность будущего главы правительства) и постарались сбалансировать этот крен за счет квоты кандидатов, назначаемых ими лично, в обход внутрипартийных выборов. Нетаньяху, которому удалось реализовать давнюю мечту – вытеснить из партии своего давнего соперника на выборах председателя Ликуда, лидера радикально-правой фракции "Еврейское руководство" Моше Фейглина, что, впрочем, имеет отношение больше к клановым конфликтам, чем к идеологическим разногласиям, также либо кооптировал, либо помог продвинуться на выборах нескольким удобным для него фигурам. Среди них были и некоторые "возвращенцы" из партии Кадима, которых 10 лет назад, расколов Ликуд, увел туда Ариэль Шарон. Один из них, давний друг Нетаньяху Цахи Анегби занял почетное 9-е место в списке, другой, бывший глава ШАБАКа Ави Дихтер первоначально занял "проходное" 20-е место. Он опередил представительницу "грузинского блока" в Ликуде Ципи Хотовели всего лишь на несколько десятков голосов, что, однако, отбросило ее на 26-е, нереальное место. Поскольку на ряде избирательных участков были зафиксированы нарушения и сбои, Хотовели потребовала пересчета голосов на этих участках, по итогам которых с минимальным отрывом в 32 голоса вперед вышла уже она, в ответ на что Дихтер потребовал пересчитать голоса на всех участках. Долгая предвыборная сага в Ликуде завершилась уже в последний день перед закрытием списков победой Ципи Хотовели, сохранившей за собой 20-е место в списке партии к выборам в XX Кнессет, а после выборов получившей пост замглавы МИД.

3.2. Темы выборов в зеркале левых списков

Свои сюжеты имели место и в лидерских партиях. Левоцентристская партия "Еш атид" ("Есть будущее") Яира Лапида, который позиционировал ее как "ШАС среднего класса" и одновременно в качестве "партии

центра", как отмечалось, с ходу получила под эти лозунги на тех выборах 19 мандатов. Однако в последующие два года эта партия, если верить различным оценкам, систематически теряла своих избирателей, получив по итогам выборов в Кнессет XX созыва только 11 мандатов. Поскольку в ходе избирательной кампании опросы предсказывали примерно такой результат, Яир Лапид, по-прежнему единолично формировавший свой список, включил в него лишь два новых лица, заполнив остальные места бывшими министрами и ведущими депутатами от этой партии в XIX Кнессете. Некоторые из этих мест, судя по опросам, являлись "полупроходными" и "непроходными", что заставило помещенным на них депутатам либо смириться со своей участью (как это сделали Дов Липман, Ифат Карив, Рут Кальдерон и Ронен Хофман). Либо, как поступили Шимон Соломон и второй (наряду с Константином Развозовым) русскоязычный депутат от ЕА, Рина Френкель, без особого шума покинуть эту партию.

Большая часть потенциально потерянных ЕА голосов, судя по всему, была освоена упомянутым новым социально-центристским проектом – партей "Кулану" ("Все мы") Моше Кахлона, которая является классической "One man show, one issue party" ("партия одного лидера и одной идеи", в качестве которой был выдвинут лозунг снижения цен на жилье и товары первой необходимости), в терминах американской социологии, или "партией ниши", как говорят в Израиле. Именно в духе таких проектов Кахлон, как и ранее Лапид, сам является и символом и идеологией своей партии, что резко упрощает процесс формирования партийного списка. Кахлон так же, как и Лапид в начале пути, заполнил его своими друзьями-единомышленниками и/или звездами разной величины, символизирующими, как принято у партий центра, посыл к предельно широкому набору групп внутри израильского общества.

При этом лидеры обеих "социальных" партий, отдавая дань второй, после вопросов экономической политики

и благосостояния населения, теме прошлых выборов – внешней политике и региональной безопасности, озаботились включением в свои списки и представителей категории, именуемых в Израиле "битхонисты". (От ивритского "битахон" – безопасность, то есть обладающие практическим опытом эксперты в вопросах стратегии национальной безопасности). В списке "Еш атид" в дополнение к уже имевшемуся там бывшему главе ШАБАКа Якову Пери оказался бывший начальник Управления логистики и кадров Генштаба ЦАХАЛа генерал-майор запаса Элазар Штерн, который в декабре 2014 года объявил о своем выходе из партии "Ха-Тнуа", по его словам, "из-за протеста против действий лидера партии Ципи Ливни" и вступил в "Еш атид".[8] А Моше Кахлон пригласил в свой список бывшего командующего Южным округом ЦАХАЛа Йоава Галанта (который в новом правительстве стал министром строительства) и бывшего посла Израиля в США Майкла Орена.

Надо сказать, что проблема наличия в списке авторитетного "битхониста" довольно остро стояла и в партии Авода. Бывший начальник военной разведки АМАН, генерал-майор запаса Ури Саги (автор, совместно с адвокатом Гиладом Шером, концепции "одностороннего размежевания с палестинскими арабами") присоединился в октябре 2012 года к Партии труда с намерением разработать ее платформу в вопросах безопасности. Но покинул ее буквально две недели спустя и не участвовал в выборах в Кнессет 2013 года, а сама партия, шедшая на те выборы с сугубо социальной платформой и старавшаяся, насколько возможно, "замести под ковер" ныне мало популярные в обществе идеи "Осло", тогда не стала искать

---

[8] Полученное им 12-е место в списке этой партии по итогам выборов первоначально оказалось непроходным, но в сентябре 2015 года Элазар Штерн все же вернулся в парламент вместо уволившегося депутата Шая Перона.

ему замену. Присоединившаяся к Аводе уже в ходе избирательной кампании в Кнессет XX созыва Ципи Ливни, партия которой наряду с ультралевым блоком МЕРЕЦ была единственной, которая пыталась активно продвигать тему палестино-израильского урегулирования, с уходом Штерна тоже мало что могла предложить.

Как было отмечено в предыдущей главе, долгое время лидеры левоцентристского блока Авода/"Ха-Тнуа" вели переговоры о присоединении к их списку главы партии Кадима Шауля Мофаза, в прошлом занимавшего посты начальника Генштаба ЦАХАЛА и министра обороны Израиля. Мофаз встал у руля Кадимы, переиграв на праймериз ее прежнего лидера Ципи Ливни, но получив на выборах 2013 года всего два мандата, практически бесцветно просидел в оппозиции всю короткую каденцию Кнессета XIX созыва. В свете этих обстоятельств Мофаз, партия которого имела минимальные шансы вновь попасть в следующий Кнессет, по идее, должен был "обеими руками" ухватиться за приглашение Герцога и Ливни, но неожиданно для многих отверг их предложение занять считающееся реальным 20-е место в объединённом списке как "несерьезное". Получив отказ от Мофаза, Герцог и Ливни предложили вакантное место "битхониста" генерал-майору в отставке Амосу Ядлину, с января 2006 года по ноябрь 2010 года занимавшему пост начальника Управления разведки Генштаба ЦАХАЛА, а затем возглавившему влиятельный Институт исследований национальной стратегии (INSS) при Тель-Авивском Университете. Первоначально Ядлин принял это предложение под обещание назначить его министром обороны Израиля в случае успехов их блока на выборах, но в конечном итоге и он решил не баллотироваться. А отвергнутое Ядлиным 11-е место (по квоте "Ха-Тнуа") в списке в последний момент символично занял известный "экономический велфарист" профессор Мануэль Трахтенберг, в прошлом – глава комиссии по борьбе с дороговизной жизни, созданной на фоне акций "социального протеста" 2011 года.

3.3. Ситуация в правом лагере

Иная ситуация в этом смысле наблюдалась в партиях правого лагеря – Ликуде, ЕД и НДИ. Сегодня, когда пути решения проблем в сфере внешней политики и безопасности, востребованы большинством общества в вариантах, которые были и остаются ядром идеологической платформы правых партий, необходимость символического присутствия "битхонистов" в их списке стоит, по сравнению с партиями левого блока, намного менее остро. Тем более, что отставных генералов и экспертов по национальной безопасности там в любом случае хватает, а лидеры Ликуда, ЕД и НДИ (соответственно премьер-министр Биньямин Нетаньяху, министр экономики и промышленности Нафтали Беннет и глава МИД Авигдор Либерман) являются авторами внешнеполитических концепций, занимающих центральное место в национальной повестке дня.

Их проблемы, нашедшие отражение в составленных ими блоках кандидатов в парламент, были иными: Ликуд, как было показано выше, стремился сохранить статус партии власти, то есть он старался не оттолкнуть не только свой исторический "правый" контингент, но и избирателей умеренно-правой и центристской частей политического спектра, без поддержки которых в Израиле невозможно стать главой правительства. А у двух общенационально-секторальных партий – "Наш дом – Израиль" (НДИ) и "Еврейский дом" (ЕД), сделавших заявку на общенациональное лидерство и тем самым вступивших в конкурентную борьбу с Ликудом за голоса правого лагеря, главной задачей было выйти за рамки своих секторальных групп и привлечь дополнительный электорат.

Для НДИ, твердое электоральное ядро которой представлено т.н. "лагерем либерманистов" – правонастроенными русскоязычными репатриантами разных волн алии

и некоторым числом коренных израильтян и старожилов, в глазах которых Либерман символизирует "классические ревизионистские" ценности, утраченные, как им кажется, традиционным правым лагерем – наибольший интерес в этом смысле представляют три целевые группы. Во-первых, те в массе своей тяготеющие к НДИ, но при определенных обстоятельствах готовые взвесить и иные опции, русскоязычные избиратели, которые будучи с политической точки зрения чаще всего умеренно-правыми, тем не менее, в электоральных приоритетах отдают предпочтение больше социально-экономической и гражданской проблематике, чем вопросам внешней политики. Во-вторых, "протестные" голоса представителей социальной и географической периферии, включая население мало благополучных, по израильским понятиям, кварталов городских агломераций в центре страны и периферийных "городов развития" (основную массу жителей таких мест составляют сефарды, то есть евреи из стран Востока и их потомки, а также новые репатрианты разного происхождения). И в-третьих, умеренно настроенные избиратели, которые в принципе позитивно воспринимают план Либермана по обмену (в рамках общерегионального урегулирования) населенных арабами-гражданами Израиля городов южной Галилеи на еврейские поселенческие блоки, расположенные за "Зеленой чертой".

Именно в свете этих соображений и следует понимать структуру представленного НДИ списка. В первой дюжине кандидатов (а именно столько мест до того, как разразился смешавший карты "коррупционный скандал", давали НДИ опросы) места были поделены поровну между выходцами из бывшего СССР и представителями других общин. Так, в первой тройке списка, помимо главы партии Авигдора Либермана, находятся лидер "русского социального" лагеря НДИ, министр абсорбции Софа Ландвер и депутат Кнессета Орли Леви-Абуксис. Последняя, будучи дочерью одного из некогда наиболее популярных лидеров "Второго" (т.е. сефардского) Израиля,

Давида Леви и активным членом парламентских "социальных" лобби, с момента своего присоединения к НДИ в 2009 году символизирует обращение партии к сефардам и социально слабым слоям.

Остальные места в первой десятке были предоставлены опытным и начинающим политикам, являющимся символическими фигурами в глазах различных групп уроженцев страны и старожилов разного происхождения, включая представителей "Первого Израиля" (коренные израильтяне европейско-ашкеназского происхождения, составляющие ядро среднего класса страны), "русских сефардов" (председатель парламентской фракции НДИ Роберт Илатов), муниципальной инфраструктуры НДИ из центра страны и ее периферии, "этнических меньшинств" (один из двух попавших в XX Кнессет членов друзской общины Хамад Амар) и молодежи.

Три первых места во второй десятке были предоставлены выходцам из бывшего СССР – двум молодым, но уже опытным парламентариям Алексу Миллеру (в прошлом лидер "молодежного крыла" НДИ) и бывшему главе Объединения репатриантов Партии Авода, перешедшему в НДИ со своими сторонниками, Леону Литинецкому. А также одному из наиболее эффективных "русских муниципалов", главе филиала НДИ в Маалоте (город на севере Израиля с высокой долей русскоязычного населения) Аркадию Померанцу. Можно предположить, что именно такая диспозиция "акцентированно секторальных" русскоязычных политиков должна была, по замыслу Либермана, стимулировать их активность по привлечению "плавающих" и "сидящих на заборе" русскоязычных избирателей. Не говоря уже о том, что в случае присоединения к следующему правительству министры от НДИ были намерены отказаться от парламентских мандатов, что автоматически продвинет следующих за ними членов фракции на более высокие позиции в списке. (Эта опция в связи с тем, что партия на выборах получила лишь 6 мандатов и осталась в оппозиции, так и не реализовалось).

В свою очередь, "Еврейский дом" (лидер которого Нафтали Беннет вбросил лозунг, что именно он, а не Биньямин Нетаньяху, является "естественной правой альтернативой левым Герцогу и Ливни в борьбе за пост главы правительства") также не был намерен ограничиваться своим традиционным электоратом в лице религиозных поселенцев из Иудеи и Самарии. Помимо этого, он рассчитывал на светских и традиционалистов из городских районов по обе стороны "Зеленой черты". А также конкурировал с Ликудом и НДИ за голоса собственно правого крыла этих партий, равно как и за симпатии присутствующих в этих партиях религиозных сионистов, "русских" и особенно малообеспеченных слоев на упомянутой социальной и географической периферии израильского общества. На выборах в XIX Кнессет "Еврейский дом", как и "Еш атид", позиционировал себя в первую очередь как партию право-настроенного сегмента израильского среднего класса. Но уже на муниципальных выборах 2013 года, ставших "послесловием" выборов в действовавший до 17 марта 2015 г. Кнессет, Нафтали Беннет сделал очевидную попытку скомпенсировать этот крен массированным присутствием партии в периферийных городских и сельских районах, заявив о том, что "сегодня ЕД стал партией социальной периферии".

Впрочем, попытки Нафтали Беннета сформировать вокруг религиозно-сионистского поселенческого ядра ЕД "внешнюю электоральную оболочку" и сконструировать, как назвали этот проект журналисты, "Ликуд бис", обратившись к различным группам светского, традиционалистского и даже нееврейского населения путем соответствующих акцентов в избирательном списке блока, далеко не во всем увенчались успехом. Некоторые "приобретения" Беннета, которые обещали повысить популярность его блока среди отмеченных групп, на практике доставили ему немало проблем. Так, включение в состав списка "Еврейского дома" за счет квоты лидера партии футбольной звезды Эли Охана вызвало волну возмущения со

стороны тех религиозных сионистов, которые помнили его поддержку политики эвакуации еврейских поселений Газы и Северной Самарии, которую проводил Ариэль Шарон. В силу чего этот, казалось бы, столь желанный для партии символ добившегося успеха "сефарда из периферии" предпочел снять свою кандидатуру.

Второй скандал разразился, когда Беннет предложил освободившуюся с уходом Оханы бронь главе Совета поселений Иудеи и Самарии Дани Даяну, который, по замыслу лидера партии, вместе с "номером 2" в списке, депутатом Кнессета Аелет Шакед, должен был усилить "светское правое крыло ЕД". Но тот, несмотря на поддержку Беннета, так и не смог занять реальное место в списке, участвуя в праймериз на общих основаниях. Из высказываний по этому поводу Даяна можно было заключить, что суть проблемы состояла в отказе "Еврейского дома" предоставить ему реальное место "по праву, а не в виде одолжения", что в конечном итоге подвигло его отказаться от участия в выборах в Кнессет.

Теоретически, немало электоральных дивидендов мог дать партии Ронен Шоваль, основатель и глава неосионистского движения "Им тирцу", известный успешным использованием в интересах правого лагеря методов правозащитной и юридической деятельности, бывших ранее своего рода монополией левых организаций. Интересный феномен представляла и принявшая участие в праймериз ЕД Анетт Хаския – израильская арабка-мусульманка из Акко, дети которой добровольно служат в Армии обороны Израиля и которая прославилась своей патриотической сионистской позицией и критикой "арабских партий, которые только вредят арабскому сектору". Однако занятые Роненом Шовалем и Анетт Хаскией места в списке ЕД оказались "непроходными" и не позволили им войти в Кнессет XX созыва. А представитель русскоязычной общины Софья Рон вообще не вошла в список партии. Это дало ей повод заявить, что "выборы в "Еврейском доме" на самом деле проходили не более,

чем для "отвода глаз", поскольку ни один из новых соискателей не получил реального места в списке".[9]

А критикам "традиционного поселенческого истеблишмента" это позволило в очередной раз заявить, что "старые правые элиты" относятся к выходцам из бывшего СССР как к "соратникам второго сорта".

В свете итогов выборов в Кнессет XX созыва пока еще трудно сказать, повлиял ли состав списков партий существенно на настроения электората или же обозначенные в избирательных бюллетенях название партии и имя ее лидера – это, в сущности, единственное, что интересовало пришедшего голосовать среднестатистического израильтянина. Однако очевидно, что действие этих факторов, наложенное друг на друга, несомненно, сформировало набор идентифицированных с партиями электоральных символов, что, как показали исследования, было в достаточно высокой степени усвоено избирателями. Причем новые партийные комбинации, возникшие как результат повышения электорального барьера, и в этой сфере пока еще не стали фактором фундаментальных изменений.

---

[9] Пост Софьи Рон в социальной сети "Фейсбук", 30 января 2015 г.

4. "ПАЛЕСТИНСКАЯ ТЕМА" В ПАРТИЙНЫХ ПЛАТФОРМАХ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Как отмечалось выше, одной из примет выборов в Кнессет XX созыва стало возращение в качестве одного из ведущих факторов электорального политического размежевания темы внешней политики и безопасности – вслед за тем, как на предыдущих выборах она, после многих лет, ушла на периферию общенациональной повестки дня. Причем и в том, и в другом случае ядром темы были вопросы региональной безопасности, диктуемые такими факторами, как сирийский кризис, рост влияния "Исламского государства" (ИГ) и особенно – развитие иранской военной ядерной программы.

В израильском внутриполитическом контексте дискуссия шла о проведении оптимальной линии, которая в условиях, вызванных "арабской весной", породившей кризис привычной системы региональных "сдержек и противовесов", способна обеспечить Израилю продолжение сравнительно спокойного существования и динамичного социально-экономического развития. Что же касается палестинских арабов, взаимоотношения с которыми на протяжении двух последних десятилетий играли роль едва ли не главного политического водораздела в израильском обществе, то этот сюжет уже воспринимался почти исключительно в этом новом, региональном контексте – причем в большинстве случаев уже явно в качестве вторичного фактора.

4.1. Регионально-политический контекст

Главной причиной такого сдвига было постоянно усиливающееся разочарование подавляющего большинства израильского общества в результатах идущего с начала 90-х гг. прошлого века палестино-израильского "мирного" (ныне именуемого "политическим") процесса, тон которого был задан т.н. "парадигмой Осло". То есть разочарование в идее достижения мирной договоренности с арабскими националистическими, в том числе, "бывшими" террористическими движениями, в данном случае ООП, по модели "мир в обмен на территории". Эта идея ранее применялась исключительно в отношении устойчивых (или казавшихся таковыми) "прозападных" арабских государств – таких, как Египет и Иордания, а в перспективе – Ливан и страны Персидского залива. Сомнения критиков такого подхода лишь укрепились в свете вспышки арабского террора 2000–2003 годов, инициированной командой Арафата и ознаменовавшей завершение "романтического этапа" Норвежского процесса.

Предпринятые после подавления этой террористической волны неоднократные попытки возобновления "дипломатического процесса" регулярно разбивались о понимание того, что самые радикальные израильские уступки даже не приближаются к самым минимальным требованиям ПНА/ООП. Надежды большинства из тех израильтян, кто полагал, что сменивший Арафата на посту председателя ПНА "прагматик" Махмуд Аббас (Абу-Мазен) представляет те палестинские элиты, которые настроены на достижение компромисса с Израилем, окончательно рассеялись примерно к концу 2008 года. Возникло понимание, что новое руководство ПНА заинтересовано не столько в создании своего государства, сколько в уничтожении чужого (Израиля). Опросы общественного мнения израильтян (такие как, например, авто-

ритетный The Peace Index[10]) стабильно фиксировали укрепление в среде не только противников, но и части ранее последовательных сторонников палестино-израильского урегулирования по модели "два государства для двух народов" ощущения, что "на той стороне" говорить практически не с кем.

Тем более, что и сам постарафатовский истеблишмент "светских националистов" ООП/ПНА чем дальше, тем больше склонялся к односторонним шагам, призванным поддержать его релевантность в качестве самостоятельного субъекта регионального процесса, в том числе за счет бесчисленных дипломатических и пропагандистских провокаций и угроз "прекратить сотрудничество с Израилем в сфере безопасности".

То, что политический класс Израиля постепенно перестал относиться к этим угрозам председателя ПНА просто как к фигуре речи, стало итогом понимания, что Махмуд Аббас уже практически перешел точку невозврата в рискованной игре, которую он инициировал примерно пять лет назад, с началом т.н. "арабской весны". Если исходить из гипотезы, много раз находившей своё подтверждение, что первое и последнее, что интересует эту фракцию палестинских арабских лидеров, это не столько само Палестинское государство (которое по возникновению станет одним из многих нищих и никому не интересных fallen states), сколько бесконечная борьба за него. А точнее, все вытекающие из этой борьбы дивиденды,

---

[10] The Peace Index ("Индекс мира") представляет итоги проводимых раз в месяц опросов израильтян по темам израильско-палестинского конфликта и еврейско-арабских отношений. Проект был инициирован в 1994 году Центром исследований проблем мира им. Тами Штенмец (the Tami Steinmetz Center for Peace Research) Тель-Авивского университета, а в 2010 году он был продолжен программой изучения конфликтов того же Университета и Израильским институтом демократии. См. *The Peace Index* www.peaceindex.org/defaultEng.aspx

определяемые контекстом отношений палестинских элит с Израилем. В том числе, международное паблисити, статус легитимных, принимаемых везде лидеров и самое главное – продолжение функционирования слегка замаскированного под "палестинское государство в пути" механизма аккумулирования и перераспределения гигантских средств, поступающих из внешних источников (Израиль, ЕС, США и, в намного меньшей степени, арабские страны). Поскольку в этом и состоит смысл задуманной Арафатом структуры ПНА, которая по-другому жить не сможет, сохранение релевантности Абу Мазена и его режима в глазах его "доноров" остается единственным способом поддержания функционирования этой схемы.

"Звездным часом" Абу-Мазена стало начало первой каденции избранного в 2008 году президентом США Барака Обамы, пришедшего к власти с идеей "перезагрузки" отношений Америки с арабо-исламским миром, "умиротворить" который, среди прочего, должны были кардинальные уступки Израиля на палестинском треке. Это позволило бы Белому дому объявить о столь нужном ему "прорыве" в застарелой внешнеполитической проблеме, а столь нужным американцам в контексте "нового прочтения" региональных интересов США умеренным суннитским правителям закрыть ставший для них обузой и источником внутренней нестабильности в их странах "палестинский файл". Судя по всему, Махмуд Аббас понял эти требования Белого дома к Израилю согласиться на предварительные условия палестинцев еще до начала реальных переговоров о постоянном урегулировании как возможность получить от израильтян все и сразу, почти ничего не давая взамен. В свою очередь, подобный подход главного стратегического партнера еврейского государства не вызвал восторга в Иерусалиме, где существовало устойчивое опасение, что готовность Израиля к тем или иным шагам навстречу палестинцам означает не ответные шаги, а напротив, ужесточение их требований, что не раз уже подтверждалось практикой. В итоге команда вер-

нувшегося в кресло премьер-министра в 2009 году Биньямина Нетаньяху и его тогдашние партнеры – глава Минобороны Эхуд Барак и сменивший его в 2013 году Моше (Буги) Яалон и глава МИД в 2009–2015 годах Авигдор Либерман сделали все от них зависящее, чтобы минимизировать ущерб интересам и безопасности Израиля, доказав американцам ошибочность избранного ими курса.

Тем не менее, даже после того, как Белый дом, разочаровавшись во многих аспектах стратегии "перезагрузки" снял свои иррационально-завышенные требования к Израилю, "забытый на высоком дереве" своих претензий Абу-Мазен все еще мог надеяться, что речь идет о тактическом сбое, а не стратегическом повороте. Эти надежды, казалось бы, нашли свое подтверждение в самом начале "арабской весны", когда многие в мире, и отдельные политики в Израиле стали хором говорить, что именно сейчас наступает вожделенное окно возможностей для быстрого и окончательного урегулирования. И потому Израилю нужно идти на любые условия палестинских арабских лидеров, ибо другой возможности покончить со столетним конфликтом может и не быть. Бурная активность на векторах Вашингтон-Иерусалим и Вашингтон-Рамалла шла под вброшенным Бараком Обамой лозунгом "создания государства для палестинских арабов" в течение одного года и нашла полное понимание у остальных "коспонсоров" Ближневосточного мирного процесса – ЕС, ООН и России, убедив Абу-Мазена в правильности избранной им линии. Каковая предполагала отказ садиться за стол переговоров с израильтянами до тех пор, пока Нетаньяху не согласится на все упомянутые "предварительные условия" Рамаллы, касающиеся границ, статуса Иерусалима, еврейских поселений за "Зеленой чертой" и проблемы "палестинских беженцев". Ибо глава ПНА был уверен, что Нетаньяху не сможет бесконечно выдерживать давление администрации США.

Однако "тучные годы" гипертрофированных палестинских надежд закончились, не начавшись, очевидным

признаком чего стал провал одностороннего, в резком противоречии с Норвежскими соглашениями между ОПП и правительством Израиля, обращения Абу-Мазена в Совбез ООН с требованием признать Палестинское государство вне зависимости от позиции и без учета интересов Израиля. Попытка Махмуда Аббаса использовать этот факт для очередного витка дипломатического наступления на Израиль тоже была неудачной. Основными событиями в регионе в последние пять лет были исламистские перевороты и националистические контрперевороты, хаос в арабских странах, борьба вокруг военной компоненты иранской ядерной программы и рост гегемонистских устремлений иранского правительства. А также новые версии суннитского радикализма и появление ИГ, острый конфликт между Тегераном и Эр-Риядом и шире – нарастающее противостояние между суннитскими монархиями и шиитским поясом. В этой связи число тех, кто был еще готов всерьез обсуждать тему палестино-израильского конфликта как "корня всех проблем ближневосточного региона и выходцев из него в других частях мира" в кругах, причастных к передвижению фигур на глобальной шахматной доске, стремительно сокращалось.

Последнюю точку в процессе инфляции доктрины Абу-Мазена положило обострение сирийского кризиса. Появление на этом поле России, а также ситуация в Украине и вокруг неё и ряд других событий в сумме, по мнению ряда аналитиков, стимулировали появление наиболее серьезного со времен окончания "холодной войны" противостояния России и Запада. На этом фоне Абу Мазен с его интересами и амбициями как фактор мировой политики стал темой, в лучшем случае, шестого-седьмого ряда.

Испытывающая невероятные денежные затруднения и ощущающая резкую потерю интереса к ней арабских стран, США и Евросоюза ПНА оказалась перед перспективой возвращения палестинской тематики к состоянию "эпохи до Мадрида". То есть периоду, когда отношения

между израильскими евреями и палестинскими арабами были одним из множества неурегулированных внутригосударственных межэтнических конфликтов в странах пост-колониального мира. В данном случае – на территории бывшего британского мандата в западной Палестине, где единственным реальным сувереном сегодня является Израиль, которому, если следовать этой логике, и следует передать инициативу в решении проблемы палестинских арабов.

С точки зрения Абу-Мазена, подобный вариант развития событий – это его личный провал и крах всей инициированной в 1987 году Арафатом и принятой посредством Осло схемы сочетания "гибридного конфликта" с Израилем и "экономики распила", упакованных с систему возглавляемой лидером ФАТХ/ООП "вертикали власти". Потому, по замыслу Абу-Мазена, нужно сделать всё возможное, чтобы остаться в центре международного внимания и поддержать релевантность своего режима в качестве самостоятельного субъекта региональных отношений.

В этой связи избранная в Рамалле стратегия включала параллельное продвижение трех процессов. Первым стало разворачивание упомянутой "дипломатической интифады", включая бесконечные иски в международные суды с жалобами на, чаще всего, надуманные "преступления сионистского режима против палестинского народа". Далее последовали односторонние – в фундаментальном отступлении от промежуточного соглашения между Израилем и ООП от 1995 года (так называемый договор "Осло 2") – обращения по поводу членства в международных организациях и подразделениях ООН и повышения дипломатического статуса ПНА в различных европейских странах. Наконец, начались массовые инвестиции (в том числе и за счет средств, полученных от Израиля) в BDS и прочие кампании делегитимации еврейского государства.

Успех этой линии был ограниченным и, несмотря на доставленные Израилю моральные и дипломатические

неприятности, серьезного экономического и политического ущерба ему не нанес, – чего нельзя сказать об издержках, пришедшихся на долю ПНА. Потому доминирующими в последнее время стали два других направления новой стратегии Рамаллы. Во-первых, разворачивание массированной системы антиизраильской пропаганды и подстрекательства арабского населения к враждебным действиям против Израиля и сплочение на базе радикальной антисионистской риторики различных арабских партий Израиля с целью давления на его руководство. С тем, чтобы оно, по замыслу Абу-Мазена, в какой-то момент было вынуждено согласиться на возобновление переговоров на его условиях. И во-вторых, бесконечные угрозы "положить на стол ключи от Автономии", возложив на Израиль бремя забот о населении палестинских территорий.

Понятно, что на ПНА в Израиле завязано многое. Населенные палестинскими арабами анклавы Западного берега реки Иордан продолжают оставаться частью израильских систем, прежде всего безопасности (в которую де факто встроена система безопасности ПНА) и экономики, включающих предприятия, созданные в Иудее и Самарии исключительно или с участием израильского капитала и являющиеся рынком рабочих мест для палестинских арабов внутри "Зеленой черты". (Все это, по разным оценкам, обеспечивает трудоустройство более 60% работающих палестинских арабов, находящихся под контролем ПНА, а Западному берегу – жизненный уровень выше, чем в большинстве арабских стран, за исключением коренного населения государств Персидского залива). Понятно, что развал всех этих систем оставит Израиль один на один с ситуацией, подобной той, что имеет место в Газе. При этом на вчетверо большей территории, имеющей вкрапления еврейских поселений и находящейся между стратегически важными для безопасности страны зонами, которые, по всеобщему мнению, при любом варианте развития событий должны остаться под суверенитетом Израиля (это поселенческие блоки, примыкаю-

щие к "Зеленой черте" и почти лишенная арабского населения Иорданская долина вдоль границы с Хашемитским королевством).

Наконец, даже если издержки "политического процесса" в его нынешнем виде превосходят для Израиля плюсы от поддержания "партнерских отношений" с ПНА/ООП на "медленном огне", в Иерусалиме вынуждены учитывать, что идея Палестинского государства – пусть и все менее осмысленная в практическом плане – стала устоявшимся брендом в мировой дипломатической практике. И потому, так или иначе, должны заявлять о своей приверженности концепции урегулирования в Западной Эрец-Исраэль/Палестине (то есть на территории к западу от р. Иордан) по схеме "два государства для двух народов".

Соответственно Абу-Мазен мог долгое время небезосновательно считать, что регулярные, но хорошо дозированные угрозы "положить ключи на стол" позволят ему сохранять необходимую долю внимания вовлеченных в ближневосточный процесс субъектов и влиять на общественное мнение в Израиле, не имея особой угрозы того, что его декларации будут в Иерусалиме рассматриваться буквально. Однако похоже, что новый региональный контекст (включая намечающееся сближение Израиля и "умеренных" суннитских режимов) и перешедший все мыслимые границы уровень контрпродуктивности действий команды главы ПНА серьезно меняют ситуацию. По мнению многих представителей израильского военно-политического истеблишмента, она более не оправдывает вложения диспропорционально больших финансовых, экономических, дипломатических и военных ресурсов в поддержание функционирования режима ПНА/ООП в прежнем виде. Особенно на фоне индикаций, что позиция, занятая председателем ПНА Махмудом Аббасом, и характер, который приобретает проект (весьма затратный для них) Палестинского государства, стали все более раздражающим фактором для немалого числа "коспонсоров" ближневосточного политического процесса. Так, канцлер

ФРГ Ангела Меркель, выступая в феврале 2016 года в Берлине на совместной с премьер-министром Израиля пресс-конференции, прямо заявила о "несвоевременности продвижения в направлении создания палестинского государства". А спецпосланник ООН на Ближнем Востоке Николай Младенов примерно тогда же назвал саму возможность переговоров между Нетаньяху и Абу-Мазеном "сладкой фантазией".

Показательно, что Абу-Мазен, сообразив, куда его ведет все менее контролируемая логика процесса, на протяжении всего 2015 года пытался дезавуировать угрозы "самороспуска" ПНА, заявляя, что альтернативой ей может быть только Палестинское государство.

4.2. Платформы партийных лидеров

Впрочем, на этом этапе речь все еще идет о "замороженном процессе", что позволяет рассматривать видение различными фракциями израильских элит перспективы развития событий на "палестинском треке" в качестве своего рода "чистого политического эксперимента", без необходимости перевода процесса в оперативную плоскость. Поэтому позиции руководства различных израильских партий в плане выработки оптимальной линии в отношении режима ПНА в Рамалле и радикально-исламистской группировки ХАМАС в секторе Газа стали не просто дополнительным фактором их позиционирования в политико-идеологическом спектре, как это бывало всегда, но и определенной заявкой на роль, на которую эти партии претендуют в партийно-политической системе страны в целом.

Позиция непрерывно правящей в стране, начиная с 2009 года, партии Ликуд в этом вопросе в определяющей степени сформирована в рамках видения ситуации ее лидером и главой правительства Биньямином Нетаньяху, который официально не отвергает идею «два госу-

дарства для двух народов» в случае появления «на той стороне» вменяемых партнеров для продуктивных переговоров. Но он же настаивает на сохранении к западу от реки Иордан существующего геополитического статус-кво, коль скоро такие партнеры сегодня отсутствуют. Он также исходит из того, что крушение палестинской администрации во главе с Абу-Мазеном не станет трагедией для Израиля, хотя и не является самой желаемой опцией. С точки зрения премьер-министра, Израилю пока продуктивней сохранить режим в Рамалле, одновременно играя на понижение его международного статуса. Что не потребует от Иерусалима формальной денонсации "соглашения Осло", но при этом позволит быть свободным от материальных, моральных и юридических обязательств в отношении ООП, которая будет сама ответственна за все, что происходит в палестинских анклавах на Западном берегу. На практике это предполагает укрепление (без формальной аннексии) крупных поселенческих блоков, а также выстраивание "особой линии" в отношении исламистского режима в секторе Газа.

Именно такой "консервативный" подход премьер- министра активно критиковали в ходе выборов лидеры соперничающего с Ликудом за статус "партии власти" блока "Сионистский лагерь" – союза левоцентристских партий Авода (Партия труда) Ицхака (Бужи) Герцога и "Ха-Тнуа" ("Движение") Ципи Ливни. Лозунги "продвижения забуксовавшего дипломатического процесса с ПНА", с которыми обе партии выступали на выборах 2013 года (на которые они шли отдельно) и на недавних выборах в Кнессет, особым спросом на политическом рынке уже практически не пользовались вследствие охватившего ближневосточный регион "политического цунами". В силу чего Герцог и Ливни соответственно относились к этим сюжетам, выбирая наиболее обтекаемые фразы и делая акцент в основном на "заботе о профилактике изоляции Израиля в мире".

Понятно, что с точки зрения идеологов израильского "широкого левого лагеря", идея "два государства для

двух народов" пересмотрена быть не может. Ибо исключение режима Махмуда Аббаса из регионального политического процесса и вслед за этим немедленный развал ПНА будут означать исчезновение центрального атрибута платформы левого лагеря двух последних десятилетий. Этим атрибутом было распространение на ФАТХ/ООП принципа "мир в обмен на территории", ранее применявшегося только в отношении устойчивых арабских режимов и считавшегося неприемлемым для "нормализации" арабских радикально-националистических и исламистских движений. С денонсацией этой идеи левые партии сильно сужают перспективы вернуться к власти в обозримом будущем. И это даже если оставить в стороне вопрос о том, как провал проекта ПНА скажется на карьерах израильских политиков "эпохи Осло", которые через какое-то время будут вынуждены отвечать на вопрос, ради чего вся эта история, со всеми ее последствиями и издержками, была затеяна.

В силу чего, по мнению Герцога и Ливни, Абу-Мазен и его режим, несмотря ни на что, остаются релевантными партнерами для переговоров, если не сейчас, то в будущем. Тем не менее на практике конкретного механизма реализации этой идеи ни в ходе избирательной кампании, ни после нее лидеры СЛ так и не предложили. Председатель Аводы Ицхак Герцог во многом построил свою избирательную кампанию в ходе праймериз, критикуя прежнего лидера партии Шели Яхимович за решение сосредоточиться на выборах в прошлый Кнессет на социально-экономической тематике, "забросив" традиционную платформу Аводы в сфере "палестино-израильского мирного процесса". Но в ходе избирательной кампании 2015 года, он, по сути, следовал тому же курсу, хотя после выборов и объяснял свою неготовность даже рассматривать идею вхождения в правительство Нетаньяху нежеланием последнего сесть за стол переговоров с лидерами ПНА.

Надо полагать, лидеры умеренного крыла Аводы отдавали себе отчет в том, что хотя на уровне символа

идея палестино-израильского переговорного процесса и сохраняет некоторую продуктивность в глазах общественного мнения, вера в то, что "на той стороне" есть релевантный партнер, практически исчезла. Так, две трети респондентов, опрошенных для "Индекса мира" Израильским институтом демократии и Тель-Авивским университетом в ходе избирательной кампании в начале 2015 года, были уверены, что вне зависимости от того, какая партия придет к власти, мирный процесс с палестинскими арабами не имеет перспектив. Ибо палестино-израильский конфликт, по крайней мере, на этом этапе, не имеет решения. И потому, хотя те же две трети израильтян поддерживали возобновление переговоров между Израилем и ПНА, менее трети верили в то, что переговоры действительно приведут к миру в ближайшие годы. Причем практически тот же результат был получен год спустя. Соответственно, если в январе 2016 года 70% хотели бы, чтобы встреча между премьер-министром Израиля и главой ПНА все же состоялась, то лишь четверть израильских евреев (и 30% в целом по выборке) готовы возложить вину за то, что этого не происходит, на Нетаньяху, а более 60% – на Абу-Мазена.

Отсутствие у самого Ицхака Герцога веры в то, что сам Махмуд Аббас является не на словах, а на деле реальным партнёром для таких переговоров, получило подтверждение в феврале 2016 года, когда по настоянию Герцога партийная конференция Аводы приняла новую политическую программу партии. Ее основу составила концепция "полного отделения от палестинцев с целью сохранения еврейского большинства в Израиле", еврейского характера Иерусалима и предупреждения возможного проникновения арабских террористов на его территорию. Что, по мнению Герцога, может быть достигнуто путем завершения строительства забора вокруг крупных поселенческих анклавов в Иудее и Самарии, а также стены, которая отделит Иерусалим от прилегающих к нему арабских деревень.

Сама по себе концепция односторонних шагов, как некий "творческий вариант" доктрины "мир в обмен на территории", появилась в кругах, близких к Партии труда в начале 2000-х годов. То есть в момент, когда стало ясно, что шансы достичь с командой Ясира Арафата и его наследников по схеме, заложенной в основу инициированного ими "процесса Осло", стремятся к нулю, но признание этого факта будет означать политическую катастрофу для левого лагеря. В силу этого представители левоцентристского истеблишмента время от времени выдвигали идею о том, что если мирные переговоры с палестинцами окажутся безрезультатными, Израиль должен предпринять шаги для разделения двух народов и в одностороннем порядке покинуть большую часть Западного берега реки Иордан. Поскольку, по мнению этих политиков, "полный застой в палестино-израильском «мирном процессе» для Израиля будет также контрпродуктивен".

Наиболее четко эта идея была сформулирована бывшим начальником канцелярии лидера Партии труда и премьер-министра Израиля в 1999–2001 гг. Эхуда Барака – Гиладом Шером и бывшим начальником военной разведки Израиля (АМАН) Ури Саги. Оба деятеля в период премьерства Эхуда Барака также возглавляли израильские делегации, соответственно, на переговорах с ПНА и с Сирией, и именно Барак, в духе этой концепции, в мае 2000 г. в одностороннем порядке отдал приказ о выводе ЦАХАЛа из "зоны безопасности" в Южном Ливане. А сменивший его на посту главы правительства в 2001 г. Ариэль Шарон санкционировал такой же односторонний уход ЦАХАЛа из Газы и Северной Самарии в 2005 году. Причем эти действия, не обусловленные ни разоружением и роспуском террористических группировок, ни политическим соглашением с Сирией, Ливаном и ПНА, принесли существенно больше издержек, чем выгод, в силу чего идея "односторонности" имеет весьма низкую легитимацию в глазах израильской общественности. Тем не менее

лидеры умеренных левых и «новых центристов» по указным выше соображениям время от времени прилагают усилия, чтобы вернуть ее в центр общественной повестки дня.

Так, с новой версией своего старого плана накануне выборов 2013 года выступил упомянутый Гилад Шер. В тот момент и позже этот план так и не был усвоен ни одним из политических движений левого лагеря, хотя было очевидно, что со временем этот план вновь может стать востребован теми или иными политическими фракциями «новых центристов». Именно это, судя по всему, и случилось три года спустя.

Как можно заметить, план "полного отделения" Герцога выглядит очередным "неоцентристским" проектом из того же ряда, продолжающим линию "плана одностороннего размежевания" Ариэля Шарона, сделавшего его платформой основанной им "центристской партии власти" Кадима. А также (так и не осуществленного) "плана свертывания" сменившего его на посту лидера этой партии, премьер-министра Израиля в 2006–2008 годах Эхуда Ольмерта. Но в отличие от них Герцог настаивает на том, что ЦАХАЛ должен оставаться на всех территориях до полного уничтожения палестинского террора, и только тогда, по его замыслу, будут созданы условия для "продуктивных переговоров с ПНА". Пока же, по мнению лидера блока "Сионистский лагерь", с мечтой о достижении мира по формуле "два государства для двух народов" придется подождать не только потому, что "премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху и председатель ПНА Махмуд Аббас не способны добиться результата", но и потому, что "сначала нужно обеспечить безопасность израильских граждан".

Очевидно, что разница между сформулированной в таком виде платформой Аводы и подходом "умеренного фланга" Ликуда к палестинской проблеме выглядит малосущественной, что и не преминули отметить критики Герцога из числа "новых левых" в его собственной партии и

леворадикальной МЕРЕЦ. Показательно, что если, согласно упомянутому опросу, против инициативы Герцога выступили 75% сторонников партии МЕРЕЦ, а электорат собственного "Сионистского лагеря" Герцога разделился по отношению к его плану почти поровну – 43% "за", и 49% "против", то среди избирателей Ликуда за него выступают 64% опрошенных.

Таким образом, оба лидирующих в своих "широких" партийно-политических лагерях главных соискателя поста премьер-министра, по сути, предлагают разные вариации все тех же схем "управления кризисом на территориях, населенных палестинскими арабами, без непосредственного управления этими территориями". А их критики "справа" и "слева" озвучивают представленные годы назад традиционные аргументы в пользу отказа – естественно, в разные стороны, от нынешнего "статус-кво" на палестино-израильском треке.

Так, сторонники леворадикальной партии МЕРЕЦ привычно возлагают главную вину за провал "мирного процесса" не на палестинцев, а на Израиль, хотя и осознают, что переговоры с палестинскими арабами в прежнем формате себя исчерпали. Причем перед выборами в Кнессет XIX созыва (январь 2013 года) МЕРЕЦ все же выдвигала некую сформулированную идею ("Outline for catalyzing a diplomatic move") на основе принципа «палестинское государство не как итог, а база для начала переговоров», в 2015 году внешнеполитическая платформа партии была сформулирована в довольно абстрактных лозунгах. Они в основном включали имеющие весьма ограниченный спрос среди избирателей идеи о "необходимости кардинальных шагов навстречу ФАТХу/ООП, включая учет их требований о границах, статусе Иерусалима, еврейских поселений и проблеме "палестинских беженцев". МЕРЕЦ также остается единственной израильской неарабской, в полном смысле слова, партией, которая все еще верит в возможность возвращения в состав ПНА сектора Газа и потому тре-

бует от правительства Израиля ведения переговоров "без предварительных условий" со всеми палестинскими фракциями.

Со сдвигом "Сионистского лагеря" под руководством Герцога в "консервативный" политический центр, в левоцентристской нише сторонников "про-активных" действий на палестинском треке осталась партия Яира Лапида "Еш атид". Конкурирующий с Герцогом за статус главного символа "широкого левого лагеря", но одновременно претендующий на статус "партии центра" и потому не желавший потерять умеренно правые и плавающие голоса Яир Лапид не раз пытался доказать, что его партия не является "левой". Тем не менее проведенный в конце избирательной кампании 2015 года опрос показал, что 79% избирателей "Еш атид" предпочитали, чтобы премьер-министром стал "левый" Ицхак (Бужи) Герцог. И только 14% хотели бы видеть на этом посту "правого" Биньямина Нетаньяху.[11]

Соответственно, программа в сфере безопасности и разрешения арабо-израильского конфликта Яира Лапида в 2015 году мало отличалась от идей, сформулированных им перед выборами 2013 года. Она включает сворачивание поселенческой деятельности на Западном берегу реки Иордан. А также замораживание (до достижения урегулирования) еврейского строительства в трех основных еврейских поселенческих массивах Иудеи и Самарии (район Ариэля, Гуш-Эцион и Маале-Адумим), которые, по его мнению, при любом варианте урегулирования должны остаться за Государством Израиль.

Как и его соперники за левоцентристские голоса Герцог и Ливни, лидер ЕА провозглашает, что его партия не войдет в правительство, которое не хочет вернуться за стол переговоров с палестинскими арабами, но в отличие от лидера Аводы (и Нетаньяху), Лапид по-

---

[11] Данные Телеканала Кнессета, 7 марта 2015 г.

лагает, что откладывать урегулирование с палестинскими арабами "до лучших времен" невозможно. Представляя свою внешнеполитическую программу в сентябре 2015 года в Университете Бар-Илан, Яир Лапид использовал тот же лозунг, с которым выступил Нетаньяху в том же Университете ровно за шесть лет до того: создание "демилитаризованного палестинского государства". В противном случае, по словам бывшего министра финансов, палестинцы окажутся в составе Израиля, и еврейское государство превратится в двунациональное. И тогда, по мнению Лапида, "мэром Иерусалима станет палестинец, а Объединенный арабский список получит 50 мест в Кнессете". Впрочем, лидер ЕА, ни на каком этапе, так и не смог объяснить, каким же образом он намерен убедить принять его идеи руководство ПНА, регулярно отвергающее не только подобные, но и намного более щедрые предложения и уступки израильтян.

"План отделения", с которым выступил Герцог, оказался неприемлем и для критиков "консервативного подхода" Нетаньяху справа. Как для тех, кто настаивает, что сотрудничество с палестинским режимом в Рамалле потеряло всякий смысл и потому правительство Израиля не должно предпринимать никаких особых действий, чтобы не допустить коллапс автономии. Так и для тех, кто выступает не за развал, а, напротив, укрепление ряда элементов инфраструктуры ПНА, разумеется, по причинам, противоположным соображениям левых.

Первого мнения, например, придерживаются представители правого фланга Ликуда: Дани Данон, ныне занимающий пост посла Израиля в ООН, и министр алии и абсорбции и член военно-политического кабинета Зеэв Элькин. Выступая в Университете Бар-Илан 29 февраля 2016 г., Элькин заявил, что "соглашения Осло" и построенная на их основе ПНА закончатся вместе с окончанием пребывания у власти Махмуда Аббаса (Абу-Мазена), в силу чего Израилю следует подготовиться к коллапсу

власти в ПНА.[12] Второй точки зрения придерживается глава правой коалиционной партии "Еврейский дом" Нафтали Беннет (55% сторонников которого, опрошенных в январе 2016 года, высказались против инициативы Герцога). Лидер ЕД де-факто выступает не за развал, а за укрепление инфраструктуры ПНА.

В ходе избирательной кампании в Кнессет 2015 года Нафтали Беннет, по сути, воспроизвел свою же внешнеполитическую платформу двухлетней давности, предлагающую распространение израильского суверенитета на так называемую зону "С". То есть ту примерно половину территории Западного берега реки Иордан, которая находится под полным военным и гражданским административным контролем Израиля, где расположены практически все еврейские поселения и живут лишь порядка 50 тыс. арабов, которые, по плану Беннета, должны получить полные гражданские права. Остальные территории Западного берега (зоны "А" и "Б"), находящиеся сегодня под военным и/или административным контролем ПНА, по замыслу Беннета, должны получить полную и окончательную автономию. При этом ЦАХАЛ, по тому же по плану, сохранит общий контроль над ситуацией в области безопасности на всей территории за "Зеленой чертой", а правительство Израиля будет осуществлять массивные капиталовложения в развитие производственной, транспортной и социальной инфраструктуры Иудеи и Самарии: в прокладку скоростных автотрасс, строительство совместных промышленных зон, организацию структур здравоохранения и культуры и в другие, одинаково актуальные для обеих групп населения проекты, которые "обеспечат реальное сосуществование евреев и арабов на местности".

---

[12] Цит. по: Барак Равид. "Элькин: Палестинская администрация развалится – вопрос лишь в том, когда это случится" (אלקין: הרשות הפלסטינית תקרוס – השאלה היא רק מתי) // Хаарец, 29.02.2016 (на иврите).

Суммируя, можно отметить, что все предлагаемые израильскими политиками планы и проекты развития ситуации на палестино-израильском треке по большей части пока умозрительные, так или иначе, предполагают сохранение ПНА (с Абу-Мазеном или без него) и подчинённых ей институтов полицейской, муниципальной, управленческой, социальной и экономической инфраструктуры в качестве стороны этого процесса.

4.3. "План Либермана"

На первый взгляд, в эту схему вполне укладывается и программа, выдвинутая в свое время лидером занимающей сегодня нишу "правой светской оппозиции" правительству партии НДИ Авигдором Либерманом. Эта программа включала идею обмена еврейских поселенческих блоков Иудеи и Самарии на населенные израильскими арабами города Южной Галилеи и широкое внутреннее самоуправление ("кантонизацию") независимых от Рамаллы арабских массивов за "Зеленой чертой". Не случайно, что упомянутый опрос в январе 2016 года показал, что идею, заложенную в выдвинутый Ицхаком Герцогом план "полного отделения от арабов" (вне прямой связи с идеологическим фоном этого плана), были готовы взвесить 78% избирателей НДИ. А 92% арабских респондентов были решительно против предлагаемого разделения, вероятно, догадываясь, что на каком-то этапе и они смогут стать частью этого проекта.

Но при ближайшем рассмотрении становится понятно, что планы "кантонизации" и "обмена территориями и населением" на самом деле являются оперативными аспектами существенно более общей схемы, в рамках которой ПНА более не рассматривается в качестве ее активного или пассивного субъекта.

Именно такое понимание ситуации было представлено в доктрине "регионального мира", представленной лидером НДИ А. Либерманом, который в тот момент также возглав-

лял МИД Израиля, в декабре 2014 года на закрытом заседании форума "академии и предпринимательства" в Тель-Авивском университете. Эта доктрина предлагала выход из "прокрустова ложа" исчерпавшего себя двухстороннего переговорного процесса с ПНА/ООП и переход к политическому урегулированию арабо-израильского конфликта путем прямой договоренности с умеренными прозападными суннитскими режимами. Итогом этой договоренности, по словам тогдашнего министра иностранных дел, станет общее региональное соглашение, которое будет также включать статус палестинских и израильских арабов.

Ключевым аспектом доктрины Либермана является требование искать решение палестинской проблемы в сфере этно-национального размежевания в региональном масштабе, что, по его мнению, позволит отойти от необходимости поиска, по мнению многих, почти недостижимого территориального компромисса. И именно в рамках этого коллективного понимания Израиль сможет аннексировать крупные поселенческие блоки, даже если при этом "придется эвакуировать несколько поселений".

Согласно видению Либермана, необходимость такого шага, на который следует пойти, по его словам, "не ради арабов, не ради палестинцев, а в первую очередь ради евреев", обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, тем фактом, что линия на сохранение статус-кво перестает быть продуктивной для Израиля и пассивная позиция в этом вопросе по определению ставит Израиль в невыгодное положение (принцип "при отсутствии инициативы – проигрываешь"). Во-вторых, про-активные действия на региональном треке, по словам председателя НДИ, "крайне важны для отношений с Европой (являющейся самым крупным рынком импорта и экспорта Израиля) и США". (Принцип "нельзя поддерживать нормальные экономические контакты, когда политические и дипломатические отношения разваливаются").

И в-третьих, новой ситуацией, в которой оказались умеренные страны арабского мира, которых в свете сто-

ящих перед ними вызовов (иранская проблема, гражданская война в Сирии и борьба с исламским экстремизмом) в отличие от европейцев "палестинцы сегодня не интересуют вообще". И которых эти стоящие перед ними вызовы объективно подталкивают к нормализации отношений и заключению стратегического союза с Израилем. Именно в свете собственных интересов, согласно мнению Либермана, "арабский мир доложен преодолеть психологический барьер и пойти на поддержание открытых отношений с Израилем, [ибо] время тайной дипломатии прошло… Мы [Израиль] должны прямо сказать умеренным арабским режимам: вы проигрываете экстремистам – шаг за шагом, так давайте начнем сотрудничать, работать вместе. Если можно будет прилететь из Тель-Авива в Доху или Эр-Риад и вести там бизнес, то реальность станет совершенно иной. Наши технологические ресурсы и экономическая мощь умеренных арабских стран способны многое изменить".[13]

Иными словами, новая доктрина Либермана, которую он воспроизвел, уже в качестве главы "правой парламентской оппозиции"[14] правоцентристскому правительству Нетаньяху, предлагая альтернативу концепции премьер-министра (сохранение статус-кво между морем и р. Иордан при декларировании готовности переговоров с Рамаллой), позволяла выйти из политического тупика. Тем самым сняв или минимизировав давление Вашингтона и Брюсселя на Израиль, пойти на соглашение с ПНА/ООП на невыгодных для него условиях. С другой стороны, план Либермана был альтернативой и программе Беннета, хотя в главном пункте – аннексия "зоны С" и

---

[13] Цит. по: Barak Ravid. "Lieberman: Netanyahu's status quo approach has failed – Israel needs a peace deal" // *Ha'aretz*, 24.12.2014. – http://www.haaretz.com/news/diplomacy-defense/.premium-1.633470.

[14] Nahum Barnea. "Lieberman's vision: Gulf states and Israel together against Iran" // *Magazine Ynet*, 24.05.2015. – http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4660709,00.html

передача плотных арабских массивов под совместный контроль Израиля и "ответственной внешней стороны" – оба плана сходились. С той лишь разницей, что "романтично-правый" проект Беннета предполагал аннексировать "зону С" в одностороннем порядке (что делало практическое воплощение этого проекта сомнительным в свете дипломатических, политических и юридических последствий этого шага). А "прагматично-правый" план Либермана, по мнению его автора, позволял сделать, в принципе, то же самое, но при поддержке стран Запада и в контексте нормализации отношений и заключения стратегического союза с умеренными странами арабского мира, которые могли принять этот шаг Израиля как разумную плату за его поддержку в купировании наиболее острых для этих режимов вызовов: иранский атом, сирийский кризис и исламский экстремизм.

Некоторым индикатором того, что эти надежды имеют под собой определенные основания, стали в целом позитивные реакции на идею "регионального мира" в Вашингтоне и Брюсселе и сигналы, которые поступали на идеи Либермана из арабских столиц. Так, издающийся в Лондоне полуофициальный "рупор" саудовской королевской фамилии газета "al-Sharq al-Awsat" опубликовала серию статей, где на фоне жесткой критики ПНА в период правления Махмуда Аббаса обосновывалась необходимость сближения с Израилем для противостояния общим угрозам. В обмен на поддержку Иерусалима, по мнению авторов статей, арабский мир должен проявить готовность взвесить признание Израиля в качестве еврейского государства и его видение палестинской проблемы. Причем одним из приемлемых вариантов решения этой проблемы как раз и может стать план "обмена территориями и населением" в рамках предложенной Либерманом идеи регионального урегулирования.

Так, по мнению Абдула Рахмана аль-Рашида, бывшего главного редактора "al-Sharq al-Awsat", ныне занимающего пост исполнительного директора телеканала "Аль-Арабия"

(главного конкурента "Аль-Джазиры" на рынке телевизионных арабоязычных медиа), "планы Госсекретаря США Джона Керри по гальванизации идеи Палестинского государства имеют мало шансов… В силу чего (план Либермана – авт.) может стать лучшим решением. Он даст возможность палестинским арабам избавиться от поселений и еврейских поселенцев, а израильтянам – от "палестинцев 1948 года". Участие образованных и модернизированных израильских палестинцев в палестинском государственном проекте будет означать, что у этого проекта может быть шанс. Во всяком случае, идея [обмена территориями и населением] в случае ее правильного исполнения более логична, чем изжившей себя проект Осло".[15]

Таким образом, Авигдор Либерман сделал свою заявку на общенациональное лидерство наиболее естественным для политической культуры Израиля образом – выдвинув свою оригинальную доктрину внешней политики и безопасности страны. По сути же его шаг был в каком-то смысле повторением доказавшего свою эффективность хода, предпринятого лидерами НДИ накануне выборов в Кнессет XVIII созыва. Именно тогда общественности и была впервые предложена идея обмена населенных израильскими арабами-мусульманами городов Южной Галилеи на еврейские поселенческие блоки и незаселенные арабами территории Иудеи и Самарии. Что, как нетрудно заметить, было неоцентристской альтернативой как "левой" идее "мир в обмен на территории", так и традиционной доктрине правых "мир в обмен на мир", превратившейся в эпоху кризиса Осло в концепцию "сохранения геополитического статус-кво к западу от р. Иордан".

В тот момент, чтобы минимизировать отток правых избирателей от партии, Либерман тщательно "упаковывал" свои умеренно-правые и центристские идеи в жесткую

---

[15] Цит. по: Alex Grinberg. Saudi-Israeli Silent Partnership? Unofficial Signals Indicate “Yes” // *Mida*, 12.03.2014.

правую риторику.[16] Однако на этот раз направление процесса было иным: по сути, речь шла уже неонеоцентристской идее, "упакованной" в жесткую правую риторику, а о "новой правой" (или "прагматично-правой") концепции, замаскированной под умеренно-центристский проект. Точнее многих эту схему оценил обозреватель газеты "Хаарец" Ави Шилон, назвавший новый план Либермана "ультраправой программой центра".[17] И именно в таком качестве это могло стать приемлемой идеей для всего израильского политического спектра от умеренно-левого до умеренно-правого центра. А это, в свою очередь, могло способствовать реализации прежнего проекта Авигдора Либермана – занять опустевшую после полевения в 2006–2009 годах и полного исчезновения в 2013 году Кадимы нишу "центристской партии власти".

4.4. Промежуточные выводы

Как можно заметить, подобная заявка шла в очевидном разрезе с принятой в Израиле в предыдущие периоды нормой, когда выработка курса в сфере внешней политики и безопасности была почти исключительной прерогативой "больших партий", претендующих на статус правящих. А также тех из конкурентов правоцентристского Ликуда и левоцентристской Аводы за, соответственно, голоса избирателей правого и левого лагеря, для которых эта тематика является ключевым элементом их программы, нередко превращающей эти движения в "партии од-

---

[16] См., например, интервью А. Либермана агентству *Ynet*, 15 November 2006; Ицхак Бен-Хорон. Либерман на "Форуме Сабана": мирный процесс базируется на ошибочных предположениях // *Ynet*, 10.12.2006 [на иврите]

[17] Avi Shilon. Lieberman gives pragmatism a bad name. Lieberman's worldview is based on the idea that life, and politics, is a game // Ha'aretz, 24.12.2014. – http://www.haaretz.com/opinion/1.633451

ной идеи". Такими партиями, например, в правом лагере являются радикально-правые "осколки" блока "Национальное единство". А в левом – леворадикальный МЕРЕЦ и иные ультралевые списки, а также "Ха-Тнуа", чей лидер Ципи Ливни обязалась "немедленно возобновить переговорный процесс с той точки, на которой он был прерван в 2008 году", в бытность Ливни министром иностранных дел в правительстве Эхуда Ольмерта. Что и отличает их от упомянутых "больших партий", в платформе которых внешнеполитическая тематика идет в общем пакете с их подходами к другим критическим вопросам общенациональной повестки дня, такими как социально-экономическая и гражданская проблематика.

Для остальных политических группировок – секторальных, "тематических" и партий центра – эти сюжеты имели значение разве что в том смысле, что служили индикатором готовности (или отсутствия таковой) стать частью коалиции, формируемой потенциальной правящей партией, выдвигающей ту или иную модель региональной политики, в том числе и на "палестинском треке".

Сегодня ситуация стала иной – со своими проектами решения проблемы палестинских арабов на выборах в Кнессет XX созыва и в период после них выступили "общенационально-секторальные" партии, лидеры которых Яир Лапид ("Еш-Атид"), Нафтали Беннет ("Еврейский дом") и Авигдор Либерман (НДИ) как раз и стали авторами большинства совершенно или относительно "свежих" идей о путях разрешения палестино-израильского конфликта. Что, среди прочего, и было индикатором ранее несвойственных лидерам таких движений амбиций на достижение поста главы исполнительной власти страны. Не случайно, что на протяжении месяцев, прошедших после формирования правительства, созданного по итогам выборов в XX Кнессет, рейтинг именно этих партий, судя по опросам, демонстрировал тенденцию к стабильному росту за счет снижения популярности "больших партий" и большинства списков "партий одной идеи".

5. ВЫБОРЫ В КНЕССЕТ XX СОЗЫВА И "РУССКАЯ УЛИЦА"

Принято считать, что выходцы из республик бывшего СССР являются одной из групп израильских избирателей, обладающих наименее устоявшимися партийными приоритетами и одновременно – значительным электоральным весом, способным изменить баланс между "широким левым" и "широким правым" политическим лагерем и обеспечить лидерам ведущих в этих лагерях партий возможность сформировать правящую коалицию и возглавить правительство. Хотя тезис по поводу "постоянной текучести" политических симпатий "русских" израильтян у многих аналитиков, включая и автора этих строк, вызывает большие сомнения, такое убеждение существует, и потому русскоязычные избиратели неизменно являются объектом активных ухаживаний практически всех партий сионистского спектра страны.

Русскоязычные евреи появились на политической арене страны в момент, когда ни один из существующих в стране "широких" партийно-политических лагерей – ни левый, ни правый не могли добиться очевидной победы на парламентских выборах, и в конечном итоге, уравновешивали друг друга. Поэтому выходцы из СССР и СНГ, определяя судьбу сначала 12–15, а затем и 18–20 мандатов в 120-местном израильском Кнессете, сравнительно легко могли склонить чашу весов в ту или иную сторону. Разумеется, в силу изменения миграционных тенденций и естественных демографических процессов, подробно описанных нами в предыдущей статье[18],

---

[18] См.: Владимир (Зеэв) Ханин. Выборы в Кнессет и «русская улица»: социально-демографические аспекты. *Институт Ближнего Востока*, 8 марта 2015.

с конца первого десятилетия нового века удельный вес этой категории избирателей стал постепенно сокращаться. Однако голосование "русских израильтян" по-прежнему является важнейшим фактором электоральных успехов и неудач большинства израильских сионистских партий и перспектив их лидеров возглавить или получить ключевые места в правительстве страны.

Не стали исключением и проходившие 17 марта 2015 года выборы в Кнессет XX созыва, которые характеризовались беспрецедентно высокой для последних лет явкой (более 72% зарегистрированных избирателей) и сравнительно низкой избирательной активностью на "русской улице".

5.1. Электоральный потенциал "русской улицы" на выборах 17 марта 2015 года

По данным ЦСБ Израиля и Министерства алии и абсорбции, по состоянию на 1 марта 2015 года израильским гражданством обладали порядка 857 000 человек в возрасте 18 лет и старше, родившихся в бывшем СССР и прибывших в Израиль в 1989–2014 годах. (Это число включает 852 151 чел., прибывших непосредственно из СССР/СНГ и более 4 тыс. – из третьих государств). То есть уроженцами бывшего СССР являются около 15% от 5 881 696 зарегистрированных избирателей. Учитывая, что порядка 10% русскоязычных избирателей сегодня проживает за рубежом, что соответствует средним данным по израильскому обществу в целом, принять участие в выборах 17 марта 2015 г. могли 5,3 млн. избирателей, 770 тыс. из которых являются выходцами из СССР и стран СНГ и Балтии. Так или иначе, формальный избирательный потенциал "русской улицы" сегодня составляет 17,5 – 18 мандатов.

Это число не включает родившихся в русскоязычных семьях в самом Израиле (среди которых число лиц, достигших на момент выборов избирательного возраста,

составило 32 891 чел.). А также тех из 174 000 репатриантов из СССР в 1969–1988 годах, которые – по нашим оценкам, порядка 35–40 тыс. человек – также считают себя частью русскоязычной общины страны. Эти две группы теоретически добавляют в электоральную копилку русскоязычной общины Израиля еще от полутора до двух мандатов.[19]

На практике электоральный потенциал русскоязычной общины Израиля оказался существенно ниже. В 24 наиболее "русских" населенных пунктах Израиля средняя активность избирателей составила 61,7%. Речь идет об 11 городах, где число "русских" в возрасте 18+ составляет 30 и более тысяч (Ашдод, Ашкелон, Хайфа, Бат-Ям, Беэр-Шева, Нетания, Иерусалим, Тель-Авив, Ришон, Петах-Тиква и Холон) и 16 городах, где репатрианты составляют 30 и более процентов избирателей (три города – Ашдод, Ашкелон и Бат-Ям входят в оба списка). Лишь в четырех из этих городов явка избирателей была сопоставима с явкой по стране в целом. В 17 городах в день выборов избирательные участки посетили 62–67%, и еще в трех – менее 60% против 72% в среднем по стране. Очевидно, что присутствие русскоязычного компонента серьезно снизило общую активность голосования в этих городах.

Эта оценка подтверждается официальными данными о голосовании на избирательных участках, развернутых в районах компактного проживания русскоязычных израильтян. Средний уровень голосования на проверенных нами 123 таких участках составил 60%, причем на 31 из них он был менее 56% и лишь на пяти участках сопоставим со средним по стране. На основании этих данных

---

[19] Поскольку получить репрезентативную выборку этих кругов удается далеко не всегда, их электоральный потенциал для "чистоты эксперимента" обычно не учитывается. Но эту группу следует принимать во внимание при выборе между верхней и нижней гранью статистической оценки числа "русских" израильтян, проголосовавших за ту или иную партию.

можно заключить, что из порядка 857 000 зарегистрированных избирателей – уроженцев бывшего СССР, прибывших в Израиль с 1 октября 1989 по 1 марта 2015 года, в выборах 17 марта 2015 года приняли участие от полумиллиона до 515 000 человек. В итоге из своего общего потенциала в 17,5–18 мандатов, "русская улица" потеряла из-за низкой явки от двух с половиной до трех мандатов.

Чем же можно объяснить подобное развитие событий?

5.2. Политическая эволюция "русской улицы" Израиля

Пытающиеся ответить на этот вопрос наблюдатели разделились на две фракции. Первые готовы видеть в сложившейся ситуации исключительно проблему партии "Наш дом – Израиль" (НДИ) Авигдора Либермана, абсолютное большинство лидеров, активистов и, соответственно, избирателей которой исторически составляют русскоязычные израильтяне. То есть той партии, которая начиная с 2004 года была основной силой "русской улицы", получая при стандартном для этого сектора уровне голосования не менее половины "русскоязычных" голосов. Другие усматривают в этом факторы политического кризиса русско-еврейской общины страны в целом. Причем озвученные в СМИ и экспертных кругах мнения сторонников обеих "школ" сводятся к трем версиям. А именно: системный мировоззренческий сдвиг в политической культуре выходцев из бывшего СССР, демографические изменения в их среде и простое стечение политических обстоятельств. Рассмотрим эти версии подробнее.

Электоральное поведение выходцев из бывшего СССР в Израиле действительно претерпевало серьезные изменения на протяжении всех 23 лет независимой "русской" общинной политики, отражая политическую эволюцию общины выходцев из СССР и стран СНГ в Израиле. Его первичная модель сложилась во второй половине

90-х годов XX века, на "пике" политико-демографического веса этой общины. Тогда ее члены, определявшие на рубеже веков судьбу 20–22 мандатов в 120-местном Кнессете, почти поровну делили свои симпатии между общеизраильскими партиями и теми движениями, которые акцентированно представляли интересы (как специфические, так и общенациональные) русскоязычных израильтян.

В то время как голоса первой категории первоначально были рассеяны почти по всем сионистским партиям политического спектра страны, во второй категории в первое десятилетие "русской" политики Израиля (1992–2003 гг.) однозначно доминировали собственно секторальные партии. Наиболее ярким феноменом из них была основанная в 1995 году Натаном Щаранским партия "Исраэль ба-Алия" (ИБА), удачно заявившая о себе на выборах 1996 года и повторившая свой успех три года спустя. К тому времени на общинном поле, помимо самой ИБА – "центристской партии социально-общинного консенсуса" и нескольких субобщинных списков, также присутствовали "правая и рыночная" партия "Наш дом – Израиль" (НДИ) Авигдора Либермана и "левый и социальный" "Демократический выбор" (ДВ) Романа Бронфмана. Причем инфраструктура и электорат НДИ частично, а ДВ – целиком состояли из избирателей и активистов, отколовшихся от ИБА.

Эти процессы шли на фоне, как правило, довольно высокой избирательной активности русскоязычных израильтян, стандартный уровень которой достигал порядка 70% по сравнению с 62–65% в среднем по стране, на чем община дополнительно выигрывала в среднем один (от половины до полутора) мандатов. В случае же пониженного по сравнению с другими группами избирателей уровня политической активности община теряла от одного до трех мандатов из своего базового электорального потенциала.

Именно такая ситуация имела место на выборах 2003 года, когда ДВ и НДИ пошли в составе соответствующих их платформе обще-израильских блоков – ультралевого МЕРЕЦ и правого "Национальное единство". А ИБА суме-

ла провести в Кнессет лишь двух (вместо семи в 1996 и шести в 1999 годах) депутатов и вскоре после выборов слилась с правоцентристским правящим движением Ликуд, исчезнув с политической арены страны. То есть, на первый взгляд, русскоязычные репатрианты преимущественно проголосовали за общенациональные партии, из чего израильские политики и политтехнологи сделали некорректный вывод о "конце" самостоятельной политической истории "русской общины" в Израиле. Притом, что уже тогда часть аналитиков (включая автора этих строк[20]) высказывала сомнения в корректности этого вывода, предлагая обратить внимание на ряд прямо противоположных процессов в этой среде.

В самом деле, уже через считанные месяцы после выборов 2003 года ситуация вновь изменилась. Ибо стала очевидной диспропорция между уровнем поддержки, которую "русские" предоставили общенациональным партиям и их лидерам, и уровнем доступа к общественным ресурсам, которые они получили взамен. Проекты продвижения репатриантов из СССР и СНГ, разработанные с учетом специфических потребностей их разных категорий, исчезали на глазах. А вот "стеклянный потолок" (при формально равных правах отсутствие возможности конкурировать на равных с уроженцами страны в распределении общественных ресурсов и карьерном продвижении), напротив, никуда не делся. Что вновь сделало актуальной идею присутствия общины в качестве самостоятельной силы на политической арене страны, и соответственно, побудило желание возродить свое "эффективное политическое лобби"[21].

---

[20] Vladimir (Ze'ev) Khanin. The Israeli 'Russian' Community and Immigrants Party Politics in the 2003 Elections // *Israel Affairs*, London, Vol. 10, Nos. 1–2 (Summer 2004), p. 146–180.

[21] Подробнее см.: Vladimir (Ze'ev) Khanin. The Israeli 'Russian' Community and Immigrants Party Politics in the 2003 Elections // *Israel Affairs*, Vol. 10, Nos. 1–2 (Summer 2004), p. 146–180.

Инерции разочарования многих "русских" израильтян в общенациональных партиях и стимулированных ею процессов хватило еще почти на десятилетие. Разумеется, о возвращении к моделям поддержки чисто секторальных партий типа ИБА речь уже не шла. Максимальный вес таких списков составлял не более мандата или полутора, на практике же, если речь идет о "нормальном состоянии" русскоязычной общинной политики, "узкосекторальные" и субобщинные партии (такие как АЛИЯ, "Лев", "Лидер" и т.д.) в сумме получали не более 1–2% "русских" голосов.

Главным общинным политическим "хитом" этого второго десятилетия оставалась "русская с израильским акцентом" партия "Исраэль бейтейну" ("Наш дом – Израиль", НДИ), основанная Авигдором Либерманом и ныне покойным Юрием Штерном в 1999 году, которая небезуспешно сочетала в своей платформе и деятельности общинную и общенациональную повестку дня. И в результате сумела собрать под своим зонтиком оба лагеря в составе той части "русских", которые предпочитают голосовать "за своих". Другими словами, твердое ядро "либерманистов" состояло из избирателей, отличающихся правоконсервативными подходами в политике и либерально-рыночными взглядами на экономику страны и принявших идею Либермана об интеграции русскоязычных израильтян в израильский истеблишмент "с позиции силы". И к ним присоединилась большая часть обычно находящихся на "свободном" рынке умеренно-правых по политическим убеждениям и социально ориентированных по экономическим взглядам избирателей из "электорального наследства" "Исраэль ба-Алия". В итоге, начиная с муниципальной кампании 2004 и парламентской гонки 2006 года, НДИ в качестве партии "русского общинного консенсуса" собирала не менее 50% голосов выходцев из бывшего СССР разных лет.

Что касается второй половины русскоязычных избирателей, то порядка двух третей из них также поддержи-

вали уже не просто общенациональные партии, но те, которые были готовы демонстрировать тот или иной "русский акцент" в своем составе и деятельности. Прежде всего Ликуд, в свое время – Кадима, а также социально-популистская сефардская партия ШАС, имеющая определённую популярность в среде выходцев из восточных республик бывшего СССР. И, разумеется, почти каждую очередную "партию центра" (в 1999 и 2003 годах – упомянутый Шинуй, в 2013 году – его реинкарнацию "Еш атид", на последних выборах – "Кулану" и т.д.). То есть партии, которые обращаясь к предельно широкому кругу избирателей, пытаются собрать под популярного лидера и привлекательную идею максимум голосов из умеренных секторов правого и левого лагеря. В том числе, понятно, и "русских" евреев и членов их семей, с их неустоявшимися, как продолжают быть непоколебимо уверенными многие израильские общественные деятели и журналисты, политическими симпатиями.

И лишь треть от этой второй половины, то есть примерно 15–17% от общего числа "русских" голосов обычно получали общенациональные и "другие секторальные" партии, которые либо сознательно не делали никакого специфического акцента на интересах выходцев из бывшего СССР (МЕРЕЦ, партии правее Ликуда и НДИ, ультраортодоксальные партии, "зеленые" и протестные списки), либо, как Авода и партия религиозных сионистов МАФДАЛ, при всем желании не смогли этого сделать.

Как показали проведенные в 2010–2012 годах опросы, подобный расклад, имевший место на выборах 2006 и 2009 годов, сохранился и в последующий период. Главными партийными игроками на "русской улице" Израиля оставались Ликуд Биньямина Нетаньяху, НДИ во главе с Авигдором Либерманом и (в намного меньшей степени) Кадима. И можно было предполагать, что на выборах в Кнессет XIX созыва эти игроки, сохранив свой традиционный русскоязычный избирательный корпус, также разделят между собой большинство "неопределившихся"

русскоязычных избирателей. У которых не будет иного выбора, кроме как отдать свою поддержку либо "русской партии с израильским акцентом" (НДИ), либо одной из "израильских партий с русским акцентом". Но буквально за полгода до выборов 2013 года политическая конфигурация изменилась. Тому способствовали два обстоятельства: объединение в один избирательный блок НДИ и Ликуда и смена власти в Кадиме с последовавшими за ней политическими зигзагами нового лидера этой партии Шауля Мофаза.

Как и за десять лет до этого, выборы в Кнессет XIX созыва вновь демонстрировали пониженную активность русскоязычных избирателей (по разным оценкам, от 56 до 62%) по сравнению с 67,7% в среднем по стране, что, несомненно, сказалось на общем потенциале партий, имеющих статистически обозримую долю русскоязычных избирателей. Около 60% пришедших на выборы русскоязычных репатриантов, судя по данным исследований, проведенных накануне, в ходе и по итогам тех выборов[22], были поданы за упомянутый объединенный список правоцентристских партий Ликуд премьер-министра Биньямина Нетаньяху и "Наш дом – Израиль" (НДИ) главы МИД Авигдора Либермана. Существует доказанное исследованиями сходство как русскоязычного, так и иного электората этих партий по основным социально-экономическим характеристикам и идеологическим ориентациям. (Так,

---

[22] Анализ этих данных см. в книге: Владимир (Зеэв) Ханин. "*Третий Израиль": Русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале 21-го века*. – М.: Институт Ближнего Востока, 2014, с. 78–117. Примерно тот же расклад фиксировался и на протяжении другой избирательной кампании, например, эту тенденцию проявил опрос русскоязычных евреев, проведенный социологическим агентством "Шваким Панорама" по заказу сайта Cursorinfo.co.il в ноябре 2012 г. http://cursorinfo.co.il/news/vybory2013/2012/11/19/eksklyuziv--opros-shvakimpanorama-po-zakazu-kursora--esli-bi-vibori-proshli-zavtra

согласно опросам, проведенным в начале 2009 и в январе 2015 года, многие избиратели НДИ рассматривали Ликуд в качестве своей второй электоральной опции так же, как и избиратели Ликуда в качестве такой опции видели НДИ). Несмотря на это, речь все же идет о двух разных культурно-политических типах избирателей. Поэтому объединение списков двух партий на выборах января 2013 года привело к потере примерно четверти их русскоязычных избирателей из того числа, которое обе партии в сумме получили четырьмя годами ранее, на выборах в Кнессет 2009 года.

Большая часть этих потерянных голосов оказалась в категории "неопределившихся", где они, в массе своей, судя по итогам выборов, и остались до конца голосования. Остальные ушедшие от Ликуда и НДИ избиратели в основном поддержали левоцентристскую партию "Еш атид" Яира Лапида (который позиционировал свой проект как "партию центра") и правый религиозно-сионистский блок "Ха байт Ха-ехуди" ("Еврейский дом", ядро которого, как упоминалось, составляет партия МАФДАЛ) Нафтали Беннета. Оба удачнее других освоили тогдашний "политический тренд", каковым в тот момент была тема "борьбы за права дискриминируемого среднего класса", к которому в Израиле реально или психологически принадлежит значительная часть работающих выходцев из бывшего СССР. Кроме того, ЕА видимо, "унаследовала" немалую долю равного примерно 2,5 мандатам русского" электората в 2006–2009 гг., правящей, затем главной оппозиционной, изначально "центристской", но затем сдвинувшейся влево партии Кадима. В итоге партия Яира Лапида получила, по разным оценкам, 12–14%, а ЕД – 5–6% голосов пришедших на выборы русскоязычных репатриантов.

Все это можно считать индикатором некоторой общей тенденции: самостоятельная "русская партия с израильским акцентом", внятно представляющая интересы (причем не только секторальные) выходцев из бывшего СССР

и одновременно имеющая общенациональную политическую платформу, может претендовать примерно на половину голосов выходцев из бывшего СССР. Роль именно такой партии в 1999 году, а затем вновь с 2004 г. и до и после выборов 2009 года играла НДИ. И в том случае, если НДИ входит в блок с обще-израильскими партиями, либо "перегружает" свой список представителями других общин, у части ее избирателей складывается ощущение, что партия теряет интерес к "русской улице", в силу чего немалая часть ее потенциального электората может избрать два альтернативных варианта поведения. Меньшинство либо проявляет готовность взвесить поддержку "чисто секторальных" списков, способных, не пройдя электоральный барьер, "утопить" выше упомянутые 1–1,5 "русских" мандата. (Такой вес на исходе своей карьеры имела в 2008 году партия "Социальная справедливость", которая так и не дошла до выборов в Кнессет, и около мандата в 2013 году получила "чисто русская" партия Давида Кона "Исраэлим"). Либо сдвигается к поддержке "партий тренда" (в 2003 году такими были Ликуд Ариэля Шарона и "Шинуй", в 2013 – ЕД и ЕА). А большинство из этих разочарованных избирателей чаще всего вообще не ходит на выборы.

5.3. Политический расклад в русскоязычной общине между выборами

Если это так, то распад блока "Ликуд-НДИ" и отход традиционных избирателей двух партий от "травмы обманутых ожиданий" постепенно должны были вернуть ситуацию на "круги своя". Действительно, сравнение данных масштабных репрезентативных исследований "русской улицы", проведенных по идентичной методике социологическим агентством ПОРИ в сентябре 2013, в феврале-марте 2014 и январе 2015 годов (два первых – по программе, предложенной автором этих строк), а также

просочившихся в СМИ и социальные сети данных "закрытых" опросов разных партий[23] показало следующее.

Так, Ликуд довольно быстро вернул себе уровень поддержки в 21–25%, что было эквивалентно 4–4,5 мандатам, который эта партия имела среди русскоязычных в 2009 году. В свою очередь "русский" потенциал НДИ, умеренно, но стабильно рос от опроса к опросу, достигнув 38% в марте 2014 года, что тогда примерно соответствовало условным 7,5–8 мандатам. В последующие 7–8 месяцев известные нам опросы аналогичного масштаба не проводились, однако по косвенным данным можно судить, что отмеченная тенденция умерено-стабильного роста популярности НДИ у русскоязычных избирателей продолжалась. Опрос, проведенный в сентябре 2014 года порталом NEWSru.co.il, показал, что если бы выборы в Кнессет XX созыва проходили в тот момент, почти 48% пользователей отдали бы свои голоса за партию "Наш дом – Израиль".

Согласно данным общенациональных опросов, рейтинг НДИ рос на фоне антитеррористической операции "Нерушимая скала" и критики в адрес политического руководства страны со стороны главы МИДа Авигдора Либермана, который, за исключением лидера ЕД Нафтали Беннета, активнее других членов правящего кабинета выступал за то, чтобы "добить ХАМАС". Участники фокус-групп отметили, что неоднозначное отношение к итогам этой операции сохранялось и в январе 2015 года, причем вину за то, что "ХАМАС психологически остался в выигрыше" некоторые респонденты возлагали лично на Биньямина Нетаньяху. Показательно, что доля участников исследования января 2015 года, считавших, что Биньямин Нетаньяху должен и далее занимать пост премьер-министра Израиля, оказалась идентичной доле тех, кто

---

[23] См., например, http://cursorinfo.co.il/news/vybory2015/2015/03/13/mandati-ndi/

полагал, что он должен оставить этот пост, – по 38% (еще 24% или затруднились ответить на этот вопрос или не имели своего суждения).

Серия опросов, проведенных агентством "TNS-Телесекер", компанией "Мидгам" и институтом "Проект Мидгам" 2–3 декабря 2014 года, показала, что если бы выборы проводились в тот момент, партия "Наш дом – Израиль" могла получить от 10 до 12 мандатов. Можно предположить, что от 7,5 до 9 из этих мандатов дали бы русскоязычные избиратели НДИ, что подтверждали и "закрытые" опросы различных партий. Остальные партии, не считая НДИ и Ликуда, партии могли рассчитывать менее чем на четверть русскоязычных голосов. Потенциал "русского крыла" партии "Еш атид" (ЕА) сократился более чем вдвое – с почти трех мандатов, полученых в январе 2013 года, до мандата-полутора два года спустя. Высказывания участников фокус групп показали массовое разочарование деятельностью депутатов ЕА в Кнессете и министров этой партии в правительстве, особенно лидера и символа этой партии, министра финансов Яира Лапида, практически во всех социально-демографических категориях выходцев из СССР и СНГ в Израиле.

Масштабный опрос, проведённый в январе 2015 года, показал, что лишь 6% опрошенных, отвечая на вопрос, какая из партий, на их взгляд, наилучшим образом защищает интересы своих избирателей, указали "Еш атид". В то время как 36% респондентов указали в этом качестве НДИ, 17% – Ликуд, и 10% – ШАС (речь в данном случае идет о мнении всех респондентов, не только избирателей данных партий).

Блок Нафтали Беннета, судя по тем же данным, сначала снизил, но затем восстановил свой равный 5–6% "русский" электоральный потенциал, большую часть из которого, судя по всему, контролировал и в последний предвыборный месяц. В январе 2015 года около 60% избирателей, проголосовавших за этот блок в январе 2013 года, намеревались вновь поддержать ЕД. Некоторые потери

этого списка в пользу Ликуда и еще более правой партии были скомпенсированы за счет бывших избирателей как блока "Ликуд-НДИ", так и левых партий ("Еш атид" и Авода), в первую очередь – молодых людей, явно увидевших в ЕД более популярный политический "тренд". Это теоретически соответствовало попытке Беннета, сделав заявку на общенациональное лидерство, выйти за секторальные рамки религиозно-сионистской общины, то есть фактически повторить удачный ход Либермана и НДИ в 2009 году. Однако успех этой партии на "русской улице" оставался весьма скромным. Похоже, однако, что ажиотаж (в том числе и в русской и ивритской блогосфере) вокруг этого популярного тренда мало сказался на настроениях русскоязычных избирателей, а некоторые опросы даже говорили об известной инфляции русскоязычного электората этой партии.

Объединение двух левоцентристских партий Аводы и "Ха-Тнуа" в единый список "Сионистский лагерь" во главе с Ицхаком (Бужи) Герцогом и Ципи Ливни имело разное влияние на их русскоязычный электорат. Если Авода сохранила почти 70% своих прежних избирателей (ее основные потери пришлись в пользу других левоцентристских партий – "Еш атид" и "зеленые" списки"), то "Ха-Тнуа" к январю 2015 года потеряла почти половину своих прежних русскоязычных избирателей. (Треть из них заявила, что они не будут голосовать или еще не решили за кого, и пятая часть предпочитали НДИ или Ликуд) Вместе с тем голоса, ушедшие от партии Ливни в "Еш атид", были скомпенсированы примерно той же долей избирателей ЕА, которые на этот раз были готовы поддержать объединенный список. В итоге, "Сионистский лагерь" в январе 2015 года мог бы рассчитывать на 5–8% русских голосов, то есть примерно столько же или чуть более того, что эти партии (а также Кадима, оставшийся электорат которой, видимо, поглотил этот блок), баллотируясь отдельно, в сумме имели на выборах в прошлый Кнессет.

От 1 до 2%, то есть по пятой или чуть более части одного "русского" мандата, другими словами, столько же, сколько они получили на выборах 2013 года в 2013–2014 годах, – опросы давали двум партиям, занимающим крайние позиции сионистского партийного спектра. А именно, ультралевому МЕРЕЦ и радикально правому списку "Оцма", который накануне выборов 2015 года вошел в союз с отколовшейся от ШАС правой фракцией "Яхад". Самому ШАС участвовавшие в опросах выходцы из бывшего СССР были готовы отдать 1–2% голосов, но на практике, вероятнее всего, как обычно, дали ей в полтора-два раза больше.

Русскоязычный электорат НДИ и Ликуда более чем на 80% состоял из избирателей, голосовавших за их объединенный список в прошлый раз; минорное пополнение этого корпуса шло за счет бывших избирателей "Еш атид" и ранее не голосовавших. "Русскоязычный" электорат "Еш атид" конца 2014 года (напомним, в абсолютных цифрах – менее половины "русских израильтян, голосовавших за партию в 2013 году) на две трети состоял из бывших избирателей этой партии и почти на треть – из бывших избирателей Ликуда – НДИ и тех, кто в прошлый раз не пошел на выборы. Бывшие избиратели Аводы и "Ха-Тнуа" также составляли почти 70% тех, кто был намерен отдать свои голоса их объединенному списку. Электорат "Еврейского дома" менее чем на половину состоял из прежних избирателей этого блока, остальные были получены "по обмену" (учитывая, что общий вес ЕД в общине остался почти неизменным) из других партий, в основном НДИ и Ликуда. Из бывших избирателей тех же двух партий и ЕА формировался русскоязычный электорат и новая партия "Кулану".

Таким образом, к концу 2014 года ситуация стала возвращаться к "исходному состоянию", что опровергает тезис о радикальных системно-ценностных изменениях в общине выходцев из бывшего СССР. Основное ядро русскоязычных избирателей, как показали все три мас-

штабных опроса, по-прежнему находилось в умеренно-правой части политического спектра страны, где доминировали НДИ и Ликуд, причем перегруппировка партийно-политических сил в начале избирательной кампании, на первый взгляд, почти никак не повлияла на эту тенденцию.

5.4. "Коррупционный скандал" как фактор поведения избирателей

Перелом, судя по всему, имел место в конце декабря 2014 и начале января 2015 года. Причиной, надо полагать, стал "коррупционный скандал", в котором, согласно широко растиражированным прессой подозрениям полиции, были замешаны, среди прочих, и некоторые члены руководства и активисты НДИ. По данным СМИ, подозрения касаются перевода средств из госказны общественным структурам и местным советам в обмен на назначения приближенных, взяточничество ("откаты"), обман общественного доверия и отмывание капиталов. По ходу развития сюжета в этой истории появлялись все новые и новые фигуранты, почти или совсем не связанные с НДИ, деятели и активисты которой скоро вообще ушли на периферию масштабного полицейского расследования, однако акценты, расставленные прессой, успели сформировать в сознании избирателей устойчивый образ "партии коррупционеров".

Следует отметить, что многие из участников дискуссий в СМИ и социальных сетях, а также фокус-групп различных исследований изначально полагали, что эта история будет иметь неизбежные политические последствия. Мнения участников этих обсуждений разделились. Часть полагала, что даже если переход ведущегося более года тайного расследования в открытую фазу именно в разгар избирательной кампании в Кнессет произошел не случайно, речь все же должна идти не более чем о сугубо полицейско-юридическом процессе, имеющем отношение к пока не подтвержденным судебными решениями подо-

зрениям в отношении конкретных лиц. Другие комментаторы предполагали наличие в этом деле желания "стереть НДИ с политической карты" и даже атаку на русскоязычную общину в целом.

Так, респонденты почти всех социальных и экономических статусов, принявшие участие в упомянутом исследовании ПОРИ, утверждали, что действия, инкриминируемые полицией фигурантам этого дела, характерны для практически всех израильских партий – от ультралевых и арабских до правых и религиозных, ибо дело, по мнению этих респондентов, "состоит лишь в степени доступа к общественным ресурсам". (В скобках заметим, что как среди репатриантов, так и коренных израильтян партии занимают самую низкую строчку в рейтинге доверия к институтам государственной и политической системы страны). Показательно также, что за НДИ были готовы голосовать и те, кто в принципе крайне негативно относится к явлению коррупции в Израиле.

И все же, несмотря на утверждения опрошенных, что связанная с этим делом кампания делигитимации лидеров НДИ в СМИ, никак не влияет на их электоральные планы, на практике это оказалось не совсем так. Не исключено, что публикация бесконечных опросов, утверждающих, что партия находится на спаде и при худшем варианте развития событий может вообще не пройти электоральный барьер, отчасти повлияла и на русскоязычных израильтян. Первоначальная вспышка солидарности с НДИ, которую зафиксировали некоторые опросы, действительно имела место. В частности, проведенный 25–26 декабря опрос сайта NEWSru.co.il показал, что 31,5% респондентов ранее собирались голосовать за НДИ и по-прежнему были намерены это сделать, и еще 12% заявили, что ранее не собиралась, но теперь будут голосовать за НДИ. Примерно столько же – более 45% – голосов имела НДИ среди респондентов сайта ISRA.com; пятая часть респондентов опроса того же канала, проведенного неделей раньше, утверждала, что скандал никак

не повлияет на позиции НДИ, и более трети опрошенных считали, что, напротив, укрепит их. Однако масштабное исследование ПОРИ показало, что поток этих настроений постепенно схлынул.

В январе 2015 года о желании поддержать эту партию заявили только 29% респондентов – против 38% в марте 2014 года. Это означает, что если бы выборы состоялись в момент проведения опроса, партия Авигдора Либермана могла при стандартном уровне голосования русскоязычных, рассчитывать примерно на 6 или несколько более условных "русских" мандатов. Судя по данным этого исследования, примерно половина голосов, потерянных НДИ в связи с коррупционным скандалом или вне его контекста, отправилась отнюдь не к другим партиям, а в число "неопределившихся". Новое изменение настроений этой группы привело к тому, что примерно с середины февраля 2015 года опросы, проведенные по заказу разных партий и СМИ, стали вновь утверждать, что падение рейтинга НДИ завершилось. То есть "русский" потенциал этой партии стал вновь демонстрировать положительную динамику, достигнув, если верить этим данным, к началу марта 35–37% (что соответствовало примерно 7 условным мандатам) с возможной тенденцией дальнейшего роста в последние дни и часы избирательной кампании.

При этом "на заборе", судя по всему, все еще находились более трети обладающих правом голоса русскоязычных израильтян. Первоначально эта категория колеблющихся русскоязычных избирателей примерно на треть состояла из бывших избирателей "Ликуд-НДИ", еще на треть – из тех, кто не голосовал по различным причинам, на 20% – из бывших избирателей "Еш атид" и еще на 20% – из бывших избирателей других партий. Причем, насколько можно предположить, часть из двух последних подгрупп составляли избиратели, которые вернулись или ушли в категорию "неопределившихся" после того, как несколькими месяцами раньше взвешивали возможность голосовать за НДИ. Хотя за последние два месяца кам-

пании в составе этой группы произошли существенные изменения, но факт, что эти люди за несколько дней до выборов все еще находились в категории "неопределившихся", говорит, что убедительных аргументов от общенациональных и "нерусских" секторальных партий им так и не поступило. Опубликованные левыми и правыми общенациональными и общенационально-секторальными партиями социальные и политические лозунги особой новизной не отличались. Они являлись либо цитатами из платформы НДИ (с последовавшими после этого взаимными обвинениями в "присвоении чужих заслуг", как это было, например, в полемике НДИ с "Еврейским домом" и "Еш атид", а под самый занавес – еще и с Ликудом). Либо цитатами из уже известных избирателям обещаний, данных им перед предыдущими выборами.

Какие-то усилия в этом смысле часть из них все же предпринимала. Так, уже в разгар избирательной кампании лидеры входящих в блок "Сионистский лагерь" партий, Герцог и Ливни, предприняли несколько шагов, призванных завоевать доверие русскоязычных избирателей. Одним из них стало опубликованное заявление по поводу "коррупционного скандала", где осуждались "неверные и оскорбительные для значительной части израильского общества попытки назвать его "делом НДИ". Это заявление лидеров СЛ было явно призвано ослабить устойчивое ощущение "русской улицы", что за этим скандалом стоят "антирусские происки левых элит" и желание "уничтожить НДИ". Другим стало предоставление считающегося реальным места в списке партии (за счет квоты "Движения") популярному обозревателю русскоязычного 9 Канала ИТВ Ксении Светловой. Наконец, была сделана попытка представить русскоязычному (как и ивритоязычному) избирателю "новое лицо" этого объединения, связанная со стремлением "замести под ковер" невыигрышную для израильских левых тему провалившегося, по мнению многих израильтян, "процесса Осло", с которым – как и со спровоцированной им волной палестинского

арабского террора 2000–2002 годов – по-прежнему четко идентифицируется партия Авода.

Потому "русский штаб" Герцога и Ливни активно пытался убедить избирателей в том, что за названием "Сионистский лагерь" стоит не просто "смена вывески", но возвращение израильского "умеренно-левого центра" к политическому прагматизму "времен Бен-Гуриона" и системе "традиционных для этого лагеря национальных ценностей". В каком-то смысле все это является "буквальной цитатой" линии, которую накануне выборов в Кнессет и прямых выборов премьер-министра 1999 года вел на "русской улице" штаб кандидата от Аводы, тогда тоже выступавшей под прикрытием нейтрального названия "Исраэль эхад" (Единый Израиль), Эхуда Барака. "Заметая под ковер" тему планируемых кардинальных территориальных и прочих уступок со стороны Израиля ПНА, он тогда позиционировал своего лидера как "солдата номер один" и вождя борьбы светского (в том числе, понятно, русскоязычного) населения с "религиозным засильем". А имеющиеся подозрения и сомнения "русских" должны были развеять широко известные в общине бывший глава правительственного бюро по связям с евреями Восточной Европы "Натив" Яков Кедми и популярный публицист Анна Исакова.

Сегодня сомнения русскоязычных избирателей, которые все же помнят историю вопроса, видимо, и должны были развеять Ксения Светлова и другие "приобретения" партии на "русской улице". И потому не вполне понятно, как в эту линию вписывалась активность Ксении, тратящей большую часть выделяемого ей эфирного времени на пропаганду среди русскоязычного избирателя "непродаваемой" там схемы урегулирования с палестинскими арабами методом массированных территориальных уступок ПНА во главе с Абу-Мазеном.

Как показали выборы, все эти шаги СЛ и иных партий особого эффекта на "русской улице" не имели. Единственная партия, которая, по идее, могла выиграть от скандалов вокруг НДИ и жесткого прессинга на лидеров

этой партии, – это новый социально-центристский проект Кахлона "Кулану". По данным опроса ПОРИ, из русскоязычных израильтян, которые были намерены проголосовать за него в январе 2015 года, более половины – бывшие избиратели "Ликуд – НДИ" и еще 40% – ЕА.

Готовность части русскоязычных избирателей взвесить идею голосования за эту партию проистекала из нескольких обстоятельств. Во-первых, она объяснялась темой экономической политики и благосостояния населения, которая должна была стать одним из двух главных "хитов" электоральной повестки дня. Во-вторых, тем, что как заметили некоторые участники фокус-групп, "Кахлон сделал нечто конкретное и осязаемое – радикально снизил цену на сотовую связь, что дает основания надеяться на то, что он может быть эффективен и в других темах". И в-третьих, у избирателей была уверенность в том, что, несмотря на отказ Кахлона продвигать тему внешней политики и безопасности, он, будучи выходцем из Ликуда, не будет (несмотря на пример Ципи Ливни) поддерживать идею неоправданных, по мнению этих респондентов, уступок палестинским и прочим арабам, ставящих под угрозу национальную безопасность страны.

Эти соображения хорошо проиллюстрировал участник одного из обсуждений, проведенных в рамках упомянутого исследования в январе 2015 года. Этот респондент, который ранее голосовал за Ликуд, но в момент обсуждения не был намерен этого делать, заявил, что он взвешивает возможность поддержать одну из трех партий, возглавляемых, по его мнению, "коренными ликудниками" – "Кулану" Кахлона, НДИ А. Либермана или ЕД Н. Беннета, которые в глазах этого респондента являлись практически равнозначными опциями. Тем не менее данный потенциал, судя по всему, так и не реализовался в полной мере.

Таким образом, на финальной стадии избирательной кампании политическая ситуация на "русской улице", с поправкой на некоторые "ситуативные аномалии", демонстрировала возвращение к состоянию, более-менее стан-

дартному для второго десятилетия русскоязычной общинной политики (2004–2014 гг.) От трети до 40% (вместо обычной половины) были намерены проголосовать за НДИ. До четверти голосов мог получить Ликуд. И по 8–12% поданных голосов, если верить последним предвыборным опросам, в сумме могли получить партии каждого из трех политических кластеров. А именно, право-религиозного, который включал правый религиозно-сионистский блок "Еврейский дом", правый национально-ультраортодоксальный союз "Яхад", партию сефардских ультраортодоксов и традиционалистов ШАС и ультрарелигиозный ашкеназский блок "Еврейство Торы". Левого (левоцентристский "Сионистский лагерь" и леворадикальный МЕРЕЦ). И "объявлено-центристского" (левоцентристская партия "Еш атид", неидеологические протестные и тематические списки и "социально-центристская" "Кулану").

5.5. Распределение голосов русскоязычных избирателей

Исследования, проведенные под руководством или с участием автора этих строк[24], показали, что голоса русскоязычных избирателей, пришедших на выборы 17 марта 2015 года, распределились следующим образом.

---

[24] Исследования включали "русский exit poll" ("голосование на выходе"), проведенный в день выборов социологическим агентством ASK на 42 избирательных участках в 16 городах и 2 поселках страны, пропорционально представляющих географическое распределение выходцев из бывшего СССР в Израиле. (Инициаторами исследования были Research Institute for New Americans, New York; "русский отдел" Американского еврейского комитета и Университет Ариэль в Самарии). Полученные данные были сопоставлены с итогами опросов, проведённых в день выборов сайтами NewsRu и Coursor, и официальными итогами голосования на выборочных избирательных участках, развернутых в районах компактного проживания русскоязычных израильтян.

За партию "Наш дом – Израиль" (НДИ) проголосовало около 40% русскоязычных избирателей, дошедших до избирательных участков. Иными словами, "русскими" были 190–195 тысяч из 215 083 избирателей, которые, по данным Центризбиркома, проголосовали за НДИ, что дало партии порядка 5,7 из общего реального числа 6,5 полученных мандатов. (До получения седьмого мандата не хватило менее 3 000 голосов, в силу чего этот мандат по обмену остатка голосов ушел в "Кулану"). То есть около одного мандата партии дали коренные израильтяне, из которых половину составляли христиане и друзы. (Как, например, население деревни Абу-Снан, пополам состоящее из этих двух групп, где НДИ получила 16% голосов – в два с половиной раза больше, чем Ликуд, и втрое больше, чем "Сионистский лагерь", а на некоторых участках – даже больше, чем арабский список).

Ликуд премьер-министра Изриля Биньямина Нетаньяху получил около 150 000 "русских" голосов, то есть примерно 4,5 мандата или шестую часть из общего числа завоеванных этой партией мандатов. "Сионистский лагерь" (напомним, союз левоцентристских партий Авода/Партия труда и "Ха-Тнуа"/"Движение") получил более 30 тыс. голосов, то есть около одного "русского" мандата. Также около одного мандата (чуть меньше, чем в прошлый раз) дала община религиозно-сионистскому блоку "Еврейский дом", и примерно столько же – новой социально-центристской партии "Кулану". От одного до полутора мандатов (от трети до половины от прежнего своего "русского" электората) получила левоцентристская партия "Еш атид".

Менее пятой части одного русского мандата получили партии, занимающие противоположные фланги сионистского спектра – не прошедший электоральный барьер праворадикальный блок "Яхад" и ультралевая партия МЕРЕЦ. По-прежнему сложно оценить реальный потенциал возглавляемой сефардскими ультра-ортодоксами социально-популистской партии ШАС, в симпатиях к которой выходцы из бывшего СССР (в основном из регио-

нов Центральной Азии и Кавказа, но не только) в опросах, как правило, не признаются, но все же дают этой партии на выборах от трети до почти целого мандата. Судя по всему, так было и на этот раз. На "русских" избирательных участках за ШАС голосовали более 3% избирателей, что позволяет консервативно оценить русскоязычный потенциал этой партии в 12–15 тыс. голосов, то есть несколько менее половины мандата. Наконец, до половины "русского" мандата рассеялось по другим партиям политического спектра, не прошедшим электоральный барьер.

Иными словами, три четверти голосов пришедшие на избирательные участки русскоязычные граждане отдали партиям правонационального лагеря, 12% – "центристам", менее 10% – левым партиям и порядка 3% – другим секторальным и тематическим спискам.

Голосование русскоязычных израильтян в сравнении с общими данными

Партии – Parties	Russian Exit polls		Число голосов		Мандаты		
						Всего	
	Русские участки (123)	Our Exit poll	"Русские" (оценка)	Всего	"Русские"	По поданным голосам	Итого
Ликуд Likud	28,9	29,3	149 000	984 966	4,5	29,5	30
НДИ Beiteinu	38,0	41,8	193 000	215 083	5,7	6,5	6
Авода/"Ха-Тнуа" Zionist Block	6,3	6,3	32 000	786 075	1,0	23,5	24
Еш атид Yesh Atid	7,9	7,7	41 000	370 850	1,2	11	11
Байт Иегуди The Jewish Home	4,2	5,7	26 000	283 559	0,8	8,5	8
Кулану Kulanu	6,9	4,6	32 000	315 202	1,0	9,5	10
ШАС Shas	3,2	(0,3)	14 000	241 200	0,4	7,2	7
МЕРЕЦ Metretz	0,7	1,2	5 000	165 292	0,1	4,9	5
Яхад Yahad	1,7	0,9	6 000	125 106	0,2	3,7	-
Другие Other	2,2	2,0	12 000	722 134	0,4	21,6	19
Всего голосовавших Total	100	100	**510 000**	**4 209 467**	**15,3**		**120**
Зарегистрированных избирателей			**857 000**	**5 881 696**	**18**		**120**
Потеряно общиной из-за низкой явки (60% против 72% в среднем по стране)			**90 000**		**2,7**		

Таким образом, реальные результаты выборов соответствовали представленной картине на финальном этапе избирательной кампании, но с одним весьма существенным дополнением, проявившимся буквально в последние дни перед выборами. Именно в тот момент достигла пика тенденция, которую журналисты иронично назвали кампанией "гевалт" ("спасите!" на идиш): агрессивное внедрение пропагандистами Ликуда в сознание право- и центристски настроенного большинства избирателей идеи того, что общий перевес партий правого лагеря над левым, который фиксировали опросы, ничего не решит.

Не допустить к власти "леваков", по утверждениям сторонников премьер-министра, может только решительный отрыв в мандатах правоцентристского Ликуда от его основного соперника – блока левоцентристских партий Авода-"Ха-Тнуа" Ицхака Герцога и Ципи Ливни. Именно этот посыл, направленный не столько в сторону колеблющихся или не желающих голосовать избирателей, сколько сторонников партий – "естественных союзников" Ликуда по правому лагерю, которых Биньямин Нетаньяху призвал предпочесть национальные интересы "узкопартийным" и проголосовать за его партию Ликуд, содержался в серии его теле- и радиовыступлений, которые транслировались в последнюю предвыборную неделю. Эффект, как показали выборы, был достигнут: "Еврейский дом" потерял в пользу Ликуда треть (4 из 12, которые накануне предсказывали ему опросы) потенциальных мандатов; еще по одному мандату Ликуд отобрал у блока "Еврейство Торы" и объединения "Яхад", благодаря чему последний вообще не прошел в Кнессет (для прохождения электорального барьера ему не хватило трети мандата – менее 12 тыс. голосов).

Влияние кампании Ликуда на электорат НДИ тоже имело место, но несколько иного рода. Оно непосредственно сказалось на сторонниках этой "русской несекторальной" партии из числа коренных израильтян, доля которых в электорате НДИ росла на протяжении всей ее ис-

тории. (С порядка 10% в 1999 году до пятой части в 2006 и примерно трети в 2009 году, когда эта группа дала партии около 5 из 15 завоеванных ею на тогдашних выборах мандатов). "Коррупционный скандал" сократил эту группу иврито- и арабоязычных избирателей до числа, эквивалентного примерно 2 мандатам, подавляющее большинство которых, судя по всему, в день выборов вняло призыву председателя правящей партии.

Но намного больший интерес для Ликуда, понятно, представляли русскоязычные избиратели из числа "привлеченного электората" этой партии, которых, как было отмечено, "коррупционный скандал" отправил в категорию неопределившихся в начале кампании. И в среде которых, как тоже отмечалось, к концу кампании наблюдалась позитивная для НДИ динамика, теоретически позволявшая сторонникам Либермана добавить к имеющимся на тот момент у него 5,5–6 еще 2, а то и 3 "слезающих с забора" "русских мандата".

С целью перенаправить эти голоса в свою пользу, "русский штаб" Ликуда предпринял несколько энергичных шагов, включая обширное интервью премьер-министра Биньямина Нетаньяху русскоязычному Девятому каналу ТВ Израиля. В этом интервью, появившемся в эфире за двое с небольшим суток до начала голосования, на исходе субботы 14 марта 2015 года, премьер-министр, призвал и неопределившихся, и тех избирателей, кто уже вроде бы сделал выбор в пользу НДИ (а также ЕА), пересмотреть свой выбор. Воззвав к чувству ответственности, патриотизму и здравому смыслу "русских" израильтян (качествам, которыми они, несомненно, в массе своей обладают), он заверил их в том, что общенациональная правящая партия сможет дать репатриантам больше, чем движения, акцентированно представляющие интересы выходцев из СССР/СНГ. И в подтверждение своих слов озвучил ряд социальных обязательств, которые некоторым комментаторам напомнили ряд пунктов социальной программы же НДИ (например, решить вопрос пенсионного

обеспечения репатриантов "поколения 45+"), ЕА, а также "социальной" партии Моше Кахлона.

Эффект от данных действий на "русской улице" был противоречивым. С одной стороны, подавляющее большинство русскоязычных избирателей Ликуда 17 марта 2015 г. действительно пришло на избирательные участки. С другой стороны, статистически значимого сдвига, на который надеялись в штабе Ликуда, в симпатиях тех потенциальных избирателей НДИ, которые "до последнего" сидели "на заборе", судя по всему, также так и не произошло. Основная масса этих русских израильтян так и не пришла голосовать. Потому рост доли выходцев их бывшего СССР и СНГ, голосовавших за Ликуд, со стандартных для этой партии 22–24 до почти 30% в очень малой степени сопровождался ростом их абсолютного числа. (Это число составило порядка 145–150 тыс. человек, эквивалентных 4,5 мандатам). В свою очередь НДИ, судя по ситуации на "русских" участках, оказалась именно той партией, которая недополучила более двух из тех почти трех "русских" мандатов, потерянных вследствие относительно низкого процента голосования на русской улице.

В подтверждение этого вывода приведем официальные итоги голосования в 60 городах Израиля, обладающих статистически значимым (от 1 700 до 61 000) числом зарегистрированных избирателей – выходцев из бывшего СССР 1989–2015 гг. Лишь в 18 из таких городов общая доля голосовавших была равной или выше, чем в среднем по стране. Причем средняя доля голосовавших за НДИ (за вычетом 10–15%, которые, по оценкам, дали этой партии представители других еврейских общин) в этих городах составила 33% от доли русскоязычных израильтян среди зарегистрированных избирателей. В остальных 42 городах, обладающих заметным числом русскоязычных избирателей, где общая явка последних была заметно меньше, чем в среднем по стране, напротив, доля голосовавших за НДИ от доли русскоязычных избирателей в среднем составила более 40%. Столько же,

сколько показали наши экзит-полы и данные по "русским" избирательным участкам.

То есть большая часть не голосовавших на этот раз за НДИ членов ее "привлеченного" электората образца 2009 года (в основном бывшие избиратели "русской" секторальной партии "Исраэль ба-Алия" и "общенациональных" Шинуя, а потом – Кадимы) предпочла остаться "на заборе", и лишь немногие реально сдвинулись в сторону Ликуда или "Кулану".

Это, собственно, и помешало НДИ получить те самые 9 мандатов, которые обещали этой партии некоторые опросы в конце избирательной кампании. Так почему же эти избиратели, несмотря на отмеченную позитивную динамику в конце избирательной кампании, в массе своей так и не пошли голосовать?

5.6. Причины низкой избирательной активности на "русской улице"

На то есть, по нашему мнению, как минимум, четыре причины.

Во-первых, характер нынешней кампании, которая, по общему мнению, стала беспрецедентной по интенсивности "войны компроматов", явно выходящих даже за весьма размытые стандарты израильской электоральной политики. По сути, у израильского избирателя, практически оглушенного массой "слитых" в прессу реальных или надуманных обвинений в коррупции, скандальных провокаций, заказных "журналистских расследований" и копанием в самых деликатных подробностях биографий политиков, просто не осталось возможности обратить достаточное внимание на обсуждение коренных тем и сюжетов нынешних выборов. (Каковыми являются вопросы региональной безопасности и выработка концепции экономической политики правительства на ближайшие годы).

Стратегическое решение лидеров НДИ по мере возможности не участвовать в игре по этим правилам также сыграло свою роль. Очевидно, что первой реакцией на "взрыв информационной бомбы" о "коррупции в НДИ" стала волна солидарности с партией, зафиксированная опросами в достаточно широких кругах русскоязычных израильтян. Дискуссии в фокус-группах и на интернет-площадках показали наличие в общине значительного числа сторонников "конспиративной версии", готовых обсуждать ее вне зависимости от вины (или отсутствия таковой) у фигурантов "дела 242". Немало участников дискуссий были готовы видеть в факте перевода ведущегося более года тайного расследования в открытую фазу именно в разгар избирательной кампании в Кнессет не только желание "стереть НДИ с политической карты", но и атаку на русскоязычную общину в целом, и требовали от знаковых фигур "русского Израиля" готовности к "решительной реакции на происки старых элит". Вплоть до призывов к "демонстрациям протеста".

Тем не менее лидеры партии так и не решились использовать этот потенциал. Понятно, что культивирование у русскоязычных израильтян комплекса "преследуемых и оскорбленных" могло принести определенные электоральные дивиденды (порядка 2–3 мандатов), но, вероятно, закрепило бы Либермана в статусе "секторального лидера", надолго, если не навсегда, похоронив его премьерские амбиции. Потому лидеры НДИ, крайне неохотно высказываясь на эту тему в ходе кампании, фактически "спустили этот сюжет на тормозах".

Все это самым непосредственным образом сказалось на той части привлеченного в 2009 году электората НДИ, который обладает подвижными политическими симпатиями. "Лейбл партии коррупционеров", присвоенный НДИ в начале кампании и успешно реализованный командой политтехнологов Ликуда "проект гевалт" в конце привел к тому, что основная масса этих избирателей, дезориентированных противоречивыми призывами и политтехно-

логическими трюками, не получив определенного "послания" от лидеров НДИ, так и не пришла голосовать.

Во-вторых, "дело 242" нанесло и серьезный урон инфраструктуре организационной и идеологической мобилизации электората НДИ, включая "команду быстрого реагирования", адаптации избирательных лозунгов и сбои в наиболее сильной ее части – команде "дня выборов". Судя по высказываниям участников фокус-групп, часть избирателей, теоретически готовых поддержать НДИ, делали это "по инерции", без особого энтузиазма, за не имением лучшей опции ("Либерман – опытный политик, НДИ – его партия, и потому коней на переправе не меняют"), что вполне укладывается в контекст высказанной респондентами другой позиции. По некоторым мнениям, "большинство политиков не имеет позитивной программы и лишь поливает грязью друг друга". И именно эти избиратели, внимая аргументам Нетаньяху об "отсутствии перспектив голосовать за секторальные партии", но не убеждённые в том, что большая общенациональная партия готова выполнить предвыборные обещания, предпочли в массе своей в день выборов остаться дома.

В-третьих, недостаточно адекватным было определение главных конкурентов. Так, значительные ресурсы были довольно бессмысленно брошены на дискредитацию блока "Еврейский дом", рост потенциала которого на общеизраильском поле в начале кампании, как было показано выше, практически не сопровождался аналогичными процессами на "русской улице". Лишь в конце избирательной кампании активисты НДИ полностью переключились на действительно серьезных конкурентов за "русский голос" – Ликуд и "Кулану", но времени завершить процесс, включая коррекцию лозунгов и адекватный маневр избирательными инструментами, у партии уже не осталось.

В-четвертых, необходимость уже в разгар кампании в свете изменившихся исходных обстоятельств радикально изменить политический посыл НДИ, который должен

был стать главным внешнеполитическим "месседжем" партии на этих выборах, а при удаче – главной темой данной избирательной кампании. Таким посылом должна была стать опубликованная в декабре 2014 года Либерманом доктрина "регионального мира", подробно представленная в предыдущей главе. Как было сказано, идея Либермана предлагала "вывести за скобки" лидеров ПНА/ООП, по определению не способных к компромиссным шагам для завершения конфликта, и требовала перейти к политическому урегулированию арабо-израильского конфликта путем прямой договоренности с умеренными прозападными суннитскими режимами.

По мнению главы НДИ, данный про-активный ход позволял выйти из "дипломатического тупика", который стал итогом на определенном этапе эффективной, но теперь, по мнению Либермана, исчерпавшей себя линии на сохранение геополитического статус-кво между морем и рекой Иордан, предполагавшей лишь пассивное реагирование на инициативы США, Евросоюза и арабских лидеров. Новый план позволял выйти из политического тупика, сняв или минимизировав давление Вашингтона и Брюсселя, которые вынуждали Израиль пойти на соглашение ПНА с ООП на невыгодных для него условиях. И одновременно давал возможность установить оптимальные с точки зрения безопасности и сохранения еврейского характера Израиля границы страны путем аннексии еврейских поселенческих блоков за "Зеленой чертой" с передачей плотных арабских массивов под совместный контроль Израиля и "ответственной внешней стороны". Причем по согласованию с Западом и в контексте стратегического союза с умеренными странами арабского мира перед лицом общих врагов и вызовов в лице иранской угрозы и радикального суннитского джихадизма.

В каком-то смысле это было повторением доказавшего свою эффективность хода, предпринятого лидерами НДИ накануне выборов в Кнессет XVIII созыва. Тогда общественности была предложена идея обмена населенных

израильскими арабами-мусульманами городов Южной Галилеи на еврейские поселенческие блоки и незаселенные арабами территории Иудеи и Самарии. Что, как нетрудно заметить, и тогда было неоцентристской альтернативой как "левой" идее "мир в обмен на территории", так и традиционной доктрине правых "мир в обмен на мир", превратившейся в эпоху кризиса "процесса Осло" в концепцию "сохранения геополитического статус-кво к западу от р. Иордан".

Тогда, чтобы минимизировать отток правых избирателей от партии, Либерман тщательно "упаковывал" свои умеренно-правые и центристские идеи в жесткую правую риторику.[25] Как было сказано, на этот раз направление процесса было иным: по сути, речь шла уже не о неоцентристской идее, "упакованной" в жесткую правую риторику, а о "новой правой" (или "прагматично-правой") концепции, замаскированной под умеренно-центристский проект, именно в таком качестве теоретически привлекательный для почти всего израильского политического спектра, кроме левых и правых радикалов.

Интересно, что опрос выходящего в США еврейского издания The Jewish Press, читатели которого – американские евреи и англоязычные израильтяне, – показал, что они считают Либермана жестким и в то же время прагматичным лидером, который, "в отличие от Нетаньяху не боится открыто высказывать свои мысли в отношении арабов". Идентифицируя себя с правым и религиозно-национальным лагерем и поддерживая лозунг "без лояльности нет гражданства", многие респонденты одновременно одобряли и его план обмена территориями и населением. Соответственно, 52% участников предпочитали на посту главы правительства видеть именно Ави-

---

[25] См., например, интервью А. Либермана агентству *Ynet*, 15.11.2006; Ицхак Бен-Хорон. Либерман на "Форуме Сабана": мирный процесс базируется на ошибочных предположениях // *Ynet*, 10.12.2006 [на иврите].

гдора Либермана, в то время как Нафтали Беннета на этот пост были готовы поместить 17% опрошенных, Нетаньяху – 16%, Ицхака Герцога 3%, Шимона Переса, Эли Ишая и Яира Лапида – по 2%, и по 1% были готовы поддержать Ципи Ливни и Моше Кахлона.[26]

Понятно, что даже формальное движение НДИ в сторону центра могло вызвать разочарование части ее правого крыла. Однако сам факт превращения НДИ в "партию тренда" мог создать динамику, нивелирующую большую часть имиджевых и политических издержек такого подхода, заставив правонастроенных избирателей партии отложить свои сомнения в сторону и "дать Либерману шанс". Это позволяло рассчитывать, что, как это случилось в 2008–2009 годах, приобретения в центре многократно перекроют потери правого крыла НДИ в пользу Ликуда, ЕД и еще более правых списков. Это же показал один из опросов 2009 года, исследовавших реакции израильтян на заявления Авигдора Либермана, незадолго перед этим ставшего министром иностранных дел, о том, что он не исключает урегулирования по модели "два государства для двух народов". Тогда это высказывание "приятно удивило" 16,6% респондентов и примерно столько же разочаровало или "насторожило", а более половины из них заявили, что их мнение о Либермане это никак не изменило. Что, понятно, могло означать что угодно – от полного доверия ему как лидеру, что бы он ни говорил и ни делал, до полной уверенности в том, что Либерман "центреет" исключительно "для отвода глаз".

Та же тенденция проявилась и в начале избирательной кампании в Кнессет XX созыва: опрос, проведенный вскоре после опубликования "доктрины Либермана", показал рост рейтинга его партии до 17 потенциальных мандатов.

---

[26] Tzvi Ben-Gedalyahu. Surprising Results to Jewish Press Poll: Lieberman for Prime Minister // *The Jewish Press*, 06.12.2014

Однако "дело 242", приклеившее НДИ ярлык "партии коррупционеров", вызвавшее растерянность ее "коренного" и изменение вектора в настроении "привлеченного" электората, сделало динамику превращения НДИ в партию "тренда" невозможной. В новой ситуации, от "новой правой" заявки Либермана, связанной с резким сужением свободы политического маневра, в общественном сознании осталось только согласие на эвакуацию "нескольких поселений" в рамках обмена территориями. А также готовность "находиться в одном правительстве с Герцогом и Ливни". Объяснение, что Авигдор Либерман имел в виду правительство, где он был бы премьер-министром, в условиях стремительного падения электорального рейтинга партии выглядело неубедительным. Соответственно, данное заявление с исчезновением изначального контекста, не вернув ивритоязычных избирателей, нанесло партии вред и на "русской улице": лишь у 13% респондентов исследования января 2015 года оно укрепило желание голосовать на НДИ или поменять свой прежний выбор на эту партию. Причем наибольший энтузиазм в этом смысле проявили избиратели "Сионистского лагеря" и МЕРЕЦ, которые, в любом случае, численно "погоду" явно не делали. Почти треть (28%) испытывали по этому поводу разочарование, а среди наиболее релевантных для НДИ избирателей – самой НДИ, Ликуда, ЕД и партии Кахлона доля разочарованных заявлением Либермана оказалась в полтора раза больше, чем в среднем по выборке.

Впрочем, почти 60% избирателей (в том числе, половина избирателей НДИ) отнеслись к этому заявлению либо индифферентно, выбрав вариант ответа "Не усиливает, и не ослабляет" желания голосовать за НДИ, либо затруднились ответить. Что, вероятно, могло свидетельствовать о том, что попытки Авигдора Либермана разъяснить либо дезавуировать свое прежнее заявление, могли иметь положительный для этой партии эффект. Поскольку Либерману, как заметил один из комментаторов, "просто не дали возможности объяснить свою новую доктрину", то

единственным оперативным выходом для него казалось пожертвовать потенциально симпатизирующими его внешнеполитическим идеям, но отпугнутыми "коррупционным скандалом" умеренными избирателями и вернуться в прежнюю идеологическую нишу "партии общинного консенсуса". То есть представить НДИ как естественную правую политическую и социально-гражданскую альтернативу Ликуду. Подобный поворот в разгар избирательной кампании мог стать в принципе верным, хотя и вынужденным ходом. Однако время было упущено, и команда политтехнологов НДИ так и не смогла убедительно и полностью реализовать эту старо-новую стратегию.

В итоге для многих из членов "идеологической" фракции НДИ партия на этих выборах оказалась недостаточно правой, а для ее социального лагеря (часть из которого энергичными действиями все же удалось удержать) – недостаточно "русской". Подобному выводу в немалой степени способствовал и состав партийного списка, выстроенного в соответствии с прежней стратегией и уже не во всем релевантного новым политическим условиям. Все это и оставило "на заборе" порядка 80 тыс. русскоязычных избирателей, которые при других обстоятельствах могли бы проголосовать за НДИ.

Если эти выкладки верны, то относительно скромный, по сравнению с все еще имеющимся потенциалом, электоральный успех НДИ на "русской улице" был обусловлен конкретными политическими обстоятельствами, а не политическим кризисом русско-еврейской общины страны как таковой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕВЫБОРНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ИНДИКАТОР СИСТЕМНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Состоявшиеся 17 марта 2015 года досрочные выборы в Кнессет XX созыва завершились убедительной победой правого ("национального") лагеря и доминирующей в нем правоцентристской партии Ликуд. Эта партия получила на данных выборах 30 депутатских мандатов – в полтора раза больше, чем она имела в конце прошлой каденции. И на 6 мандатов больше, чем получил его ближайший соперник "Сионистский лагерь", созданный накануне выборов блок двух левоцентристских партий – Авода/Партия труда и "Ха-Тнуа"/"Движение" во главе с Ицхаком (Бужи) Герцогом и Ципи Ливни. Еще важнее был другой итог выборов – очевидный общий перевес "широкого правого" лагеря (к которому помимо собственно правоцентристских и правых партий обычно относят и секторальные еврейские ультрарелигиозные движения) над "широким левым" лагерем, что и позволило Биньямину Нетаньяху в четвертый раз в его политической биографии сформировать правительство страны.

Такие итоги стали немалым сюрпризом, ибо опросы общественного мнения, регулярно публикуемые на протяжении почти всех дней избирательной кампании, показывали примерный паритет между двумя основными претендентами на роль партии власти – Ликудом и "Махане Циони" ("Сионистский лагерь") – союзом левоцентристских партий "Авода" (Партия Труда) и "Ха-Тнуа" ("Движение"). Равно как и между двумя основными "широкими лагерями" израильской политики – правым (к которому примыкают и ультрарелигиозные еврейские партии) и левым (к которому

формально относят и списки израильских арабов). Неудивительно, что как партии, лидеры которых претендовали на пост премьер-министра, так и их потенциальные партнеры-конкуренты в рамках обоих лагерей были на протяжении всей кампании озабочены удержанием своих и поиском еще неосвоенных электоральных ресурсов.

В конечном итоге, партии, считающиеся "естественными союзниками" Ликуда, в сумме набрали 57 мандатов – против 53 мандатов, в сумме полученных "левыми" партиями. На практике перевес Нетаньяху, как кандидата на пост премьер-министра, оказался даже больше, ибо соперничающий с ним за этот пост лидер "Сионистского лагеря" Ицхак Герцог получил поддержку только 40 мандатов. Причина была в лидерах набравшего 13 мандатов и формально причисляемого к "широкому левому" лагерю Объединенного арабского списка, которые в ходе проходивших после выборов в соответствии с действующим законодательством консультаций президента Израиля Реувена (Руби) Ривлина с парламентскими фракциями, отказались поддержать "кандидатуру сиониста" – пусть даже "левого".

Потому у Нетаньяху, получившего поддержку всех формально и реально правых фракций и при наличии 10 мандатов новой "партии центра" – "Кулану" ("Все мы"), готовой в традициях всех центристских фракций присоединиться к любому правительству, особых проблем с формированием правящей коалиции как будто бы не предвиделось. Однако после изматывающего марафона коалиционных переговоров, в условиях уже почти полного цейтнота (за 2,5 часа до истечения срока, отведенного для этого законом) Нетаньяху был вынужден удовлетвориться опцией, которую большинство комментаторов полагало наименее реальной. То есть созданием минимально возможной правящей коалиции, опирающейся на 61 из 120 депутатов Кнессета и потому с момента своего формирования действующей в режиме "стабильно-предкризисной ситуации".

Этот факт заставляет предположить, что за тактическим раскладом партийных сил стоит намного более общая, встроенная проблема углубляющихся перекосов политической системы, исправить которые, в том числе, и были призваны недавние выборы. В основе попыток реформ политической системы Израиля лежало предположение, что существенное повышение электорального барьера как минимум вдвое, если не втрое уменьшит число списков, участвующих в выборах, существенно сократит список из 10–12 партий, обычно преодолевающих этот барьер. И что еще важнее, наконец, приведет к формированию в каждом из "широких политических лагерей" искомых центров сильной власти. Ни то, ни другое предположение, как показали выборы, пока не реализовалось.

На выборы в Кнессет XX созыва было зарегистрировано 26 партийных списков – несущественно меньше того числа в 30–34 списков, принимавших участие в выборах прошлых лет. А по итогам голосования 15 марта 2015 года в Кнессете оказалось 10 (вместо обычных 11–12, но с тенденцией возможного увеличения их числа к концу каденции) партийных фракций. Потому политическая парадигма оставалась прежней: убедить избирателей партий – конкурентов Аводы и Ликуда за соответственно левые и правые голоса, что только "радикальный отрыв" доминирующей в блоке (бывшей "большой") по числу мандатов от основного конкурента может не допустить к власти "леваков" или "правых экстремистов". И сделать главу этой партии бесспорным кандидатом на должность премьер-министра. А "естественных союзников" (они же соперники) Аводы или Ликуда – "первым адресом" для приглашения в коалицию. А пока избирательная кампания идет, ведущие партии делают все возможное, чтобы привлечь плавающий электорат своих "объявленных партнеров" по будущей коалиции, хотя и демонстрируя некоторую готовность "остановиться у красной черты", чтобы вообще не оставить партнеров-соперников за пределами Кнессета. С тем, чтобы не затруднить или даже

практически не лишить формального победителя возможности сформировать сколько-нибудь управляемое коалиционное правительство. Что, собственно, и случилось на этот раз: наиболее правый в этом избирательном сезоне из имевших шанс попасть в Кнессет списков "Яхад", недобрав менее 12 тыс. голосов для прохождения повышенного до 3,25% накануне выборов электорального барьера, "утопил" более трех потенциальных мандатов для правой коалиции, немало осложнив тем самым процесс ее формирования.

Данный эпизод был не единственным примером вышеотмеченных процессов в развитии избирательно-политической системы страны, и прежде всего тенденции, которая, пожалуй, ярче, чем когда-либо ранее, проявилась в ходе выборной кампании в Кнессет XX созыва. И команда лидера Ликуда Биньямина Нетаньяху, и команда его основных конкурентов Ицхака (Бужи) Герцога и Ципи Ливни действовали примерно по одной и той же схеме, направляя основные усилия по привлечению дополнительных электоральных ресурсов изнутри, а не извне своих "широких" партийно-политических лагерей. Эффект, впрочем, оказался меньше предполагавшегося.

Показательно, что число мандатов (24), полученных в 2015 году главной силой левого блока – "Сионистским лагерем", было лишь на один больше, чем Авода, "Ха-Тнуа" и Кадима (остатки электората которой были фактически поглощены СЛ) в сумме имели по итогам выборов 2013 года. Так что реального надпартийного центра силы в левом лагере пока не получилось. В свою очередь, Ликуд, хотя и увеличил число полученных мандатов почти в полтора раза – с 18 до 30, получив, таким образом, фракцию, составляющую четверть депутатского корпуса, так и не смог стать большинством даже в узкой коалиции из 61 депутата Кнессета, созданной вновь возглавившим правительство Биньямином Нетаньяху. Очевидно, что даже усилив свою партию, Нетаньяху не смог превратить ее в ультимативный центр силы в правом лагере: он

вновь был вынужден приобретать коалиционных партнеров, делясь с ними солидными кусками бюджетного и прочих пирогов, и потому парадоксальным образом получил правительство намного слабее предыдущего.

Именно поэтому едва ли не главной проблемой правящей коалиции стал сам процесс ее формирования в результате длительных переговоров Ликуда с его потенциальными партнерами, по итогам которых Нетаньяху довольно неожиданно для себя и его сторонников оказался во главе, по всем признакам, не слишком устойчивого "правительства минимального большинства". На первый взгляд, главная причина этого – отсутствие в правящей коалиции партии "общеизраильской партии с русским акцентом" (или "русской партии с общенациональной повесткой дня") "Наш дом – Израиль" (НДИ) во главе с бывшим министром иностранных дел Израиля Авигдором Либерманом. Что не могло не восприниматься несколько неестественным, в свете того, что НДИ была не просто одной из партий правого лагеря, но главным коалиционным партнером Ликуда во втором правительстве Биньямина Нетаньяху (2009–2013 гг.), а на выборы в Кнессет XIX созыва в январе 2013 года обе партии вообще шли единым списком.

Но данная ситуация становится более понятной, если воспринимать ее не только в контексте соотношения политических сил, сложившегося по итогам выборов в XX Кнессет, но и в плане все более заметного влияния долгосрочных процессов развития политической системы страны.

В Кнессет XX созыва вошли десять фракций, представляющих три категории партий: назовем их "общенациональные"; секторальные (делающие основной упор на политическое представительство различных социокультурных, этно-общинных и религиозно-общинных групп) и общенационально-секторальные (с разной степенью органичности сочетающие в своих платформах акценты на интересы своих общин с общенациональной повесткой

дня). Причем каждая из всех этих партий, исходя из ее платформы в отношении основного водораздела израильской политики – путей разрешения арабо-израильского противостояния, а также вопросов национально-гражданской и экономической политики – занимает свое место в идейно-политическом спектре Израиля.

К первой категории относятся основные соперники недавних выборов – правоцентристский Ликуд (30 мандатов) и левоцентристский "Сионистский лагерь" (24 мандата), новая "партия центра" – "Кулану" (10 мандатов), а также радикально-левый МЕРЕЦ (5 мандатов), шансы которого преодолеть повышенный электоральный барьер до последнего момента были под вопросом. (Роль радикально-правой партии в этой каденции предполагал играть упомянутый блок "Яхад", который, как отмечалось, не прошел повышенный электоральный барьер, в силу чего эта ниша пока не заполнена).

Категория общенационально-секторальных парламентских партий представлена сегодня тремя фракциями. Это левоцентристская по составу избирателей и платформе "Еш атид" – партия "условного экономически благополучного ашкеназского Северного Тель-Авива", или, как ее вполне откровенно определил в момент создания сам Яир Лапид, партия "белого [то есть европейского по происхождению] племени", среди многих других, из которых состоит израильское общество.[27] Показательно, что на выборах 2013 и 2015 годов доля жителей Тель-Авива, которые проголосовали за ЕА, была в полтора раза больше, а на избирательных участках в северной части городов – вдвое-четверо больше, чем доля голосов, полученных ею в среднем по стране. Масштабный репрезентативный опрос граждан Израиля, проведенный по инициативе портала NewsRu в июле 2015 года, пока-

[27] Цит. по: Моти Карпель. Гражданское общество или еврейское общество? // *Макор ришон*, 1.02.2013 (на иврите).

зал, что доля жителей Тель-Авива, объявивших себя сторонниками ЕА, почти вдвое превышает долю сторонников этой партии по выборке в целом.

Далее, это исторически правоцентристская, но в ходе прошедшей кампании заметно поправевшая партия "Наш дом – Израиль" Авигдора Либермана, основной корпус избирателей которой, как было показано выше, исторически составляют выходцы из бывшего СССР и СНГ. И собственно правый (или как его называют, "романтично правый", в отличие от "прагматично правого" НДИ) блок "Еврейский дом" Нафтали Беннета, черпающий основную поддержку в среде религиозных сионистов, прежде всего жителей Иерусалима, поселений Иудеи и Самарии, а также экономически благополучных кварталов городов с религиозным и смешанным населением.

Понятно, что разница между "общенациональными" и "общенационально-секторальными" партиями во многом условна. И в Ликуде, и в Аводе присутствуют свои секторальные, социальные и общинно-корпоративные лобби – в первом случае, в большей мере "сефардские" (но не только), во втором больше "ашкеназские". Партия МЕРЕЦ, возникшая на базе блока, ядро которого в свое время образовала марксистско-сионистская Объединенная рабочая партия (МАПАМ), считается политическим крылом немногочисленных, но идеологически и культурно влиятельных членов левых кибуцев и космополитического населения престижных кварталов Тель-Авива, округа Шарон и Хайфы. А ее несостоявшийся "визави" в правом лагере – блок "Яхад" вообще возник как объединение двух партий, в основном представляющих избирателей "ультраортодоксально-национального" лагеря (т.н. «харедилеуми») «Оцма Ехудит» («Еврейская мощь») и "Ам Итану" ("Народ с нами") – "право-идеологический" сегмент, незадолго до выборов отколовшийся от партии ШАС.

В свою очередь, три упомянутые общенационально-секторальные партии "Еш атид", НДИ и "Еврейский дом", имея твердое ядро своих избирателей в определенном

секторе, пытаются обращаться и к другим общественным группам и делают заявку на равноправный доступ к решению проблем общенационального значения. А их лидеры Яир Лапид, Авигдор Либерман и Нафтали Беннет не скрывают своих амбиций раньше или позже занять кресло главы правительства. Что, собственно, и составляет суть упомянутого выше "вызова изнутри широких лагерей" статусу доминирующих в них "бывших больших" партий и их лидеров как безальтернативных кандидатов от этих блоков на пост премьер-министра страны. И хотя единственным пока прецедентом такого рода является партия Кадима, которая сдвинувшись в 2008–2009 гг. "влево", ненадолго вытеснила Аводу из ее ниши главной партии левого лагеря, нет сомнений, что в свете обсуждаемых тенденций развития политической системы Израиля такие попытки станут (что фактически уже происходит) неотъемлемой частью политического ландшафта страны.

В авангарде этого процесса как раз и идут общенационально-секторальные партии, чем они и отличаются от категории формально примыкающих к левому или правому лагерям собственно "секторальных" партий. К ним относятся соответственно три, а точнее, четыре арабские партии, ныне пребывающие (как полагают многие аналитики, не слишком надолго) в составе единого блока – объединенного арабского списка. И два упомянутых списка евреев-ультраортодоксов: возглавляемая "харедим" восточного происхождения партия сефардов-традиционалистов ШАС и ашкеназский блок "Яхадут ха-Тора" ("Еврейство Торы"). Понятно, что именно такие партии, рассчитывающие лишь на свою долю пирога для секторальных нужд, но не претендующие на общенациональное лидерство, являются наиболее удобными партнерами "больших партий".

Подобное понимание ситуации было явно не чуждо Биньямину Нетаньяху, который по получении мандата от Президента на формирование своего уже четвертого по счету правительства вначале ожидаемо обратился к ли-

деру и создателю "Кулану" Моше Кахлону, которому еще до выборов был обещан пост министра финансов. Этот политик, как и "положено" лидерам партий центра, тщательно избегал внешнеполитических заявлений, тем самым демонстрируя готовность отложить свои предполагаемые премьерские амбиции на неопределенный срок.

Но одновременно с этим Нетаньяху практически с порога отверг не менее, казалось бы, очевидную идею продолжить строительство правящей коалиции, пригласив в нее идеологически конгруэнтные Ликуду партии с, так сказать, "ответственной общенациональной повесткой дня" – ЕД, НДИ и "Еш атид". И лишь потом партии "харедим", которые в этой ситуации должны были бы умерить свои заявки на министерские портфели и особенно – непомерные, как представляется их противникам, бюджетные аппетиты, хотя бы потому, что эти партии, уже проведя каденцию в оппозиции, во избежание "усыхания" своего электората сделают все возможное, чтобы войти в правительство.

Вместо этого премьер-министр инструктировал переговорную группу Ликуда на достижение коалиционных соглашений в первую очередь именно с ШАС и ЕТ, проявляя очевидную готовность заплатить объявленную ими (и, по данным прессы, принятую Нетаньяху также еще до выборов) цену их поддержки, состоявшую из двух пакетов требований. Первый включал обильные бюджетные вливания (порядка 7 млрд. шекелей) в пользу электората этих партий вместе с возвращением под контроль блока "Яхадут Ха-Тора" регулирующей законодательное распределение бюджета финансовой комиссии Кнессета. Второй предполагал отмену принятых в прошлую каденцию законов, призванных упорядочить гражданское законодательство в стране, которые, по мнению представителей ультрарелигиозного сектора населения, ущемляют их интересы.

Часть требований первого "пакета" – например, отмену НДС при оплате транспорта и воды малообеспе-

ченными группами населения, из которых и состоит электорат обеих партий, еще можно объяснить тем, что какую-то пользу, теоретически, могут получить и те граждане из этих категорий, кто за ШАС и ЕТ не голосует. Но вторую часть этого пакета объяснить намного сложнее. Например, возвращение – в том числе, и ретроактивное с 2012 года – отмененных самим Нетаньяху в его бытность министром финансов повышенных (то есть растущих пропорционально числу детей до 18 лет) пособий многодетным семьям, основную выгоду от чего получали представители еврейского ультрарелигиозного и арабского секторов. (А сокращение пособий привело к резкому снижению рождаемости в арабском секторе и при сохранении прежних темпов рождаемости в ультрарелигиозном секторе активизации выхода мужчин "харедим" на рынок труда).

Не менее сложно было объяснить удовлетворение требований второго "пакета": возобновление в полном объеме финансирования религиозных учебных заведений, где не изучаются общеобразовательные дисциплины, и отмену положений Закона о всеобщей воинской или альтернативной службе, предполагающих санкции, налагаемые на ультрарелигиозных и прочих "уклонистов" от призыва. А также отмену преимущественного права на приобретение доступного жилья молодыми супругами, "участвующими в несении гражданского и финансового бремени". Т.е. служивших в ЦАХАЛе (от чего освобождены "харедим" и израильские арабы) и официально занятых на рынке труда (критерий, под который не подпадает большинство мужчин-ультраортодоксов, все свое время отдающих изучению священных текстов, в то время как их многодетные семьи живут – надо признать, довольно скромно – на государственные пособия и благотворительные взносы). Тем не менее, по данным прессы, эти условия вместе с гарантиями включения ШАС и ЕТ в коалицию в случае успеха Ликуда на выборах были приняты Нетаньяху еще до дня голосования

в Кнессет, и именно эту информацию активно использовали против премьера левые партии.

При этом многие полагают, что примерно ту же цену в том случае, если бы лидеру "Сионистского лагеря" было поручено формировать коалицию, был бы готов заплатить и Бужи Герцог, что он и Ципи Ливни отрицали, но подтверждали представители ШАС и ЕТ. В принципе, в этом не было ничего невозможного и в свете неформального союза, который ненадолго возник между двумя крупнейшими оппозиционными фракциями – Партией труда (Авода) и ШАС – после выборов в Кнессет 2013 года. В тогдашних условиях уход "палестинской темы", по поводу которой обе партии придерживаются разных взглядов, из центра общественной повестки дня и выдвижение на первый план социально-экономической проблематики создавало условия сближения «социал-демократической» Аводы и социально-популистского ШАС на платформе борьбы против «радикально-рыночного», как казалось его критикам, курса правительства Нетаньяху. К этому можно добавить конфликт ультраортодоксов с религиозными сионистами из блока "Еврейский дом", включая немыслимые ранее угрозы некоторых лидеров ШАС "поддержать замораживание строительства и финансирования еврейских поселений в Иудее и Самарии и снос поселенческих форпостов". В контексте двух этих обстоятельств предположения, что именно "харедим" могут стать последней надеждой Аводы когда-либо вернуться к власти в обмен на обеспечение ШАС и ЕТ наиболее комфортными условиями пребывания в правительстве, не выглядят совсем уж отвлечёнными. И именно эти аргументы озвучивали полтора года спустя в прессе те, кто считал, что Нетаньяху следовало поторопиться на любых условиях закрыть сделку с харедим до выборов в новый Кнессет. И срочно утвердить ее после выборов, "пока время на формирование коалиции не истекло, и эта миссия не возложена на конкурента лидера Ликуда из левого лагеря".

Аналитики также полагают, что, несмотря на радикальную антисионистскую риторику, партии Объединенного арабского списка в обмен на определенные уступки могли бы предоставить левому правительству определенную "страховочную сеть", даже формально не принадлежа при этом к правящей коалиции. Тем более, что прецедент уже имел место в 1992–1996 годах. Тогда арабские партии, не вступая в коалицию, обеспечивали внешнюю поддержку правительству лидеров Аводы – Ицхака Рабина, а после гибели последнего – Шимона Переса, что дало их кабинетам возможность существовать, не располагая формальным парламентским большинством, и даже добиться утверждения "соглашений Осло" с арафатовским ООП.

Сложно утверждать, насколько подобная схема, о которой довольно много говорили в первые недели после завершения подсчета голосов избирателей, реальна в наши дни. Равно как и практическая возможность "рокировки Биби и Бужи" в случае, если бы Нетаньяху не договорился с "харедим". Ибо "другим депутатом Кнессета", которому по закону президент мог бы поручить формирование правительства, вновь должен был бы стать тот, кто собрал больше всего подписей членов Кнессета, то есть, вероятнее всего, вновь представитель Ликуда, а отнюдь не Бужи Герцог. Так что в случае неудачи Нетаньяху, скорее всего, состоялись бы новые выборы, чего большинство партий, включая "харедим", вряд ли бы желало. Но уже сам факт муссирования абстрактных рассуждений или целенаправленных слухов на эту тему говорит о многом.

Вполне очевидно, что как Ликуду ультра-ортодоксы предпочтительней партий, стремящихся выйти за рамки узкой секторальной ниши и имеющих виды на руководство правым блоком и правительственной коалицией (типа ЕД и НДИ), так и для "Сионистского лагеря" те же секторальные партии (и теоретически Объединенный арабский список, не претендующий не только на руководство

правительством, но даже на присутствие в нем) являлись бы более удобными партнерами, чем "Еш атид" или "Кулану", которые заглядываются и на традиционный электорат левых партий.

Все же вопрос не исчерпывается тем, что, как полагают некоторые комментаторы, иметь дело с "запирающим блоком" ультра ортодоксальных партий главе правительства сегодня удобнее, чем с аналогичным "светским социальным блоком" НДИ, "Кулану" и ЕА – в сумме 27 мандатов по сравнению с 30 у Ликуда. (Образование такого блока наблюдатели не исключали в случае одновременного присутствия всех трех партий в коалиции). Истинная суть дела существенно шире того или иного сиюминутного тактического расклада.

Кризис института "больших партий", который мы наблюдаем на нынешнем, третьем этапе развития израильской представительской демократии, во многом связан с утверждением в израильском обществе идей и практики множественности культур ("мультикультурализма") и его проекцией на политическую сферу. Каковой стало появление секторальных по происхождению партий, не только делающих тот или иной акцент на специфических интересах "своих" общин, но и функционирующих в качестве платформы привнесения культурно-политических представлений и ценностей этих групп в общенациональный политический дискурс. А лидер таких партий воспринимается его сторонниками как политик общенационального уровня, способный, понимая менталитет своих избирателей, реализовать их взгляд на вещи и систему ценностей при решении общеизраильских проблем.

То, что именно русскоязычные израильтяне и религиозные нео-сионисты, составляющие ядро того, что все чаще называют "Третий Израиль", по сути, первыми выдвинули удачные политические проекты такого рода – НДИ и "Еврейский дом", было отнюдь не случайно. Ибо именно эти общинно-культурные группы непропорцио-

нально широко сегодня представлены в сферах, слабо контролируемых традиционными элитами т.н. "Первого Израиля": немонополизированных секторах постиндустриальной экономики, альтернативных СМИ, системе открытого образования, новом поколении поселенческого движения и т.д.

Понятно, что этот новый фундаментальный вызов не может не волновать обе фракции политического истеблишмента "Первого Израиля" – и постсоциалистическую, и постревизионистскую, чьи основные партии, Авода и Ликуд, в сумме стабильно набирают менее половины состава Кнессета и потому не имеют возможности составить устойчивые коалиции, благодаря чему по частоте выборов Израиль занимает третье место среди демократических стран Запада. Потому не исключено, что, с их точки зрения, выходом из кризиса института "больших партий" была бы ликвидация кластера "общенационально-секторальных" партий как такового. То есть вернуть партийно-политическую систему страны к дихотомии "общенациональных" и "сугубо секторальных" партий, характерной для ее второго этапа (1977–1992 гг.)

На практике это означает необходимость оттеснить партии типа НДИ, "Еш атид" и "Еврейский дом" назад в их секторальные ниши, с введением старых правил игры, когда такие партии в обмен на доминирование в своих общинах минимизируют вмешательство в вопросы общенационального значения и отказываются от претензий на национальное лидерство. В силу чего единственным доступным "зонтиком" для общенациональной легитимации коллективных интересов и ценностей новых общинно-культурных групп вновь станут "большие" партии. Которые, теоретически, могут в обмен на абсолютную лояльность сделать для них то, что Ликуд сделал в 1970-е гг. для "Второго Израиля" (евреи-выходцы из стран Востока), а поколением раньше МАПАЙ/Авода сделала для выходцев из Польши, и в каком-то смысле Компартия/ХАДАШ – для израильских арабов.

Коалиционные издержки электоральных успехов

Нетрудно заметить, что, как минимум, для Ликуда деятельность в этом направлении, вне зависимости от того, была ли она результатом сознательного или интуитивного выбора, оказалась успешной. Итогом закончившейся пять месяцев тому назад избирательной кампании была ликвидация – по крайней мере, в краткосрочной перспективе – угроз доминированию этой партии изнутри правого лагеря. Но этот очевидный успех стал источником новой проблемы, во всей полноте проявившейся при формировании коалиции.

Потеряв, соответственно, половину и 40% от того числа мандатов, которые были у НДИ и ЕД в прошлую каденцию и которые в начале избирательной кампании давали им опросы, эти партии, к нескрываемому удовлетворению руководства правящей партии, сократились до "нормального размера" секторальных движений "средней руки". Что, теоретически, должно было бы сделать их сравнительно легкой "добычей" переговорной группы Ликуда, лидер которого явно настроился на создание коалиции "расширенного" правого лагеря (имея в виду происхождение лидера и примерно половины электората очередной "партии центра" – "Кулану"). Которая после присоединения ЕД и НДИ к элементам уже имеющегося "костяка" коалиции – оформившегося союза Ликуда с двумя ультрарелигиозными партиями и партией "Кулану", должна была достичь 67 депутатов.

Альтернативный план – приглашение в коалицию вместо НДИ и ЕД, или вместо одной из этих партий (но, как полагают комментаторы, не вместо ШАС и ЕТ) 24 депутатов из блока "Сионистский лагерь", несмотря на опровержения Биби Нетаньяху и еще более энергичные опровержения Бужи Герцога и Ципи Ливни, рассматри-

вался, но после коротких консультаций его отвергли обе стороны. И дело не только в возможном серьезном ущербе имиджу, а за ним – причем уже в краткосрочной перспективе – электоральных потерях, которые может принести Ликуду и СЛ союз, заключенный немедленно после выборов, на которые оба списка шли под лозунгом "или мы, или они". Выигрыш, на который обычно рассчитывают инициаторы "правительств национального единства", в данном случае тоже не очевиден. Нетрудно заметить, что "Сионистский лагерь" и Ликуд, которые в сумме располагают менее 50% мест в Кнессете, не смогут диктовать свои условия фракциям (то есть все тем же ШАС, ЕТ и "Кулану"), которыми они будут вынуждены пополнить свою коалицию.

Более того, наличие в правительстве мощного левоцентристского блока может привести к повторению ситуации конца прошлой каденции. Тогда лидеры входящих в коалицию Нетаньяху левоцентристских партий "Еш атид" и "Ха-Тнуа" (ныне пребывающей в блоке с Аводой) все активнее критиковали главу правительства за его, по их мнению, "нежелание возобновить мирный процесс с палестинскими арабами". Причем тоном, очень близким к высказываниям левых оппозиционных партий. Что, собственно, среди прочего, и подвигло Нетаньяху инициировать досрочные выборы уже через полтора года после формирования своего третьего правительственного кабинета. Таким образом, коалиция с левоцентристами могла стать не более стабильной, чем "узкая" коалиция Ликуда с объявлено-правыми, ультрарелигиозными и центристскими партиями, а оперативные выгоды от союза с "Сионистским лагерем" могли не перекрыть его издержек.

В этой ситуации более актуальным приоритетом становилось введение в коалицию ослабленных НДИ и ЕД, руководители которых – Авигдор Либерман и Нафтали Беннет – уже в силу этого, по мнению приближенных к премьер-министру лиц, должны были умерить свои ли-

дерские амбиции и политические запросы. Понятно, что о бюджетных предложениях, сопоставимых с теми, которые получили партии "Кулану", ШАС и ЕТ, речь по определению не шла. В пакете предложений партиям Либермана и Беннета были сравнительно скромные обещания поддержки социальных, экономических и образовательных программ, отвечающих платформам их партий, подкрепленные в виде компенсации солидным набором министерских портфелей, которые Нетаньяху был готов предоставить членам ЕД и НДИ.

Важно отметить, что этот ресурс командой Ликуда в ходе коалиционных переговоров использовался достаточно широко. Готовность лидеров правящей партии удовлетворить повышенные финансовые требования ШАС и ЕТ не могла не стать прецедентом для других потенциальных коалиционных партнеров. А уже эти требования в сумме с необходимостью значительных добавок, диктуемых новыми вызовами в сфере безопасности страны, в бюджет остающегося в руках Ликуда Министерства обороны, могли быть удовлетворены только за счет существенного превышения установленных рамок бюджетного дефицита. Что, в свою очередь, могло поставить под угрозу демонстрируемые Израилем, начиная с середины прошлого десятилетия, одни из наиболее высоких в Западном мире темпов экономического роста на фоне сравнительно низкой безработицы и инфляции при стабильном росте общественного потребления.

Не подорвать этот процесс и одновременно удовлетворить партии, без которых было невозможно окончательно формировать коалицию, можно было лишь одним из двух способов. Либо решительно реструктурировать финансовые аспекты коалиционных соглашений с ШАС и ЕТ, на что Нетаньяху в силу изложенных выше причин было сложно пойти. Либо не меняя дисбаланса бюджетных денег, распределяемых в рамках коалиционных соглашений, пойти на значительное увеличение числа министерских постов, выделяемых партнерам по коалиции.

Именно этот, второй вариант лидерам Ликуда виделся более легким и, во всяком случае, более "дешевым", во всех смыслах слова, вариантом решения проблемы. Даже с учетом того, что увеличенный пакет министерских позиций немедленно потребовали и получили также и партии, чьи бюджетные запросы были учтены в почти полном объеме, а также члены самой правящей партии, не пожелавшие остаться чужими на этом "празднике раздач".

Именно поэтому одной из первых законодательных инициатив премьер-министра в новой каденции стала отмена (точнее, решение "отложить на будущее") принятой прежним Кнессетом поправки к Основному закону о правительстве, ограничивающей его состав 22 министрами и 4 заместителями министров, включая ликвидацию института "министра без портфеля". (В итоге в нынешнем, 34-м правительстве Израиля в качестве министров или зам. министров с "расширенными полномочиями" выступает половина депутатов от партий, входящих в правящую коалицию).

В руководстве Ликуда полагали, что эта схема сработает и в отношении НДИ и ЕД. Предложения, сделанные этим партиям, включали передачу под их контроль руководство министерствами, деятельность которых является актуальной для секторального ядра их электората. В случае НДИ это было Министерство алии и абсорбции (то есть интеграции репатриантов, три четверти которых за последние четверть века составили выходцы из бывшего СССР); в случае ЕД – Министерство просвещения, считающееся традиционным "доменом" ядра этого блока – партии религиозных сионистов МАФДАЛ прежде всего благодаря возможности контроля за относящейся к сфере деятельности министерства системой государственно-религиозного образования. (На нужды этой системы и предполагалось пустить заметную часть 630 миллионов шекелей дополнительного финансирования, обещанных Беннету для министерства образования в рамках коали-

ционных соглашений).[28] Кроме того, ЕД было предложено Министерство сельского хозяйства, в состав которого в 2014 году был передан (по инициативе Либермана и того же Беннета) отдел, обеспечивающий процесс поселенческой деятельности внутри и за "Зеленой чертой", что является важнейшим элементом повестки дня религиозного сионизма. (Не случайно на пост главы этого министерства претендовал лидер входящей в блок ЕД партии религиозных поселенцев "Ткума" Ури Ариэль.)

Помимо ведомств, обслуживающих оперативные интересы НДИ и ЕД в их "секторальной" ипостаси, премьер-министр сделал весьма креативный, как тогда казалось, ход. Он предложил Либерману и Беннету престижные портфели, которые им, в принципе, сложно было ультимативно требовать, исходя из сравнительно небольшого числа полученных их партиями на прошлых выборах мандатов, и обладание которыми должно было стать символом их принадлежности к верхней когорте политиков национального уровня. Авигдор Либерман получил предложение продолжить начатую им в 2009 году деятельность на посту главы МИДа, входящего наряду с минфином и минобороны в тройку ведомств, следующих по значимости непосредственно за Министерством (т.е. администрацией) главы правительства. А предложения, полученные Нафтали Беннетом, который был очевидным кандидатом на пост министра просвещения, включали посты министра юстиции (получение которого было его ультимативным условием не ухода в оппозицию) и заместителя министра обороны. То есть посты,

---

[28] "Платформа нового правительства противоположна рекомендациям экспертов" // israelinfo, 16 мая 2015, http://news.israelinfo.co.il/economy/56791. Подробнее см.: Йонатан Плесснер, Едидия Штерн, Мордехай Кремницер и др. Вызовы новым министрам. Иерусалим: Израильский институт демократии, 2015 (на иврите), https://sarim.herokuapp.com/ministers/index

на которые он мог делегировать своих ближайших соратников – Аелет Шакед и раввина Эли Бен-Дахана.

С точки зрения команды премьер-министра, эти предложения были более чем щедрыми, однако многие комментаторы уже в тот момент не преминули заметить, что обещанные НДИ и ЕД правительственные министерства "первого уровня" уже или будут лишены ряда традиционных полномочий, что во многом ограничит или сведет на нет реальные власть и влияние их обладателей в ряде актуальных для них плоскостей. Так, ряд традиционных сфер ответственности МИДа был передан 4 другим министерствам, в основном возглавляемым депутатами от правящей партии. Минюст потерял руководство системой религиозных судов, переданных в распоряжение Министерства по делам религий, во главе которого встал представитель партии ШАС. Кроме того, в коалиционное соглашение Ликуда и ЕД был внесен пункт, согласно которому у премьер-министра остается право налагать вето на предложения, которые будут выноситься на рассмотрение законодательной комиссии Кнессета. Это означает, что премьер-министр сможет блокировать "нежелательные" инициативы ЕД, такие как выдвинутый Айелед Шакед проект реформы юридической системы Израиля, включая комиссии по выбору судей и ограничение "судебного активизма" (активного вмешательства в прерогативы законодателей и членов правительства) судей БАГАЦ, ставшей "знаменем" гражданской платформы ЕД. (Слова Нетаньяху, якобы сказанные им своим приближенным и попавшие в прессу накануне подписания договора Ликуда и ЕД, что "Еврейский дом" может забыть об изменениях и реформах в Верховном суде и вообще в судебно-юридической системе", если и не являются точной цитатой, то, вероятно, отражали настроения в верхушке правящей партии). [29]

---

[29] Цит. по: Зеэв Кам. Нетаньяху в конфиденциальных беседах: Шакед может забыть о революциях // Макор Ришон, 08.05.2015 (на иврите).

А зам. министра обороны Эли Бен-Дахан в принятой министром обороны Буги Яалоном схеме распределения обязанностей в министерстве был фактически отстранён от обещанного ему в рамках предварительных консультаций руководства гражданской администрацией в Иудее и Самарии, которая, среди прочего, отвечает за утверждение планов строительства в расположенных там еврейских поселениях, где проживает идеологическое ядро электората ЕД и развитие которых является одним из основных вопросов ее политики.

Иными словами, НДИ и ЕД после выборов оказались в более-менее одинаковой ситуации и были поставлены перед примерно сходной дилеммой. А именно, либо принять "предложения Ликуда, от которых нельзя отказаться", то есть взять набор престижных министерств с "обрезанными" полномочиями и ограниченными средствами и, войдя в коалиционное правительство и влияя изнутри, постараться наполнить реальными возможностями предоставленные им формальные рамки. Либо изначально потребовать изменения правил игры – пересмотра концепции основного бюджета и коалиционных соглашений о моделях распределения дополнительных бюджетов, а также передачи под контроль предложенных партиям ведомств реальных инструментов влияния и реализации партийных платформ. То есть реализации схемы, которую успешно применил Моше Кахлон, который, сославшись на негативный опыт своего предшественника Яира Лапида, в дополнение к Минфину потребовал – и получил для своей партии все инструменты, необходимые, по его мнению, для выполнения его главного обещания – радикального снижения цен на жилье. Включая два министерства – строительства и экологии и два государственных управления – планирования строительства и земельных ресурсов. (Единственный пункт из заявленного Кахлоном списка, который Нетаньяху так и не смог удовлетворить, было руководство финансовой комиссией Кнессета, которое было передано блоку "Яхадут ха-

Тора", считающему руководство этой комиссией своим традиционным "доменом").

Как можно заметить, Беннет и "Еврейский дом" приняли первый вариант действий и вошли в коалицию, Либерман и НДИ – второй вариант и, не добившись удовлетворения своих требований, остались в оппозиции. Решение Либермана стало неприятным сюрпризом для Нетаньяху, который до последнего момента был уверен в том, что у лидера НДИ нет иной альтернативы, чем войти в правительство Нетаньяху на предложенных условиях.

Пытаясь спасти положение, члены команды Нетаньяху старались повлиять на решение Либермана, "сливая" в прессу противоречивую информацию. Так, одни СМИ, со ссылкой на приближенных Нетаньяху, утверждали что "обида Биби на Ивета" (Авигдора Либермана) столь велика, что даже если лидер НДИ раскается и попросится в коалицию, премьер его не возьмет.[30] А другие в тот же день цитировали иные источники, согласно которым "Нетаньяху якобы дал Либерману понять, что если тот согласится войти в коалицию, то сможет получить вожделенный пост министра обороны".[31] (Что глава НДИ косвенно подтвердил, выступая после своей отставки с поста главы МИДа на заседании фракции НДИ)[32]. Решение Либермана оказалось бесповоротным, и Нетаньяху, имея в начале переговорного процесса, казалось бы, на руках все козыри, в конечном итоге был вынужден удовлетвориться минимально возможной коалицией из 61 депутата.

Иными словами, партийный расклад, возникший в Кнессете после выборов в марте 2015 года, вновь стал итогом конкретной политической ситуации, а отнюдь не

---

[30] См., например, Ynet, 08.05.2015.

[31] Информация Второго канала ИТВ, 08.05.2015.

[32] Либерман: "Приближенные Нетаньяху предлагали мне стать министром обороны // NewsRu, 11.05.2015, http://newsru.co.il/israel/11may2015/liberman_700_00.html

результатом глубоких структурных подвижек в политической системе, которые, по идее, должен был бы спровоцировать повысившийся электоральный барьер. Это означает, что если предложенные варианты реформы политической системы Израиля и имеют потенциал, то его реализация явно не является делом сегодняшнего дня. Похоже на то, что вне зависимости от того, какие темы и лозунги были озвучены в ходе прошедшей избирательной кампании, первое, чем после принятия бюджета на 2015 и 2016 годы должен озаботиться новый состав депутатов, – это принятие пакета законов, которые будут способствовать осторожной и рациональной корректировке системы политической власти в Израиле. Разумеется, в том случае, если у депутатов будет на это время, ибо если события будут развиваться в русле описанных тенденций, шансы Двадцатого Кнессета отбыть всю отведенную законом четырехлетнюю каденцию могут быть даже меньше, чем у его предшественников.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Во-стока" (информационно-аналитический справочник, сов-местно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).

232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).

233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).

236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".

238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".

239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).

240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".

241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).

242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).

243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).

246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).

247. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль". Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).

248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".

250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".

251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".

252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".

253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).

254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."

255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".

256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".

258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутриполитическое развитие и внешняя политика".

259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".

261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".

262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".

263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".

264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).

265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).

266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года.

267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".

268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".

269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".

271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".

272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".

273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".

274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".

276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**

230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**

238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**

239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**

241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**

244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Pogornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of “the party of power”. Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country’s new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. “ «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israely relationship" T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and islamist armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**

267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**

268. " «The Third Israel»: Russian-speaking community and political process in the Jewsh state in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

269. " «Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by **N.Podgornova**

271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglovin**

272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)" by **V.Mesamed**.

273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by **N.Podgornova**

274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**

275. "The formation of National innovation system of Israel (1985–2012) by **N.Zhadovec**

276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising. (90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**

Научное издание

Владимир (Зеэв) Ханин

ПРОБЛЕМА РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ В СВЕТЕ ПРЕДПОСЫЛОК И ИТОГОВ ВЫБОРОВ В КНЕССЕТ XX СОЗЫВА

Подписано в печать 23.05.2016 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 12 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 65

Первая оперативная типография
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12